РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLVII-й. ДЕКАБРЬ. 1916 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

XII-я книга „Русской Старины" вышла 1-го декабря 1916 года.

Библіографическій листокъ.

Село Троицко—Кайнарджи и Сельцо Зенино, Карнѣевотожъ. Историческій очеркъ Ц. 1 р.

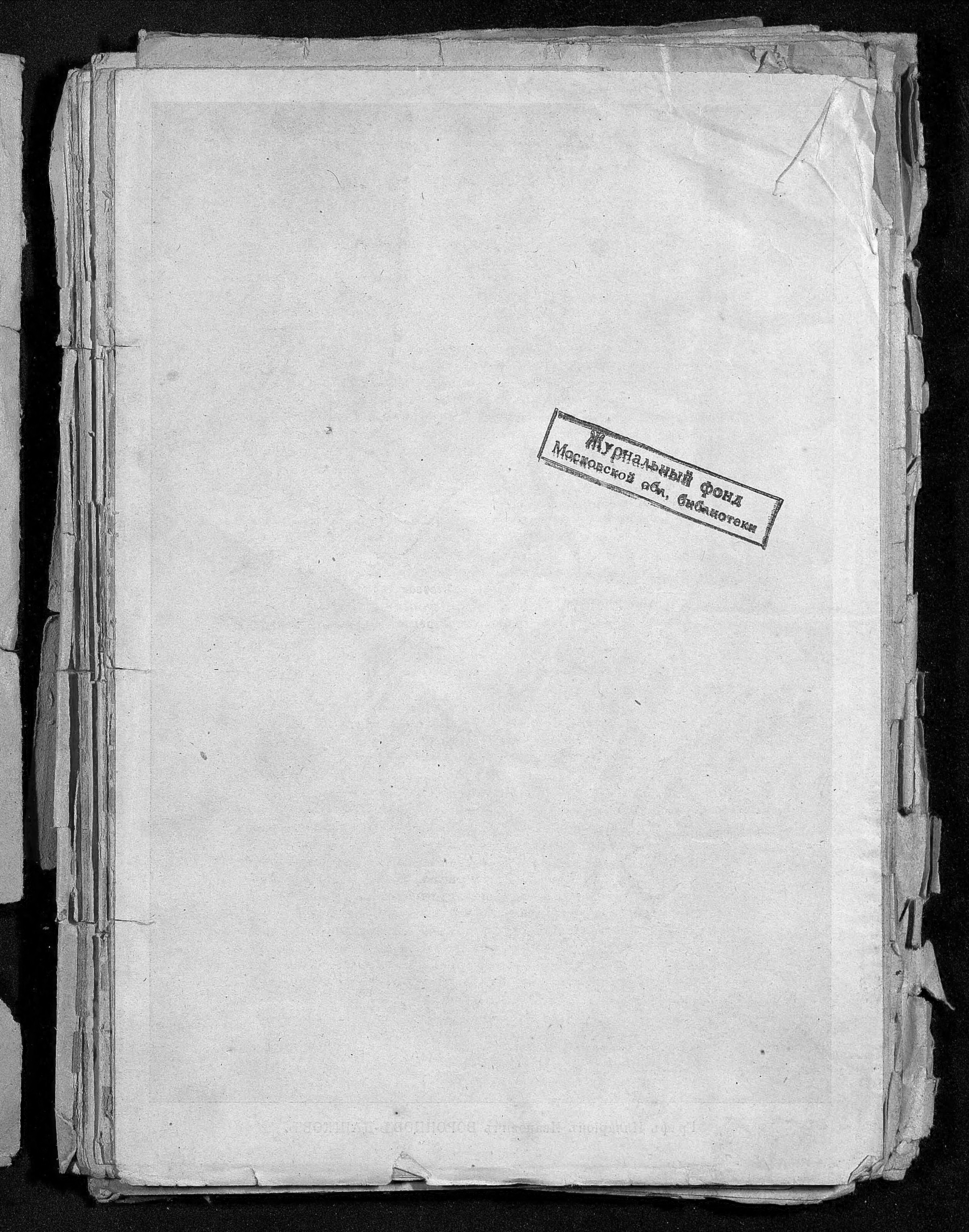
Очеркъ этотъ—историческое описаніе граничащаго съ Москвой имѣнія, принадлежавшаго нѣкогда знаменитому фельдмаршалу графу П. А. Румянцеву-Задунайскому. Въ настоящее время „Зенино" принадлежитъ городскому управленію Первопрестольной, которому оно уступлено въ интересахъ оздоровленія древней столицы Ив. Ив. Шаховскимъ, владѣвшимъ имѣніемъ свыше 45 лѣтъ. Внеся въ „Зенино" всѣ улучшенія современной сельско-хозяйственной культуры, И. И. Шаховской въ то же время тщательно сохранилъ всѣ историческіе памятники, связанные съ дѣяніями знаменитаго фельдмаршала и побѣдоносныхъ Россійскихъ войскъ. Уступивъ Москвѣ „Зенино", послѣдній владѣлецъ его внесъ въ городскую думу капиталъ, проценты съ котораго обезпечили изданіе настоящаго очерка и стипендію для одного студента Петровской сельско-хозяйственной Академіи съ цѣлью приготовленія образованнаго завѣдующаго новымъ городскимъ владѣніемъ. Очеркъ изданъ очень красиво, снабженъ многочисленными хорошими рисунками въ текстѣ и 14 великолѣпно выполненными фотогравюрами на вкладныхъ листахъ. Среди послѣднихъ портреты историческихъ дѣятелей и прекрасные снимки съ видовъ имѣнія. Такія изданія слѣдуетъ, конечно, горячо привѣтствовать, такъ какъ они содѣйствуютъ лучшему ознакомленію съ отдѣльными прекрасными уголками нашего обширнаго отечества и предохраняютъ ихъ отъ печальнаго забвенія.

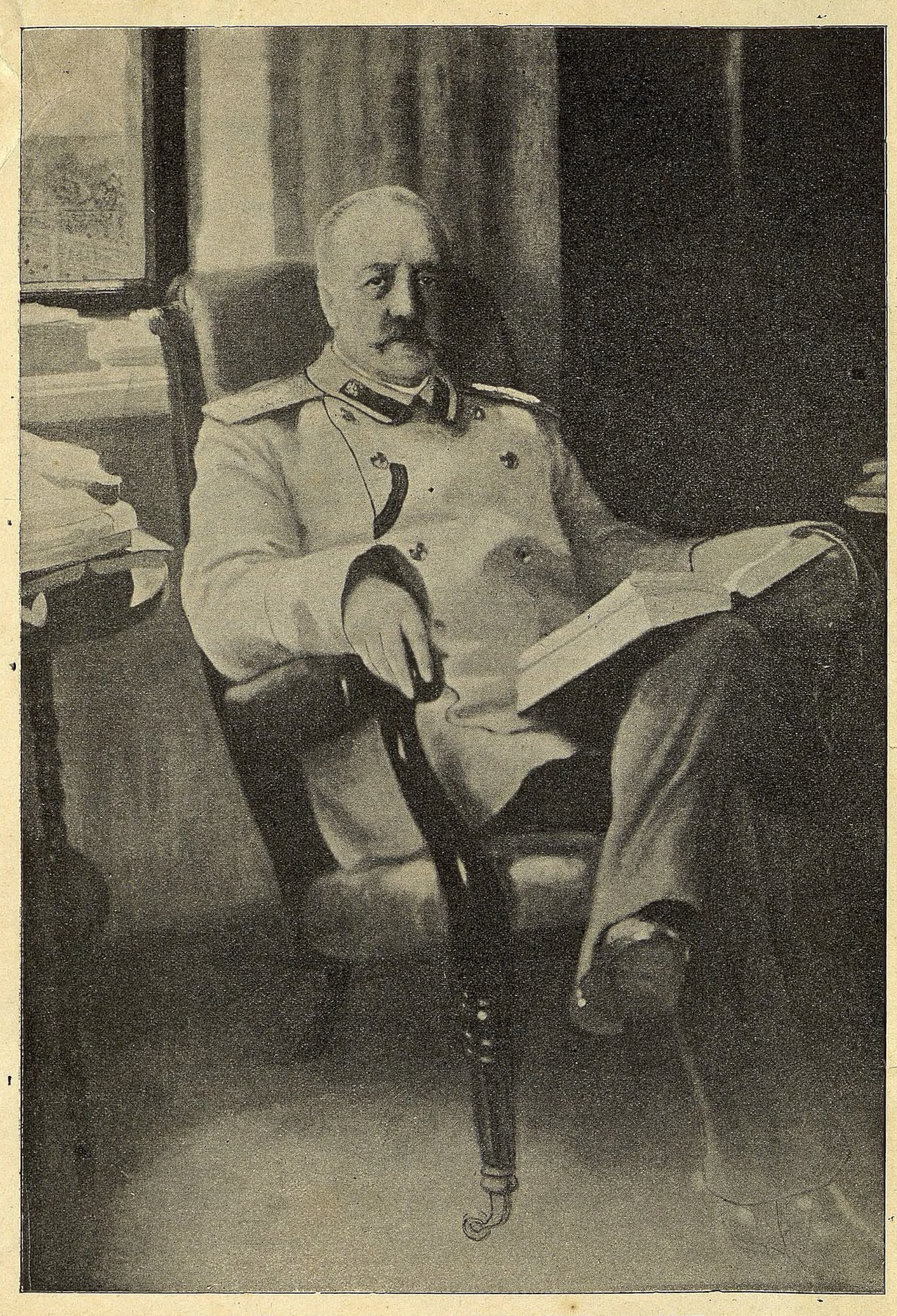
С. Я.

Памяти Измаила Ивановича Срезневскаго. Книга I. Изд. Императорской Академіи наукъ. Петр. 1916 г. Ц. 2 р. 50 к.

Книга эта—первый выпускъ сборника, издаваемаго Академіей Наукъ въ мамять ея покойнаго сочлена И. И. Срезневскаго по поводу столѣтія со дня рожденія извѣстнаго филолога и слависта. Въ этотъ выпускъ включены рѣчь извѣстнаго академика А. А. Шахматова о значеніи жизни и дѣятельности И. И. Срезневскаго, очеркъ жизни его, описаніе выставки въ память столѣтія рожденія и матеріалы для біографіи (научная библіографія),—составленные В. И. Срезневскимъ; статьи: проф. Н. Ѳ. Сумцова—харьковскій періодъ научной дѣятельности И. И. Срезневскаго, А. И. Соболевскаго—заслуги И. И. Срезневскаго, В. А. Францева—В. И. Срезневскій и славянство, И. В. Цвѣтаева—изъ студенческихъ воспоминаній о Срезневскомъ, И. В. Ягича—воспоминанія о Срезневскомъ, О. И. Срезневской—художественныя произведенія И. И. Срезневскаго и его отношеніе къ поэзіи вообще. Къ книгѣ, изданной изящно, на хорошей бумагѣ, приложены: превосходно выполненная фотографія съ портрета И. И. Срезневскаго, многочисленныя воспроизведенія съ его рисунковъ и автографовъ, съ автографовъ знаменитыхъ друзей и современниковъ И. И. Срезневскаго—Н. И. Костомарова, В. Ганки, В. Караджича и многихъ другихъ. Цѣна книги поразительно дешевая.

С. Ш.

Графъ Илларіонъ Ивановичъ ВОРОНЦОВЪ-ДАШКОВЪ.

Открыта подписка на историческій журналъ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1917 годъ.

Вступая въ 1917 г. въ сорокъ восьмой годъ своего существованія, ред. журн. **„РУССКАЯ СТАРИНА“** предполагаетъ напечатать въ этомъ году слѣдующія статьи: **А. Ѳ. Кони.**—„Изъ воспоминаній и замѣтокъ судебнаго дѣятеля“. „Житейскія встрѣчи“. **Дневныя записки генерала Патрика Гордона,** сподвижника царей: Алексѣя Михайловича, Ѳеодора Алексѣевича и Петра Великаго. **М. М. Богословскаго.**—Дѣтство Петра Великаго. **В. М. Бочкарева.**—Къ исторіи проведенія въ жизнь губернской реформы Екатерины II. **В. Евгеньева.—Неизданныя статьи (1863—64) И. А. Гончарова.**—Московскія Вѣдомости (Каткова) и День (Аксакова).—**А. П. Неѣлова.**—Изъ дальнихъ лѣтъ. **Е. С. Шумигорскаго.**—Донесеніе датскаго посланника Гакстгаузена о царствованіи Петра III и переворотѣ 1762 г. Изъ записокъ гр. Ѳ. И. Головкина. Разсказы современниковъ объ Императорѣ Павлѣ I. — **Дневникъ статсъ-секретаря Гр. И. Вилламова. Сообщено В. Я. Бахтіяровымъ.**—Изъ дневника М. Н. Галкина-Врасскаго. Замѣчательныя слова Императора Николая Павловича. Изъ записной книжки М. Н. Галкина-Врасскаго. Назначеніе эстляндскимъ губернаторомъ (1868 г.). Взгляды на Остзейскій вопросъ: Императора Александра II, Императрицы Маріи Александровны, Цесаревича и Цесаревны, В. К. Елены Павловны, пр. П. Г. Ольденбургскаго, В. К. Константина Николаевича, канцлера кн. Горчакова, гр. В. А. Перовскаго и гр. П. А. Шувалова. **Е. А. Рагозиной.**—Дарданеллы и Египетъ при Измаилъ-пашѣ. **А. Д. Бутовскаго.**—Первые шаги на учебной службѣ. (Вр. Милютина, Исакова, Ванновскаго, Махотина). **Т. Т. Стефанова.** — Еще нѣсколько словъ о Пушкинѣ. Изъ жизни декабристовъ на Кавказѣ А. А. Бестужева (Марлинскаго) и В. Толстого. Кн. **С. П. Мансырева.**—Къ исторіи русской цензуры. **А. В. Лонгинова.**—Обзоръ записокъ графа Матвѣева и варіантъ о стрѣлецкомъ полковникѣ Сухаревѣ. **В. А. Мустафина.**— Гр. М. Н. Муравьевъ въ письмахъ къ Валуеву. **А. М. Чижевскаго.**—Воспоминанія о студентахъ Кіевской духовной академіи. **М. В. Сильвергельма.**—Заколдованное зало. **А. В. Полторацкаго.**—Петръ Великій и шведскіе послы 1692 г. **Н. А. Лашкова.** — Петровъ день въ Грузинѣ. **В. Сихарулидзе.**—Краткое увѣщаніе преосвященнаго къ народу своей епархіи о Пугачевѣ. **Л. И. Сазонова.**—Изъ-за волшебной веревочки. **Н. Морозова.**—Люди и нравы за полвѣка. **А. Вольноходова.** — Письма Драгомирова и его жены Радецкому. **М. Ф. Чулицкаго.** — Объ ученикахъ хирургической науки, обвиняемыхъ въ отбытіи отъ караула женокъ. **А. Е. Кауфмана.** — Въ гостяхъ у Саардамскаго плотника. **З. А. Спезскинской.**—Дворянство 40-хъ годовъ и литература. **А. И. Конорова.**—Проѣздъ варшавскаго архіепископа Никанора черезъ Маріамполь. **В. Грузинцева.**—Воспоминанія о Вел. Кн. Алексѣѣ Александровичѣ.—**А. И. Георгіевскаго.**—Мои воспоминанія и размышленія. Записки **Н. В. Исакова.**—Военныя дѣйствія на Кавказѣ при Воронцовѣ. **Замѣтки Петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны.** Записки генерала М. А. Домонтовича. Воспоминанія ген. Савельева, Веселовскаго, Андріящева, Леваковскаго, Андреевскаго и др. **Штрайха—Неизданныя письма Пирогова.**

Въ будущемъ году будетъ обращено особое вниманіе на печатаніе воспоминаній участниковъ русско-нѣмецкой войны.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 11 руб. съ пересылкой, заграницу 13 руб.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 5% съ каждаго рубля.

Подписка принимается въ Петроградѣ, Фонтанка, д. № 18.

Изъ дневника русской въ Турціи.

Глава XLII [1]).

Итакъ, угасла на политическомъ горизонтѣ яркая звѣзда Мидхатъ-паши: онъ былъ вознесенъ европейской дипломатіей до вершины славы; но сверженъ оттуда внизъ фатальной силой Абдуль-Гамида, и ему, такимъ образомъ, даже не пришлось вкусить отъ плодовъ тріумфа своего родного дѣтища, взлелѣяннаго имъ на почвѣ западныхъ идеаловъ.

Такова была развязка трагедіи жизни автора парламентаризма, инсценированнаго тогда для Европы на берегахъ волшебнаго Босфора...

Но въ тѣ историческіе дни меня болѣе всего поражала крайнимъ недоумѣніемъ роль иностранной прессы, такъ какъ она почти не реагировала на фактъ изгнанія Мидхатъ-паши изъ столицы падишаховъ, тогда какъ прежде все ея вниманіе было исключительно обращено именно въ его сторону. Левантинская печать также сбавила тонъ, и на ея страницахъ умолкли побѣдныя фанфары въ честь торжества новаго режима, а въ благодарность за дарованную ей „свободу слова" выпустила каррикатуру, изображавшую палату засѣданій съ уснувшими на скамьяхъ депутатами въ чрезвычайно смѣшныхъ и довольно рискованныхъ, неприличныхъ позахъ.

Однако, и дни „юнаго парламента" уже были сочтены: 21 марта его безъ всякихъ церемоній распустили и объ-

---

[1]) См. „Русскую Старину" апрѣль 1916 г.

явили новые выборы!. Словомъ, произошло именно то, чего никакъ не могла ожидать Западная Европа, диктовавшая свою волю турецкому правительству. Но почему такъ?! Развѣ не добровольно подписалъ Абдулъ-Гамидъ великій актъ о равенствѣ передъ законами всѣхъ безъ исключенія народовъ, подвластныхъ его коронѣ?..

На эти вопросы никто не давалъ прямого отвѣта: въ дворцовыхъ сферахъ, напримѣръ, говорили, что Мидхатъ-паша обманулъ вообще довѣріе султана, а по версіямъ изъ дипломатическаго міра „новорожденный" парламентъ оказался будто бы неработоспособнымъ и, такимъ образомъ волей-неволей его пришлось распустить; но въ царствѣ типографскихъ красокъ и чернилъ интернаціональной прессы разсказывали такія удивительныя легенды, что повторять ихъ было бы даже не умно: кому не извѣстно, что за границей пишутъ о насъ лишь однѣ глупѣйшія сказки; но для курьеза отмѣчаю только одну изъ нихъ, гдѣ авторъ, не стѣсняясь границами своей дикой фантазіи, увѣрялъ публику, что закрытіе первой сессіи турецкаго парламента не обошлось конечно безъ интригъ русской дипломатіи да еще при благосклонномъ якобы участіи бѣлыхъ медвѣдей, казаковъ и... *самоваровъ!*

Какъ могло это случиться — никто не спрашивалъ, и вопросъ, такимъ образомъ, былъ исчерпанъ. Зато эллинскія газеты, руководимыя изъ Аѳинъ политикою задора, отводили, какъ говорится, душу во всю: на ихъ страницахъ въ лучахъ розовыхъ перспективъ древняя Византія уже склоняла голову передъ Императоромъ „Константиномъ", еще тогда носившимъ титулъ герцога Спартанскаго и „діадоха" [1]) греческаго престола. Къ моменту, о которомъ идетъ сейчасъ моя рѣчь, ему было всего лишь 9 лѣтъ, и каждый туристъ, посѣщавшій столицу древней Эллады, свободно могъ созерцать его въ извѣстные часы играющимъ въ лошадки съ дѣтьми горожанъ на какой-нибудь площадкѣ сквера или же гуляющаго съ нянькой по широкимъ аллеямъ великолѣпнаго аѳинскаго бульвара. И дѣйствительно, образъ жизни королевской семьи поражалъ иностранца своими упрощенными формами, которыя, вообще, не могли отвѣчать нашимъ условнымъ понятіямъ объ этикетѣ: королева, напримѣръ, ѣздила въ гости къ обыкновеннымъ смертнымъ и заходила въ магазины, чтобы купить себѣ пер-

---

[1]) Въ буквальномъ переводѣ съ греческаго „преемникъ".

чатки или шляпку, а ея августѣйшій супругъ проводилъ нерѣдко часъ - другой времени за кружкой пива въ какой нибудь brasserie на улицѣ Гермеса. Въ данныхъ случаяхъ присутствіе монарха нисколько не стѣсняло публику и не роняло въ ея глазахъ престижа королевской власти. Но мнѣ хотѣлось бы сказать въ этой главѣ еще нѣсколько словъ о малолѣтнемъ діадохѣ, вокругъ имени котораго эллинскій народъ строилъ и продолжаетъ до нашихъ дней включительно строить воздушные замки, населяя ихъ плѣнительными грезами и красивыми легендами. А вотъ одна изъ нихъ, и хотя она извѣстна каждому образованному человѣку, но я тѣмъ не менѣе передаю ее здѣсь. Мы знаемъ также, что христіанская исторія храма св. Софіи начинается въ царствованіи Константина Великаго, а заканчивается тѣмъ моментомъ, когда султанъ Магометъ II во главѣ своихъ полководцевъ въѣзжаетъ на конѣ въ соборъ и провозглашаетъ формулу Ислама: „Нѣтъ бога кромѣ бога, а Магометъ пророкъ его". Такъ говоритъ лѣтописецъ а греки еще добавляютъ къ этому легенду объ одной замурованной двери, черезъ которую будто бы скрылся патріархъ съ чашей св. Даровъ въ ту роковую минуту, когда турки ворвались въ храмъ св. Софіи. Но таинственная дверь, гласитъ преданіе, откроется сама собой: оттуда появится священнослужитель и въ присутствіи „императора Константина" докончитъ литургію, прерванную 29-го мая 1453 года...

На этихъ туманныхъ преданіяхъ греки и строили свою политику, въ которой имя діадоха „Константинъ" занимало первое мѣсто. Такъ шло время: о благахъ конституціи даже въ газетномъ мірѣ перестали говорить, и жизнь обывателя на патріархальномъ островѣ стала входить въ свою прежнюю колею.

Но вотъ 7 апрѣля рано утромъ, когда я спала еще крѣпкимъ сномъ, меня вдругъ разбудилъ голосъ тети Marie: „Вставай! Вставай! — повторяла она тревожно, при чемъ слезы катились градомъ изъ ея глазъ:—надо собираться и укладываться...

— Боже мой, что случилось?! Что такое — революція? Мидхатъ-паша?..—спрашивала я, дѣлая усилія понять ее.

— Война! Война Россіи съ Турціей, — перебила она: — дядя получилъ условную телеграмму изъ нашего посольства — какой ужасъ! Неужели еще мало крови?! Теперь

ясно какъ день, для чего распустили парламентъ!.. Ахъ, какую ужасную роль играетъ христіанская Европа!..

И дѣйствительно это былъ ударъ судьбы для восточныхъ христіанъ, такъ какъ они наивно вѣрили, что западная дипломатія лишь ради ихъ прекрасныхъ глазъ навязала Абдулъ-Гамиду свою конституцію, чтобы такимъ образомъ безъ всякихъ потрясеній рѣшить навсегда больной вопросъ о реформахъ и тѣмъ избавить міръ отъ зрѣлища кровавой борьбы за права человѣка подъ небомъ Оттоманской имперіи...

Но Европа менѣе всего думала о такихъ мелочахъ: ей надо было, какъ знаемъ мы теперь, собрать чужими руками обильную жатву на берегахъ классическихъ морей, и вотъ куда вела она покорную ей Турцію...

Безумная тоска захватила всѣ фибры моей души, и я увидѣла словно на экранѣ волшебнаго фонаря что-то безконечно дорогое и страшно близкое мнѣ; но въ слѣдующее короткое мгновеніе точно какая-то невидимая рука вдругъ стала опускать темную занавѣсь надъ милымъ видѣніемъ и скрыла отъ меня призраки минувшаго...

Глава XLIII.

По расписанію на другой же день, 8-го апрѣля прибывалъ изъ Яффы пароходъ „Императоръ Александръ II"; но это былъ уже послѣдній нашъ рейсъ въ турецкихъ водахъ.

Но такъ какъ по служебному долгу мой дядя обязанъ былъ увезти бумаги консульства и архивъ агентства до начала военныхъ дѣйствій, то ничего другого не оставалось, какъ бросить домъ на волю судьбы, а укладывать въ ящики только этотъ хламъ, который представлялъ собою цѣлыя горы пакетовъ и шнурованныхъ книгъ, занимавшихъ на протяженіе 25 лѣтъ весь чердакъ агентской конторы.

Надо было видѣть картину нашего отъѣзда изъ Хіоса, чтобы никогда не забыть ее: я все это вижу и теперь, закрывъ глаза, когда вереница воспоминаній уноситъ меня къ берегамъ синихъ морей, въ царство прелестныхъ видѣній и классическихъ образовъ. Почти все населеніе города, а также изъ дальнихъ плантацій явилось проводить насъ, и зрѣлище это вызвало бы у наблюдателя слезу умиленія — достаточно будетъ сказать, что даже наши политическіе враги, турки, наперекоръ логикѣ фанатизма

пришли также выразить намъ свои добрыя чувства. Бѣдный Хассанъ-эфенди прямо рыдалъ надо мной; гаремныя дамы плакали и увѣряли, что якобы въ моемъ лицѣ онѣ теряли послѣдній лучъ свѣта, проникавшій въ ихъ унылое существованіе изъ внѣшняго міра. До нѣкоторой степени это была правда, такъ какъ затворницы Востока чрезвычайно любятъ общество иностранокъ, а ихъ визиты къ нимъ разсматриваются въ гаремахъ, какъ событія первѣйшей важности. Къ сожалѣнію, по нѣкоторымъ мотивамъ дипломатическаго свойства ни самъ Кіамиль-паша, ни его семья не могли находиться въ числѣ провожавшихъ насъ, и я уѣхала, не сказавъ даже прости моей бывшей подругѣ. Нашъ вѣрный слуга и другъ, кавасъ Али, также рыдаетъ, какъ ребенокъ, и отчаяніе бѣднаго старика не знаетъ границъ. Уложить всю обстановку дома не пришлось; но друзья выручили и здѣсь: все наше личное имущество они забрали къ себѣ на храненіе до окончанія войны и, такимъ образомъ, устроили дѣло...

Но вотъ и послѣдній моментъ нашего отъѣзда изъ страны, которая была для меня земнымъ раемъ, гдѣ подъ шатромъ вѣчно голубого неба, въ панорамахъ горъ, убранныхъ зеленью южной флоры, долинъ, покрытыхъ розами, синей, какъ индиго, водой у береговъ—я пережила экстазъ любви короткой весны моей жизни. Послѣднія слезы, объятія, горестныя восклицанія, а затѣмъ лодка греческаго консула перевозитъ насъ къ спущенному трапу съ палубы „Александра II". Мы поднимаемся наверхъ и вступаемъ, такимъ образомъ, подъ сѣнь нашего русскаго флага...

Ночь зажигаетъ на черномъ фонѣ небосклона яркія звѣзды: вотъ и Большая Медвѣдица раскинула свою громадную колесницу и смотритъ, не моргая глазами, на уснувшія волны, по которымъ тихо скользитъ нашъ плавучій домъ, гдѣ все населеніе заснуло, убаюканное нѣжнымъ шопотомъ Эгейскаго моря и равномѣрнымъ стукомъ машины.

На палубѣ никого — только порхая съ мачты на мачту гуляетъ и рѣзвится свѣжій вѣтерокъ.

Морфей протягиваетъ мнѣ также свои объятія; но я убѣгаю отъ него и остаюсь одна, чтобы разобраться въ хаосѣ тѣхъ противорѣчій, которыя наполняли всю мою душу.

Съ каждымъ поворотомъ винта дальше и дальше уходитъ отъ меня милый, незабвенный островъ, и я прощаюсь

съ нимъ навсегда. Долго еще тянутся очертанія Хіоса, а затѣмъ мы углубляемся въ бурный потокъ Чандарли, этой Сциллы и Харибды турецкаго Архипелага; здѣсь бѣшеныя волны принялись штурмовать насъ, раскачивая то вправо, то влѣво могучій корпусъ нашего „Александра II"; но я уже не въ силахъ держаться на ногахъ и ухожу въ каюту, гдѣ погружаюсь въ хаосъ болѣзненныхъ видѣній.

На утро, осторожно лавируя въ тѣсной бухтѣ Смирнскаго залива, мы бросаемъ якорь: агентская лодка „Русскаго Общества" встрѣтила насъ и, подброшенная волной до уровня трапа, передала капитану срочную депешу. Тогда оказалось, что по распоряженію адмирала Чихачева „Александръ II" немедленно долженъ былъ покинуть гавань и уходить къ Дарданеламъ, чтобы не позже 7 часовъ утра слѣдующаго дня выбраться изъ нихъ въ Мраморное море. Такъ гласилъ приказъ, и не прошло 20 минутъ, какъ загремѣли опять цѣпи якорей, пароходъ, нѣсколько разъ вздрогнувъ, точно его била лихорадка, повернулся носомъ къ выходу изъ бухты, а затѣмъ набережная и городъ стали уплывать назадъ.

Я стою на верхней палубѣ, вооруженная сильнымъ биноклемъ, и съ напряженнымъ любопытствомъ разсматриваю знакомыя картины, чтобы навсегда удержать ихъ въ моей памяти.

Теперь мы несемся вдоль берега древней Трои: вотъ могила Ахиллеса, высокій холмъ, окутанный зеленью и кустарникомъ; далѣе еще возвышенія, подъ которыми, гласитъ устное преданіе, лежатъ развалины царства Пріама; но сколько я ни наводила туда зрительныя трубки, а въ окуляры ихъ ни разу не попадала тѣнь „прекрасной, раменно лилейной", какъ называлъ ее Гомеръ, супруги Атрида Менелая, ни очаровательнаго ловеласа античнаго міра, красавца Париса, ни „царя царей" Агамемнона или же, напримѣръ, храбрѣйшаго полководца Троянской эпохи Гектора, сраженнаго „быстроногимъ" Ахилломъ, и другихъ богоподобныхъ лицъ, воспѣтыхъ Гомеромъ.

— „Sic transit gloria mundi" — повторяла я, удивленная такимъ оборотомъ дѣла; но, вспомнивъ, что всѣ эти господа уже давно перекочевали въ оперетку, съ негодованіемъ отошла въ сторону отъ нихъ. Зато родныхъ братьевъ „прекрасной Елены", славныхъ діоскуровъ [1]), боговъ мореход-

[1]) Сыновья Зевса.

ства, Кастора и Поллукса я видѣла очень ясно въ ту историческую ночь, горѣвшими, какъ брильянты въ области созвѣздія Близнецовъ.

— Господа, кто желаетъ! Дарданеллы! пожалуйте наверхъ!—такъ говорила прислуга, обходя всѣ каюты. Было всего только пятый часъ утра: солнце еще не поднималось надъ горизонтомъ; но красная лента восхода уже тянулась по небосклону, разгоняя ночныя тѣни. Проходитъ минута, другая, и все населеніе „Александра II", покинувъ душныя койки, бѣжитъ наверхъ. Осторожно и точно оглядываясь, входимъ мы въ роковой проливъ.

Картина внушительная: обставленные высокими горами въ нѣсколько ярусовъ, оба берега превращены въ земляныя и каменныя укрѣпленія, откуда сурово глядятъ ряды крупповскихъ пушекъ.

Два лоцманскихъ бота встрѣчаютъ нашъ пароходъ и ведутъ его по узкому фарватеру черезъ площадь минныхъ загражденій. Сильное теченіе уноситъ пароходъ все дальше и дальше, а мы переживаемъ моменты глубокой тревоги. Но и было надъ чѣмъ задуматься: подъ волнами, на гребняхъ которыхъ тихо скользитъ наше временное убѣжище, лежатъ страшныя торпеды: всего лишь одинъ невѣрный поворотъ за лоцманомъ, и мы взлетимъ къ облакамъ! Положеніе не изъ пріятныхъ, а главное исключительное: война хотя пока не оффиціально, а уже объявлена — семь бѣдъ одинъ отвѣтъ, такъ какъ не станутъ же воевать спеціально изъ-за одного пущеннаго къ дну непріятельскаго судна?..

Наконецъ „Александръ II", слѣдуя за лоцманами, дѣлаетъ крутой поворотъ въ стороны фортовъ Чанакъ и Килидъ Бахра, гдѣ ширина пролива измѣрена не болѣе, какъ въ 1/4 версты. Здѣсь турецкіе путеводители ведутъ насъ такими мудреными зигзагами, что пароходу нашему ничего другого не остается, какъ переломиться на двѣ равныя части: весь онъ трещитъ и гнется, лавируя между торпедами; но въ концѣ концовъ измученный, усталый выходитъ изъ этого ада и несется въ пространство Мраморнаго моря. Безпокойная зыбь пролива не докатывается сюда, а синяя вода, отражая, какъ въ зеркалѣ, огненные блики солнца, тихо и робко журчитъ подъ кормою „Александра II"...

Къ 4 часамъ дня мы уже находились въ предѣлахъ Босфора.

Е. Рагозина.

За пятьдесятъ лѣтъ [1].

Воспоминанія артистки М. М. Глѣбовой.

(Окончаніе).

Глава 13.

Изъ ближайшихъ для меня ролей и очень отвѣтственныхъ была роль городничихи. Комическое впечатлѣніе производила я, 17 лѣтняя жена Сквозника-Дмухановскаго рядомъ со своей дочерью героиней въ пятьдесятъ лѣтъ. Замѣнить меня не было возможности. Приглашенная на это артистка не пріѣхала, а комическая старуха играла свою излюбленную роль Пошлепкиной. Какъ я играла эту роль, не знаю, не могу дать себѣ отчета. Должно быть выходило жалко и смѣшно. Изъ лица моего парикмахеръ устроилъ цѣлую географію, наклеили сѣдыя брови, но молодость не замажешь, и я походила на кого угодно, но только не на городничиху.

Время шло, наступила зима. Жила я впроголодь, а объ шубенкѣ нельзя было и думать. Вотъ я и ходила въ лѣтнемъ бурнусикѣ и въ дырявыхъ ботинкахъ. Купить было не на что, все мое жалованье почти цѣликомъ уходило на надобности сцены. Чтобы не такъ были замѣтны зіянія на ботинкахъ, я купила черные нитяные чулки. Въ одинъ изъ спектаклей меня познакомили съ морякомъ, занимавшимъ въ городѣ видное положеніе. Сидитъ онъ у меня въ уборной, а я заговорилась и не успѣла ноги подобрать чтобы изъянъ ботинокъ спрятать, да на зло еще были надѣты свѣтлые чулки. Морякъ улыбнулся и говоритъ:

— Вы, барышня, не стѣсняйтесь, бѣдность не порокъ, а большое свинство. Я вамъ пришлю матроса, онъ вамъ

---

1) См. „Русскую Старину" ноябрь 1916 г.

сошьетъ ботинки на славу! Прочные будутъ на удивленіе! Лѣтъ десять проносите! Желаете?

— Нѣтъ, благодарю васъ, я такъ..., — отвѣчала я, вся покраснѣвъ до корней волосъ.

— Такъ не годится. Можетъ, денегъ нѣтъ, такъ онъ подождетъ... Я прикажу. Сошьетъ онъ изъ коннаго матеріала... подождетъ... Это уже мѣняло дѣло. Слово „подождетъ" было магическимъ, и я согласилась. Я приходила домой съ окоченѣвшими ногами, красными, какъ у гуся, и даже раза два приходилось оттирать тѣ пальцы, что съ любопытствомъ смотрѣли на свѣтъ Божій. Туфли, легкія для сцены, я бы умирала, не надѣла. Это была неприкосновенная святыня. Я написала свой адресъ и дала благодѣтелю рода человѣческаго. Такимъ мнѣ показался сѣдовласый морякъ. На другой же день явился матросъ, снялъ мѣрку и ушелъ, я даже не спросила о цѣнѣ, въ ожиданіи пришлось по-прежнему черпать снѣгъ и морозить ноги. Прошла недѣля, и рано утромъ ко мнѣ явился матросъ, въ рукахъ онъ держалъ пару ботинокъ на резинкахъ. Какъ матросъ, онъ ихъ сдѣлалъ очень похожими фасономъ на барки, а подошвы были такъ толсты и крѣпки, что когда я надѣла ботинки и пошла, то онѣ застучали, какъ колотушка ночного сторожа, я была въ восторгѣ. Конецъ мороженью ногъ.

— Барышня, обратился ко мнѣ матросикъ, ботиночками не нахвалитесь. Командиръ изъ остатковъ приказалъ сшить, да и фасонистые, въ магазинѣ не сошьютъ лучше..

Я поблагодарила, дала ему гривенникъ на чай, и матросикъ довольный ушелъ. Какъ только онъ скрылся за дверью, я отъ радости захлопала въ ладоши и прошлась мазуркой. Выходило великолѣпно! Подошвы отстукивали такъ, что самый усердный турецкій барабанъ не смогъ бы заглушить. Ходила я уже смѣло, ногъ не прятала и была очень довольна тѣмъ, что почти всѣ смотрѣли на мои ботинки. Я приписывала это ихъ эффектной внѣшности. Тѣмъ не менѣе и въ ботинкахъ жить было трудно, ахъ, какъ трудно! Ѣла Богъ знаетъ что, пила гадкій чай, прикусывая сахаромъ и стряхивая въ чай сахарный соръ. Работала я много и играла, и танцовала, и въ живыхъ картинахъ участвовала, и въ водевиляхъ пѣла, и мимическія сцены изображала, а домой прійдешь—кушать нечего. Походишь, поищешь, не заболтался ли гдѣ кусочекъ хлѣба. Найдешь, хорошо, а не найдешь—тоже хорошо. Жалованье выплачи-

валось копѣйками и не полностью. Да что говорить, тяжело было. Какъ-то по театру пронесся слухъ, что пріѣхалъ знаменитый артистъ Николай Карловичъ Милославскій, что онъ намѣренъ кое-кого взять для Харькова. Всѣ подтянулись, пріодѣлись. Актриса, изображавшая бѣдную женщину, надѣла свой лучшій туалетъ, актеры безъ надобности понадѣвали фраки. У одного второстепеннаго актера не было въ манишкѣ запонки, такъ онъ ихъ нарисовалъ гриммированнымъ карандашомъ. Я играла водевиль и танцевала. Представьте мой ужасъ. Послѣ спектакля Милославскій подходитъ ко мнѣ и спрашиваетъ:

— Хочешь служить въ Харьковѣ?

Я что-то пробормотала, появился антрепренеръ мой, здѣшній. Онъ заискивающе обратился къ Милославскому.

— Михаилъ Карловичъ, Вы ужъ не сманивайте у меня актрисъ, а то я вынужденъ буду прекратить дѣло.

— Пошелъ прочь,—оборвалъ его Милославскій. Антрепренеръ спрятался.—Жалованья будешь получать сорокъ рублей.—Переговоривъ съ комиками и комической старухой и давъ на дорогу, онъ уѣхалъ домой. Мы трое на другой день собрали свои пожитки, наняли лошадей и на перекладныхъ маршъ въ путь-дорогу. Я въ легкомъ бурнусѣ...

Когда все уже было уложено, и я должна была садиться въ кибитку, отворяется дверь и является матросикъ, работавшій мнѣ ботинки. Видъ его былъ смущенный, онъ обратился ко мнѣ:

— Вы барышня уѣзжаете?

— Да, уѣзжаю...

— Командиръ приказалъ отобрать ботинки...

Разорвавшаяся неожиданно бомба не могла меня изумить больше, чѣмъ это заявленіе.

— Какъ же я...

— Не могу знать, приказано снять и принести на квартиру...

Матросъ двинулся ко мнѣ. Я сѣла и покорно вытянула ноги. Матросъ, снявъ ботинки и завернувъ ихъ въ ситцевый платокъ, ушелъ. Я сидѣла босая и уже не плакала. Ужасъ положенія заморозилъ меня. Сидѣла я часъ, сидѣла два. Наконецъ, ожидавшіе меня комикъ и старуха, съ которыми я должна была ѣхать, прибѣгаютъ ко мнѣ. Узнаютъ въ чемъ дѣло и разводятъ руками. Наконецъ подумавши комикъ беретъ листъ бумаги, велитъ поставить мнѣ на нее ногу, обчерчиваетъ и бѣжитъ къ Милославскому. Тотъ

залился смѣхомъ и вынулъ пять рублей на ботинки. Комикъ едва его засталъ, черезъ минуту онъ уже уѣхалъ. Словомъ, ботинки были куплены, и мы тронулись. Меня посадили въ середину, чтобы было теплѣй. Какое тутъ! Вѣтеръ свистѣлъ и рвалъ и проникалъ до мозга костей. Я стучала зубами и начала камепѣть. На мое счастье перегонъ былъ небольшой, и мы вошли въ домъ. Меня отогрѣли и когда мы двинулись дальше, я была завернута въ свое одѣяло и въ одѣяло комической старухи. Это было болѣе чѣмъ тепло. Это было и хорошо и удобно. Я чувствовала себя счастливой. Словомъ, меня какъ Аркашку доставляли на мѣсто службы. Съ тою только разницей, что меня заворачивали въ одѣяло, а его въ коверъ. Привезутъ на станцію, раскатаютъ, а какъ только наступаетъ моментъ отъѣзда, закатаютъ. Ѣхали мы долго, питались болѣе чѣмъ скромно. Передъ самымъ Харьковомъ на насъ напали волки, но лошадь подхватила и донесла насъ до слободки. Волки, почуя жилье, отстали, и мы нѣсколько времени слышали ихъ непріятный вой. На общемъ совѣтѣ мы рѣшили остановиться гдѣ-нибудь подешевле, а стало быть подальше, и вотъ нашъ послѣдній возница высадилъ насъ въ заѣзжемъ домѣ. Мы съ комической старухой помѣстились вмѣстѣ. Я попала въ хорошую труппу. Тамъ служили артисты и артистки, которые потомъ пріобрѣли большую извѣстность. Жилось мнѣ нѣсколько легче. Сорокъ рублей мнѣ казались чѣмъ-то большимъ. Роли раздавались толковѣй, и режиссеръ проявлялъ свою дѣятельность. Объ этомъ я поговорю подробнѣй.

Глава 14.

Въ Харьковѣ я прослужила два сезона. Особенно отвѣтственныхъ ролей я не играла, но тѣмъ не менѣе исполняла роли видныя. Преимущественно водевили. Николай Карловичъ Милославскій, часто режиссировавшій, находилъ меня очень способной, и я играла нѣкоторыя роли подъ его наблюденіемъ и пользовалась его совѣтами. Затѣмъ у меня явилась мысль поѣхать искать счастія въ Петербургѣ. Скопивъ рублей двѣсти денегъ, я, взявъ съ собой мою горничную, готорая была очень привязана ко мнѣ, отправилась въ Петербургъ, не представляя себѣ дороговизны жизни и трудности достать работы. Когда я ѣхала съ вок-

зала, видъ столицы, ея суетливая жизнь поразили меня, и я почувствовала страхъ. Все было холодно и чуждо, и моя горничная казалась мнѣ близкимъ и дорогимъ существомъ. Я сказала, чтобы извозчикъ везъ меня въ гостиницу, но не объяснила въ какую. Я думала, что и въ Петербургѣ можно имѣть номеръ за десять рублей въ мѣсяцъ, а за пятнадцать представляла себѣ палаццо. Подъѣхали мы къ гостиницѣ „Францiя" на Малой Морской улицѣ. Меня высадили швейцары и—о ужасъ!—помѣстили въ номеръ, стоющiй тридцать пять рублей по-мѣсячно. Отказаться у меня не хватило рѣшимости, и мнѣ просто-на-просто было совѣстно. Куда обратиться, я не знала; объ Императорской сценѣ не смѣла думать, а частныхъ театровъ, къ моему ужасу, тогда не оказалось.

Время шло, деньги таяли, и вотъ, какъ-то заглянувъ въ кошелекъ, я увидѣла въ немъ послѣднiе 15 рублей. Хорошо, что за номеръ еще разъ было уплачено впередъ. Положенiе критическое, и вотъ мы съ горничной цѣлый мѣсяцъ (фактъ) питались салатомъ, приправу для котораго т. е. прованское масло брали безплатно въ буфетѣ. Это было форменно голодное существованiе. Какъ-то въ газетѣ я прочла что-то объ управляющемъ Императорскими театрами графѣ Борхѣ. Это и главное голодъ натолкнули меня на мысль ѣхать къ нему и просить дебюта. Въ Харьковѣ я имѣла большой успѣхъ въ роли Полины („Доходное мѣсто" Островскаго) и рѣшила въ этой роли появиться передъ петербургской публикой; не испытывай я голодъ, мнѣ бы никогда не пришелъ въ голову такой рѣшительный шагъ. Узнавъ, когда графъ принимаетъ, одѣвшись въ черное платьице, собственно подходящее для визита, я наняла извозчика и поѣхала. Въ прiемной не было никого. Было очень рано. Наконецъ, появился чиновникъ и спросилъ, что мнѣ угодно. Я объяснила. Онъ записалъ въ книжку. Прiемная стала наполняться, и мнѣ было почему-то и страшно и совѣстно. Мнѣ казалось, что всѣ знали о моемъ салатѣ съ прованскимъ масломъ и догадывались о причинѣ, меня въ прiемную толкнувшей. Вызывали по очереди, моя была первая.

— Мадамъ Глѣбова, пожалуйте, вызвалъ меня чиновникъ. И вотъ мадамъ Глѣбова съ упавшимъ сердцемъ, съ дрожащими колѣнами двинулась въ кабинетъ управляющаго театромъ. Войдя, я увидѣла старика высокаго, гладко причесаннаго, одѣтаго въ черный сюртукъ. Это былъ въ

полномъ смыслѣ баринъ-аристократъ. Онъ встрѣтилъ меня очень привѣтливо и попросилъ сѣсть. Лицо его свѣтилось такой добротой и привѣтливостью, что робость моя спала на половину.

— Вы желаете дебютировать?— обратился ко мнѣ съ вопросомъ графъ.

— Да,— отвѣчала я.

— Къ сожалѣнію, это невозможно...

Эта фраза разомъ погубила меня.... Я безпомощно заморгала глазами и вертѣла носовой платокъ. Видъ мой былъ жалокъ и видно тронулъ графа. Онъ снова заговорилъ:

— Дебютъ невозможенъ потому, что теперь вторая половина сезона. Въ это время дебюты не разрѣшаются. Вы явились въ неудобное время. Вы изъ провинціи?

— Да....

Слезы потекли по моему лицу...

— У васъ есть въ Петербургѣ родные, знакомые?

— Нѣтъ. У меня только горничная....

Графъ улыбнулся.

— А средства есть?

— Нѣтъ...

— Какъ же вы будете жить?

— Не знаю....

Графъ задумался.

— Бываете въ театрахъ?

— Нѣтъ...

Графъ удивленно посмотрѣлъ.

— Почему?

— Денегъ нѣтъ,—бухнула я.

Графъ снова улыбнулся и снова задумался.

Онъ молчалъ, я тоже...

— Ну вотъ что, началъ онъ въ третій разъ разговоръ, я, если хотите, дамъ вамъ дебютъ, но не на сценѣ Александринскаго театра, а на сценѣ Императорской школы. Желаете?

Я такими радостными и счастливыми глазами посмотрѣла на графа, что давать словеснаго согласія не пришлось. Онъ всталъ. Я тоже.

— Прошу васъ оставить Вашъ адресъ у чиновника. Запишите тоже въ чемъ желаете выступить. До свиданія.

Графъ протянулъ мнѣ руку. Аудіенція была кончена. Я вышла. Въ пріемной было много мужчинъ и женщинъ. Мужчины были всѣ бриты. Я подошла къ чиновнику и

весело улыбнулась, попросила его записать адресъ, онъ тоже невольно улыбался, занесъ въ свою книжечку мое мѣстожительство, названіе пьесы, и я ушла. Выйдя на улицу, я готова была каждому встрѣчному повѣдать мою радость, ноги не шли, а несли меня. Я думала, что если дебютъ данъ, то дѣло въ шляпѣ. Войдя въ номеръ, я бросилась на шею горничной и плакала слезами радости. Мнѣ и моей вѣрной спутницѣ было хорошо; мы были счастливы, вполнѣ счастливы.

На другой день, часовъ въ десять утра въ мой номеръ постучались. Я сама отворила дверь, и передо мной стоялъ театральный курьеръ съ конвертомъ и книгой. Онъ просилъ расписаться. Я исполнила. Онъ ушелъ. Разорвавъ конвертъ, я была поражена. Въ немъ было письмо и двѣсти рублей денегъ. Это прислалъ Борхъ, объяснивъ, что это мнѣ, какъ молодой артисткѣ, которой необходимо посѣщать театры, на театральныя удовольствія. Я прямо застыла. Обратилась въ соляной столбъ. Горничная намѣревалась всплеснуть руками, но тоже замерла, и ея рука остановилась въ воздухѣ. Сумма эта спасла меня. Впервые мы обѣдали и съѣли четыре обѣда. Послѣ мѣсячнаго питанія салатомъ, это немного, смѣю увѣрить, немного. Затѣмъ доживъ до срока, мы отыскали себѣ дешевую комнату и переѣхали. О перемѣнѣ адреса я заявила въ контору Императорскихъ театровъ. О, съ какимъ нетерпѣніемъ я ждала дебюта.

Но не все такъ скоро дѣлается, какъ желаешь... Улита ѣдетъ, когда-то будетъ.

Я заходила въ контору театровъ, справлялась, но никакого распоряженія и увѣдомленія не было. Я уже стала думать, не забылъ ли графъ, не передумалъ ли, и разныя непріятныя мысли лѣзли мнѣ въ голову. Деньги я берегла, какъ зеницу ока.

Кушанье готовили дома, и я рѣшилась опять начать ѣсть салатъ, но дождаться желаемаго дебюта.

Раза два я позволила себѣ пойти въ Александринскій театръ. Я была очарована игрой старика Сосницкаго, Самойлова и старухи Линской. Боже, какіе это были чудные актеры. Да вообще труппа мнѣ казалась очень хорошей, неужели, думалось мнѣ, и я когда-нибудь заиграю на этихъ подмосткахъ. Неужели? Я снова набиралась терпѣнія и ждала. Я не помню точнаго времени, сколько пролетѣло его, но... снова появился курьеръ. Я расписалась въ полученіи казеннаго пакета. Разорвавъ его, я въ немъ денегъ

не нашла, а мнѣ назначили часъ явиться къ начальнику репертуарной части Павлу Степановичу Федорову.

Явиться я должна была черезъ нѣсколько дней, и эти дни тянулись недѣлями. Но вотъ насталъ завѣтный часъ отъѣзда, и я опять отправилась на мытарство. Жилъ Федоровъ у Александринскаго театра, на казенной квартирѣ. Я позвонила. Отворилъ швейцаръ и довольно грубо спросилъ:

— Вамъ кого:—начальника?—и не дождавшись отвѣта и захлопывая передъ носомъ дверь, проговорилъ:—черезъ полчаса, рано.

Пріемъ былъ не изъ вѣжливыхъ, но я не теряла бодрости и пошла маршировать вокругъ театра. Маршировала я добросовѣстно и наконецъ снова пошла къ подъѣзду. Дверь была не заперта, и я вошла. Сняла верхнее платье и сѣла въ пріемной. Это была вполнѣ казенная комната. Народу стало прибывать, но немного. Человѣкъ восемь. Чиновника предварительнаго не было. Мы всѣ ждали, тоскливо посматривая то на потолокъ, то на стѣны, то на мебель. Послышались шаги, отворилась дверь, и появился Павелъ Степановичъ Федоровъ...

Глава 15.

Вошелъ старикъ ниже средняго роста. Выраженіе его лица было кисло-презрительное. Всѣ встали и приняли почтительный видъ. Онъ окинулъ всѣхъ взглядомъ, остановился на мнѣ и сейчасъ же повернулся спиной, обратясь къ одной изъ присутствовавшихъ. Затѣмъ по очереди переговорилъ со всѣми. Разговоры были чисто театральные: объ отпускѣ, объ роляхъ и пр. Голосъ его былъ полуженскаго тембра, и губы шамкали; какъ я потомъ узнала, прозвали его актеры: губошлепомъ. Всѣ разошлись, осталась я одна. Павелъ Степановичъ пошелъ къ себѣ. Неужели онъ забылъ обо мнѣ, подумала я, но начальникъ вдругъ повернулся и издали спросилъ, прищуривая глаза:

— Вамъ что? Вы вызваны? Вы Глѣбова?

— Да, это я...

— Гм... Дебютика желаете?

— Да.

— Обратились прямо къ графу... что-жъ... хорошо... такъ дебютика?

Въ голосѣ его чувствовалось нотка раздраженія.

— Что жъ Вамъ графъ сказалъ?.. а?.. Дебютика дать нельзя? Не во время безпокоили?

— Нѣтъ, онъ сказалъ, что дебютъ дастъ...—осмѣлилась я возразить.

— Дастъ? Вотъ какъ! Вы, г-жа Глѣбова, такъ ли поняли? Среди сцены дебютовъ нѣтъ и быть не можетъ. Я для васъ не могу ломать репертуаръ! Вамъ бы слѣдовало въ началѣ ко мнѣ обратиться... да-съ... ко мнѣ. Я начальникъ репертуарной части. Дебюта быть не можетъ! Совѣтую ѣхать въ провинцію, а тутъ—словомъ, ничего не выйдетъ!

Я рѣшилась идти напроломъ.

— Я знаю, графъ тоже сказалъ, что въ театрѣ дебюта быть не можетъ, но сказалъ, что дастъ мнѣ его на сценѣ Императорскаго училища.

— Знаю, знаю... но это забава... я думаю, что это вамъ не послужитъ ни къ чему... и не совѣтую настаивать...

— Нѣтъ, я все-таки прошу...

— Хорошо-съ... но это не скоро... Надо мнѣ время... затруднительно... Постомъ, Великимъ постомъ.

— Слушаю-съ...

— А въ чемъ бы вы желали похвастаться? Удивить насъ!

— Въ Доходномъ мѣстѣ...

— Такъ-съ... Какую же роль?

— Полины.

— Такъ-съ. Полину желаете играть... роль трудная. У насъ ее хорошая артистка играетъ. Выгодно ли будетъ сравненіе? Можетъ быть Юлиньку сыграете, или тамъ есть роль горничной. Роль небольшая и не отвѣтственная, спокойнѣй будетъ.

— Нѣтъ, я прошу въ Полинѣ меня выпустить.

— Стало-быть вы отъ предлагаемыхъ ролей отказываетесь? Я такъ и передамъ графу...

— Позвольте, я не отказываюсь, а прошу выпустить меня въ подходящемъ, въ чемъ я увѣрена.

— Но я предлагаю дебютъ въ другихъ роляхъ... Я передамъ графу, что Вы выбрали неудобную роль... а отъ удобныхъ отказываетесь.

Я поняла, что онъ меня жметъ и желаетъ выжить. Впереди салатъ, прованское масло... грудь мою сжало, и я, лишаясь сознанія, сказала:

— Какъ Вамъ, г-нъ начальникъ, будетъ угодно, но я поѣду еще разъ просить графа разрѣшить дебютъ въ Полинѣ.

Наступило молчаніе. И. С. Федоровъ щурился и шамкалъ губами. Я ждала. Онъ началъ.

— Что-жъ жаловаться на меня желаете?.. Хорошо-съ... чтобы не безпокоить пустяками графа... я устрою вамъ это..

Глава 16.

Насталъ Великій постъ.

Наконецъ, желаемое извѣщеніе я получила. Меня вызывали на репетицію. На одной репетиціи присутствовалъ начальникъ репертуарной части. Ему кланялись, онъ отвѣчалъ, какъ будто это не касалось его. Я ему не поклонилась. Онъ прищурился, зашамкалъ губами и пристально посмотрѣлъ на меня. Я спокойно смотрѣла на него, но только смотрѣла. Сердце билось сильно, сильно, и откуда взялась храбрость—не знаю. Я только чувствовала, что передо мной мой врагъ. Почему, что, какъ? Это было для меня тайна. Вдругъ онъ быстро подошелъ ко мнѣ и спросилъ, шлепая губами:

— Вы меня не узнаете?

— Узнаю, отвѣчала я и сейчасъ же спросила: А вы меня?

— Какъ же, какъ же... г-жа дебютантка... ну, вотъ и дебютируйте.

Сказавъ это, онъ отошелъ и сталъ о чемъ-то говорить съ режиссеромъ Яблочкинымъ. Репетиція продолжалась. Режиссеръ сталъ у будки и почти на каждомъ словѣ останавливалъ меня. По-просту говоря, придирался. Останавливая и говоря, что я дѣлаю неправильно, тѣмъ не менѣе указаній не дѣлалъ никакихъ. Окружающіе не давали мнѣ тона, репетировали про себя, а я старалась играть во всю и чѣмъ болѣе придирался ко мнѣ г-нъ Яблочкинъ, тѣмъ я старалась играть въ тонъ. Репетиція окончилась. Ко мнѣ подошелъ режиссеръ и, надѣвая пенсне, произнесъ:

— Слабо-съ! Преждевременно-съ! Не по силамъ-съ! Совѣтую не дебютировать.

Я молчала.

— Какъ же вы рѣшаете, М-ме Глѣбова?

— Дебютировать, отрѣзала я.

— Какъ угодно-съ... Спектакль состоялся черезъ два дня.

Г-нъ Яблочкинъ повернулся на каблучкахъ и отошелъ. Я отправилась домой. На меня напала трусость. А что, если и впрямь я играю скверно? Но сейчасъ же передо мной вставалъ мой успѣхъ въ роли Полины въ Харьковѣ, отзывы газетъ, товарищей, и все это ободряло меня и я борола страхъ. Ночью я просыпалась, точно отъ предчувствія чего-то сквернаго... затѣмъ засыпала и опять просыпалась.

Насталъ вечеръ спектакля. Я имѣла большой успѣхъ. Въ театрѣ присутствовалъ Государь Александръ II и великіе князья: Константинъ Николаевичъ и Николай Николаевичъ. Я видѣла, что они тоже мнѣ аплодировали, и была безумно счастлива. Насталъ антрактъ, послѣ моего лучшаго дѣйствія. Я стояла за кулисами, вдругъ ко мнѣ запыхавшись подбѣгаетъ Яблочкинъ и, любезно улыбаясь, произноситъ:

— Государь, Государь, пожелалъ васъ видѣть.

Я замерла и не вѣрила своимъ ушамъ.

— Пожалуйте!

Я шла и чувствовала, что лишаюсь силъ. Въ глазахъ мутилось, дыханье останавливалось. На сценѣ я увидѣла Государя и великихъ князей. Меня поразили и ихъ красота, величіе и любезность. Государь удостоилъ меня разговоромъ, подалъ мнѣ руку, похвалилъ за игру, спросилъ, откуда я, гдѣ родилась и гдѣ воспитывалась. Послѣдній вопросъ засталъ меня врасплохъ, и я послѣ короткаго молчанія отвѣтила: я получила домашнее образованіе, меня папаша училъ. Государь улыбнулся, пожелалъ мнѣ успѣха. Константинъ Николаевичъ и Николай Николаевичъ тоже похвалили меня и ушли. Боже, какъ я была счастлива, какъ радостно билось мое сердце, какой восторгъ охватывалъ меня. Судьба моя была рѣшена, меня приняли на Александринскую сцену съ окладомъ въ 600 рублей въ годъ. Ахъ, какъ это было хорошо и много, и эта сумма мнѣ казалась куда больше, чѣмъ я впослѣдствіи получала восемьсотъ и тысячу рублей въ мѣсяцъ.

Словомъ, я артистка Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ, я добилась своего, и голодовка на пропала даромъ, да и начала мнѣ казаться чѣмъ-то отдаленнымъ. Точно все это было во снѣ. Меня кто-то поздравлялъ Я кого-то благодарила. Раздѣвшись и разгримировавшись, я въ казенной каретѣ-колымагѣ отправилась домой. Карета

была большая, широкая, старая и тряская. Медленнѣй я никогда въ жизни не ѣздила. Такой счастливой, какъ въ тотъ вечеръ, никогда до этого себя не чувствовала. Спала крѣпко и вѣроятно не видѣла сновъ.

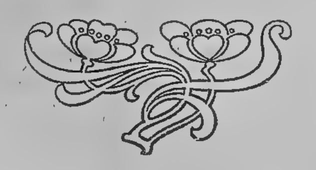
Въ то время на Александринской сценѣ служили корифеи нашего искусства: Струйская, Стрѣльская, Жулева, Левкѣева, Сосницкій, В. В. Самойловъ, Сазоновъ и друг.

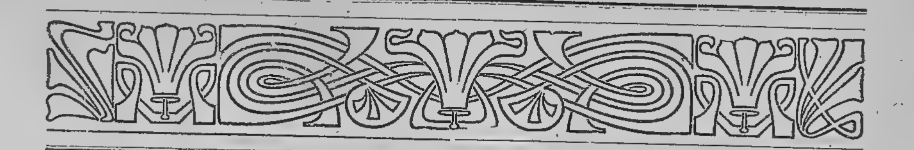
Дебютировала я въ роли Полины въ „Доходномъ мѣстѣ“ съ большимъ успѣхомъ, затѣмъ въ пьесѣ „Не первый не послѣдній“. Въ этой пьесѣ успѣхъ возросъ, и отдѣльныя фразы прерывались аплодисментами.

Никогда я не забуду слѣдующаго: во время аплодисментовъ г-нъ Никольскій началъ шептать мнѣ: „кланяйтесь, кланяйтесь, что же вы“. Я по глупости среди пьесы и давай откланиваться публикѣ. Кончился актъ, ко мнѣ подходитъ Сосницкій и говоритъ: „Зачѣмъ вы среди акта, стоя на сценѣ, кланялись, это не слѣдуетъ!“ Я ему и говорю: „это г-нъ Никольскій сказалъ мнѣ, чтобы я сдѣлала“. Старикъ удивленно отвелъ глаза и только могъ сказать: „Какая мерзость! Не слушайте, не дѣлайте этого!“

Отношенія ко мнѣ графа Борха, чисто-отеческія, породили неудовольствіе. Режиссеръ Яблочкинъ сталъ меня тѣснить и заставлялъ играть въ опереткѣ Венеру, говоря: „Вы красавица, вы должны играть эту роль“, а роль была въ три слова, да и вообще у меня не было ни слуха, ни голоса. Прослуживъ годъ, я уѣхала въ провинцію, получивъ ангажементъ въ гор. Тифлисъ. Тамъ моими сослуживцами были такіе талантливые актеры, какъ напр. Градовъ-Соколовъ и Журинъ, а режиссеромъ былъ г-нъ Аграмовъ. Съ этого момента я начала занимать первенствующее положеніе и пошла быстро въ гору.

Сообщ. **П. Скуратовъ.**

Копія письма Ивана Александровича Гончарова — Петру Николаевичу Полевому.

Я очень радъ, многоуважаемый Петръ Николаевичъ, что, не смотря на свою лѣнь и неповоротливость, мнѣ удалось исполнить Ваши любезныя требованія относительно моей біографіи и фотографической карточки удовлетворительно, то есть во-время. Я боялся опоздать, потому что, какъ Вы говорили, Вамъ надо посылать карточки для гравированія въ Парижъ: а теперь, изъ письма Вашего вижу, что это дѣлается здѣсь, слѣдовательно, боязнь моя и была напрасною. Въ такомъ случаѣ можно было бы подождать нѣсколько дней еще — такъ какъ на будущей недѣлѣ Г. Бергамаско обѣщалъ приготовить образцы карточки во всѣхъ позахъ, въ которыхъ онъ меня снялъ—и Вы, увидѣвъ ихъ у меня, сами могли бы выбрать лучшую. Г. Крамской тоже обѣщалъ написать въ Москву, чтобы сняли и прислали сюда нѣсколько карточекъ съ портрета его работы: такимъ образомъ есть возможность имѣть очень вѣрный портретъ. Но я нахожу, что это было бы дѣлать много шума изъ ничего и что посланный мною Вашъ образецъ вполнѣ удовлетворителенъ. На Ваши дополнительные вопросы объ моей біографіи я очень радъ отвѣчать Вамъ, и лично и письменно и съ удовольствіемъ принимаю любезное Ваше предложеніе пожаловать ко мнѣ на будущей недѣлѣ. Если Вы изберете послѣдніе три дня, то, можетъ быть, тогда уже будутъ у меня готовы и всѣ прочія карточки. Застать меня можно

всегда—отъ трехъ до пяти часовъ: исключеніе можетъ быть только въ такомъ случаѣ, если хорошая очень погода выманитъ меня куда-нибудь въ Царское, Павловскъ или Петергофъ,—но это рѣдко. На нѣкоторые же изъ Вашихъ вопросовъ я готовъ отвѣтить сей часъ же: напримѣръ на вопросъ, о какихъ прежнихъ свѣдѣніяхъ, напечатанныхъ о моей біографіи, говорю я—я замѣчу, что напечатанныхъ я не видалъ и не знаю, были ли онѣ. Но ко мнѣ раза три обращались съ требованіями свѣдѣній—и я давалъ ихъ, и довольно подробно: но кому именно—теперь совсѣмъ забылъ. Помню однако, что отъ Мюнстера приходилъ какой-то господинъ, назвавшій себя, кажется Полонскимъ (но не одинъ изъ тѣхъ кого я знаю)—и я далъ страницы двѣ—три, изъ которыхъ Вы показывали мнѣ только три—четыре строчки. Куда дѣвались прочія свѣдѣнія я не знаю—и теперь затрудняюсь вновь давать свѣдѣнія, потому что многое и самъ забылъ о времени и чего добраго я могу впасть въ противорѣчіе съ данными прежде свѣдѣніями, если послѣднія гдѣ-нибудь печатались или будутъ напечатаны. Напримѣръ на вчерашнихъ моихъ листахъ я показалъ кое-какія названія читанныхъ мною книгъ, но я теперь отчасти забылъ, всѣ ли онѣ, и какія еще другія были въ разрозненной библіотекѣ того священника, у котораго въ частномъ домашнемъ пансіонѣ я началъ учиться, или же нѣкоторыя изъ этихъ книгъ (и многія другія) я читалъ уже въ училищѣ—въ полной библіотекѣ, и у себя дома и въ тѣхъ домахъ, гдѣ бывалъ въ гостяхъ. Я и боюсь перепутать: тамъ показать одно, въ другомъ же мѣстѣ другое—и потому упомянулъ вчера сплошь, какія книги пришли мнѣ на память, читанныя мною въ дѣтствѣ (9, 10 и 11 лѣтъ) и потомъ въ юношествѣ до 18 лѣтняго возраста, т. е. до поступленія въ Московскій университетъ.

Считая все это неимѣющимъ никакого значенія, я и желалъ бы, чтобы просто сказано было: учился въ Московскомъ университетѣ по филологическому факультету и что обязанъ много вліянію Пушкина, Карамзина, новому тогда составу профессоровъ—Надеждина, Шевырева, Давыдова и здравымъ критическимъ понятіямъ въ новыхъ тогда журналахъ—Телескопъ, Телеграфъ и пр. Этого, кажется, весьма довольно, чтобъ объяснить, какія обстоятельства и какая среда дѣйствовала на развитіе литературы. Отвѣтъ на этотъ первый вопросъ, я полагаю, можетъ служить отвѣтомъ и на вторые два: именно 2, о помѣщеніи слышанныхъ Вами

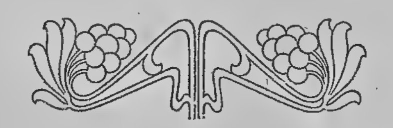
отъ меня подробностей въ моей біографіи и 3, о помѣщеніи туда цѣликомъ нѣкоторыхъ моихъ замѣчаній объ университ. жизни, сдѣланныхъ на статью Пыпина.

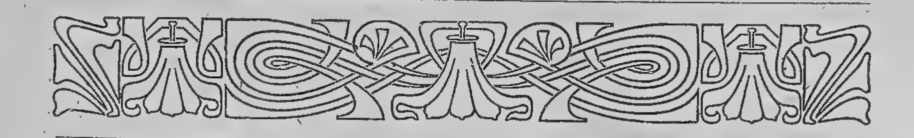
Я не смѣю стѣснять Васъ въ способахъ и предѣлахъ Вашего взгляда на біографіи вообще, относительно моей я только желалъ, чтобы она была сдѣлана какъ можно короче. Я думаю, что строкъ 15—20 было бы заглаза довольно для меня, чтобы занять мѣсто въ исторіи литературы, и потому и старался дать требуемыя свѣдѣнія въ такомъ именно размѣрѣ. Замѣчаній моихъ Пыпину я еще не послалъ—если Вы желаете, я прочту ихъ вамъ вторично при свиданіи—представляя Вашему благоусмотрѣнію—извлечь изъ нихъ, что Вамъ будетъ угодно. Новаго и оригинальнаго въ нихъ ничего нѣтъ: въ послѣдней книжкѣ Вѣст. Европы, въ послѣдней статьѣ Пыпина говорится о томъ же, и гораздо полнѣе.

Я очень, очень Вамъ благодаренъ за доброе намѣреніе показать мнѣ предварительно до напечатанія мою біографію, а также и гравированный портретъ—и буду надѣяться на исполненіе этого обѣщанія, какъ и на продолженіе Вашего добраго ко мнѣ расположенія.

И. Гончаровъ.

Сообщилъ **Э. П. Юргенсонъ.**

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны [1].

1—6 іюля. Въ своихъ замѣткахъ за май позабылъ написать объ осмотрѣ складовъ Комитета Великой Княгини Маріи Павловны, снабжающаго одеждой нашихъ воиновъ, увольняемыхъ за ранами и болѣзнью на родину.

Весною этого года мнѣ пришлось подробно осмотрѣть эти склады, помѣщающіеся на Новгородской улицѣ. Всѣ помѣщенія, склады, а также веденіе этого весьма обширнаго дѣла любезно показывалъ стоящій во главѣ Комитета, бывшій преображенецъ, членъ Государственнаго Совѣта, неутомимый и энергичный Дмитрій Борисовичъ Нейдгардъ.

Запасы одежды очень велики: они занимаютъ громадное помѣщеніе. Чего только тутъ нѣтъ: и нижнее бѣлье, и теплая одежда, и сапоги, фуфайки и варежки и др.

Во время обхода я просилъ показать образцы изъ разныхъ мѣстъ склада. Было показано, и всѣ предметы оказались отличнаго качества.

Въ другихъ помѣщеніяхъ хранились матеріалы, доставляемые изъ глубины Россіи; изъ нихъ комитетскими мастерскими заготовляется одежда.

Нуждающіеся и подлежащіе увольненію на родину солдаты прибываютъ на Новгородскую улицу, здѣсь ихъ кормятъ, даютъ ночлегъ, и если нужно, временно помѣ-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ ноябрь 1916 г.

щаютъ въ прекрасно устроенный лазаретъ, одѣваютъ, снабжаютъ деньгами и отправляютъ, щеголевато и тепло одѣтыми, на родину.

Здѣсь устроено какъ бы отдѣленіе воинскаго начальника, которое выдаетъ за надлежащими подписями, скоро и быстро, всѣ слѣдуемые закономъ документы.

Корреспондентъ „Русскаго Слова“ [1]) приводитъ описаніе дѣйствій нашего бронированнаго автомобиля, послѣ того, какъ нѣмцы, подъ прикрытіемъ свезенной громадной массы артиллеріи, переправились на нашъ берегъ Стохода и начали тамъ спѣшно укрѣпляться подъ защитой той же артиллерійской завѣсы. Выбить ихъ оттуда, такимъ образомъ, обычной пѣхотной атакой не было возможности безъ риска большого урона въ людяхъ. Тогда рѣшено было попробовать пустить въ дѣло одинъ изъ нашихъ бронированныхъ автомобилей. Получивъ приказъ о выступленіи, нашъ броневикъ съ поручикомъ М. тотчасъ же выѣхалъ на шоссе полнымъ ходомъ. Едва нѣмцы успѣли опомниться, какъ броневикъ очутился уже у ихъ передовыхъ цѣпей и началъ въ упоръ разстрѣливать оторопѣвшаго непріятеля изъ пулеметовъ. Несмотря на переполохъ, вызванный неожиданнымъ появленіемъ бронированнаго автомобиля, нѣмцы засыпали нашихъ смѣльчаковъ градомъ пуль и снарядовъ. Нѣмецкимъ солдатамъ въ послѣднее время во множествѣ были розданы особыя бронебойныя пули въ мѣдной оболочкѣ, противъ которыхъ съ трудомъ устоитъ лучшая англійская броня. Нѣмцы теперь стрѣляли этими пулями, но нашъ броневикъ былъ неуязвимъ и по прежнему методически своими пулеметами скашивалъ атакующія его группы нѣмцевъ, нагромождая горы тѣлъ. Вскорѣ нашъ броневой автомобиль оказался уже въ тылу непріятельской колонны войскъ. Нѣмцы не выдержали и съ крикомъ: „тейфель, тейфель!“ бросились вразсыпную, зажигая красныя ракеты, что являлось сигналомъ бѣдствія и вызовомъ подкрѣпленій.

На тревожные сигналы съ лѣваго берега Стохода поспѣшили на выручку разгромленнымъ частямъ два свѣжихъ батальона германской пѣхоты. Лишь только они перешли мостъ и очутились на нашемъ берегу, автомобиль былъ направленъ имъ навстрѣчу. Врѣзавшись въ толпу нѣмцевъ,

[1]) „Русское Слово“ 2 іюля с. г.

онъ переѣхалъ по ихъ тѣламъ черезъ мостъ, а оттуда началъ вновь свою убійственную работу. Видя себя отрѣзанными отъ моста, нѣмцы окончательно поддались паникѣ и, охваченные ужасомъ, стали въ безпорядкѣ разсыпаться по окрестнымъ болотамъ, ища спасенія въ густомъ кустарникѣ отъ губительнаго огня броневой машины.

Благопріятный моментъ замѣшательства въ рядахъ противника, конечно, нами не былъ упущенъ. Вслѣдъ за бронированнымъ автомобилемъ ринулась впередъ наша пѣхота и великолѣпно завершила блестяще начатое имъ дѣло. Наступленіе противника было отбито, и, кромѣ того, въ нашихъ рукахъ вновь оказалась переправа черезъ Стоходъ.

Начальникъ автомобиля, поручикъ М., представленъ за этотъ подвигъ къ высокой боевой наградѣ.

Баталіоны русскихъ войскъ, участвовавшіе въ парижскомъ парадѣ 14 іюля, возвратились сегодня вечеромъ на фронтъ. На пути отъ казармъ до вокзала населеніе устроило русскимъ солдатамъ грандіозную, незабываемую овацію. Огромная толпа, состоявшая изъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, сопровождала русскія войска по всему пути ихъ слѣдованія, привѣтствуя ихъ и забрасывая ихъ цвѣтами. Площади Согласія и Оперы, а также большіе бульвары были совершенно запружены народомъ. По улицамъ русскіе солдаты едва могли двигаться впередъ среди живыхъ шпалеръ. Незабываемое зрѣлище это превзошло своимъ народнымъ энтузіазмомъ наиболѣе прекрасные дни франко-русскаго союза. Проходя черезъ площадь Согласія, русскіе офицеры возложили цвѣты на статую Страсбурга.

Въ „Свѣтѣ" г. Филипповъ разсказываетъ изумительную исторію съ типографіей Бенке въ Новомъ переулкѣ № 2 противъ Асторіи, на зданіи типографіи теперь красуется вывѣска съ государственнымъ гербомъ: „Типографія А. Бенке", а г. Бенке живетъ въ Германіи и агитируетъ противъ Россіи во всю.

Газеты наполнены свѣдѣніями, какими подлыми и наглыми путями нѣмцы захватили въ свои руки всю восковую торговлю Россіи, задушили русскихъ купцовъ и устранили другихъ ъконкуррентовъ.

Въ Парижѣ скончался Илья Ильичъ Мечниковъ.

---

9 іюля. Корреспондентъ „Русскаго Слова" [1]) передаетъ интересныя подробности о недавнихъ бояхъ въ Буковинѣ.

Германцы, чтобы спасти своихъ союзниковъ, стали спѣшно кидать имъ свою помощь. Въ первую голову подошелъ на нашемъ участкѣ корпусъ прямо изъ подъ Вердена. Мы и германцевъ покрошили, взявъ однихъ только плѣнныхъ пять тысячъ. Съ первыми полками подошедшихъ на помощь германцевъ вышла та же трагикомедія. Все еще надѣявшіеся на твердыни своихъ окопныхъ сооруженій, подошедшіе германцы никакъ не ждали небывало быстраго продвиженія большихъ нашихъ силъ. Поэтому послѣ многодневной дороги, прибывъ къ назначенному мѣсту, германскіе офицеры передъ боями рѣшили вымыться въ ванныхъ, переодѣться, а тутъ, какъ снѣгъ на голову въ іюнѣ, наши войска. Немало германскихъ офицеровъ защищалось, а потомъ и бѣжало безъ штановъ, въ однѣхъ рубахахъ. Ясно, что все и личное, и войсковое добро прибывшихъ осталось нашимъ въ добычу.

Въ Черновицахъ и въ Буковинѣ были взяты цѣлые погреба дорогихъ винъ: рому, коньяку, шампанскаго. Войскамъ нашимъ былъ устроенъ настоящій праздникъ. Подъ тѣмъ же Бучачемъ наши нежданно нагрянули на одну станцію, а туда только-что телеграфировали съ сосѣдней:

— Будьте спокойны: идетъ помощь, сейчасъ отправляемъ три эшелона.

Наши, наскочивъ на станцію, заняли, конечно, телеграфъ и прочли телеграмму: идутъ три эшелона. Имъ приготовили встрѣчу. Подходятъ одинъ за другимъ три батальона, три тысячи солдатъ съ полнымъ боевымъ снаряженіемъ и обозомъ, открываютъ двери вагоновъ,—имъ навстрѣчу изъ-за горъ шпалъ и провіанта, изъ-за станціонныхъ зданій, дальше по линіи, изъ-за канавъ и кустовъ русскіе батальоны. Пулеметы, ружья наведены, каждый вагонъ взятъ подъ обстрѣлъ. Въ вагонахъ суматоха, крики, отрывочныя команды, одни захлопываютъ двери, другіе хотятъ соскакивать,—на нихъ наши со штыками. Кой-гдѣ раздались изъ вагоновъ одиночные слѣпые выстрѣлы,—тѣ вагоны тотчасъ же были осыпаны градомъ пуль. Все быстро смолкло,—сдались. Быстро обезоружили всѣхъ.

---

[1]) „Русс. Слово" 7 іюля 1916 г.

Въ „Русскомъ Словѣ“ [1]) описывается такъ блестящая атака нашихъ славныхъ гусаровъ.

Это было 2-го іюня, въ 7 часовъ вечера, на фронтѣ боевого участка, о которомъ пойдетъ рѣчь. Наша пѣхота занимала окопы въ лѣсу у д. В... На его западной опушкѣ шагахъ 300—400 отъ нашихъ окоповъ, тянулись окопы противника, укрѣпленные тремя рядами проволочныхъ загражденій. Только-что было получено приказаніе о переходѣ въ наступленіе, которое на сосѣднемъ справа участкѣ, слышно было, уже началось.

Весь лѣсъ позади гремѣлъ и трещалъ отъ разрывовъ надъ нимъ,—главнымъ образомъ, надъ дорожкой, которая вела сквозь его гущу къ нашимъ окопамъ,—шрапнелей. Этой завѣсой желѣзнаго дождя противникъ стремился преградить путь нашимъ резервамъ; а къ опушкѣ изъ его окоповъ летѣлъ ураганъ свинца изъ ружей и пулеметовъ.

Приближалась самая жуткая минута, когда нашимъ героямъ нужно было вылѣзать изъ своего укрытія и идти навстрѣчу этому урагану, навстрѣчу смерти... Вотъ въ этотъ-то именно моментъ и произошло то, что своею неожиданностью и безумствомъ отваги такъ поразило равно и „нашихъ“ и „ихъ“. Только наши, придя въ себя и понявъ, въ чемъ дѣло, разразились радостнымъ „ура“, а „оттуда“ неслись крики ужаса и вопли о пощадѣ.

По узкой лѣсной дорожкѣ черезъ завѣсу огня и желѣза въ карьеръ неслась наша конница на вороныхъ коняхъ. Ни на мгновеніе не останавливаясь, всадники одинъ за другимъ перескакивали черезъ окопы надъ головами пѣхоты и, усиливая аллюръ, бросились къ непріятельскимъ окопамъ. Казалось, прямо въ объятья смерти летятъ эти безумцы; казалось, ни одинъ изъ нихъ не дойдетъ до окоповъ, а тѣ, кто доскачетъ, погибнутъ въ колючей паутинѣ загражденій. Но такова сила внезапности, такова сила доблести, творящей чудеса, что не успѣли еще головные всадники доскакать до проволочныхъ загражденій, какъ, точно встревоженные муравьи, посыпали изъ своихъ окоповъ австрійцы, съ воплями поднимая кверху руки и моля о пощадѣ. Они сами бросились навстрѣчу атакующимъ сквозь оказавшійся въ ихъ загражденіяхъ проходъ, которымъ тѣ и не преминули воспользоваться.

---

[1]) „Рус. Сл.“ 9 іюля 1916 г.

Но проходъ былъ слишкомъ узокъ, а терпѣніе преодолѣть препятствіе слишкомъ велико, ибо все же часть австрійцевъ и ихъ пулеметы еще продолжали защищаться, и всадники грудями коней своихъ рвали проволоку вмѣстѣ съ кольями, другіе перерѣзали ее ножницами.

Тамъ, за окопами, пощады не было никому, кто еще держалъ въ рукахъ оружіе; въ одинъ моментъ была изрублена прислуга у пулеметовъ, и вскорѣ изъ занятыхъ окоповъ не раздавалось уже ни одного ружейнаго выстрѣла, гремѣлъ лишь артиллерійскій да фланговый ружейный огонь съ сосѣднихъ участковъ австрійской позиціи.

За взятой позиціей, верстахъ въ 1½ къ западу, виднѣлась деревня К., куда и устремились гусары, уничтожая по пути искавшихъ спасенія въ бѣгствѣ враговъ. Вихремъ ворвавшись въ деревню, они завладѣли ею, но дальнѣйшее преслѣдованіе, какъ вслѣдствіе малочисленности доскакавшихъ, такъ и въ виду наступившей темноты, было невозможно, и, сдавъ занятыя позиціи двинувшейся вслѣдъ за ними пѣхотѣ, гусары стали собираться въ лѣсъ.

Вотъ они, наконецъ, всѣ тутъ, эти чудесные всадники... Ихъ почти не видно среди сѣро-голубой массы плѣнныхъ, запрудившихъ всю большую лѣсную поляну.

— Это дьяволы какіе-то, — взволнованно и какъ бы оправдываясь, говорилъ по-нѣмецки усатый австрійскій офицеръ нашему. — Мы здѣсь никакъ не ожидали конной атаки на насъ. Это было невозможно. Мы не могли этого предполагать... Такъ нельзя...

А эти „дьяволы“ въ это время, перебивая другъ-друга, съ дѣтской радостью обмѣниваются впечатлѣніями, ласково утѣшаютъ раненыхъ товарищей и добродушно подтруниваютъ надъ плѣнными, вытирая, какъ ни въ чемъ не бывало, со своихъ шашекъ и пикъ кровь...

Въ глубокомъ мракѣ, при свѣтѣ фонарей, окончилась лихорадочная работа перевязочнаго пункта; лазаретныя линейки увезли послѣднихъ раненыхъ, и сѣрая колонна плѣнныхъ двинулась завершать свой „Drang nach Osten“ подъ эскортомъ гусаръ...

То былъ дивизіонъ (три эскадрона) славныхъ N гусаръ, подъ командой подполковника А.

Изъ Москвы сообщаютъ, что скоро ликвидируется извѣстная транспортировочная контора Гергардъ и Гей.

Посмотримъ, какія позорныя имена русскихъ людей своими именами превратятъ эту фирму въ якобы россійское акціонерное предпріятіе.

„Новое Время“ [1]) приводитъ объявленіе главноначальствующаго Саратовской губерніи, рисующее одну изъ оригинальныхъ отраслей дѣятельности мѣстныхъ колонистовъ.

„Съ конца прошлаго года,—читаемъ въ объявленіи,—замѣчается разсылка редакціями нѣкоторыхъ выходящихъ за границею повременныхъ изданій печатныхъ писемъ на нѣмецкомъ языкѣ, адресованныхъ на имя поселянъ Саратовской и Самарской губерній съ просьбой о сообщеніи редакціямъ свѣдѣній о призванныхъ на войну, раненыхъ и вернувшихся на родину солдатахъ, цѣнахъ на различные продукты и т. п., а также о пересылкѣ редакціямъ переводовъ изъ русскихъ газетъ относительно военныхъ событій, при чемъ для отвѣтовъ къ каждому письму прилагалось по нѣсколько печатныхъ конвертовъ.

Поступающая въ военную цензуру корреспонденція свидѣтельствуетъ, что письма эти не остаются безъ отвѣта, и многіе получатели ихъ сообщаютъ въ означенныя газеты интересующія ихъ свѣдѣнія.

Сообщеніе этихъ свѣдѣній за границу представляется несомнѣнно опаснымъ, такъ какъ они могутъ быть использованы агентами непріятеля въ интересахъ послѣдняго.

Въ виду сего приглашаю населеніе Высочайше ввѣренной мнѣ губерніи не сообщать такого рода данныхъ за границу и въ интересахъ государства оставлять поступающія изъ газетъ письма по сему предмету безъ отвѣта“.

Объявленіе это прямо ужасно и особенно поучительно для всѣхъ русскихъ и въ особенности депутатовъ Государственной Думы Керенскаго, Скобелева и барона Мейендорфа, нашихъ колонистолюбовъ.

Вотъ каковы наши лояльные колонисты Саратовской и Самарской губерній, которыхъ мы пригрѣли на нашей груди въ теченіе 150 лѣтъ. Этимъ колонистамъ приказываютъ изъ ихъ настоящаго отечества, Германіи, сообщить измѣнническія свѣдѣнія относительно Россіи, и они сообщаютъ. Дальше этого идти нельзя. Непонятно, почему ихъ не называютъ въ объявленіи колонисты, а поселяне. Можетъ быть, какой-нибудь изъ этихъ депутатовъ будетъ имъ вы-

---

[1]) „Новое Время“, 9 іюля 1916 г.

хлопатывать казенный паекъ, когда ихъ будутъ выселять. Несомнѣнно, что и другіе колонисты получаютъ и исполняютъ подобныя германскія повелѣнія.

10—15 іюля. Предсѣдатель Совѣта Министровъ гофмейстеръ Штюрмеръ назначается министромъ иностранныхъ дѣлъ вмѣсто гофмейстера Сазонова.

Сегодня арестованъ въ Петроградѣ предсѣдатель правленія Русско-французскаго банка Д. А. Рубинштейнъ.

Русское общество торговли аптекарскими товарами состоитъ изъ 45 русскихъ акціонеровъ и 255 нѣмцевъ.

Хорошее русское общество.

Нѣмецкая фирма Сименсъ и Шукертъ прикончена въ Японіи и Франціи, а у насъ безмятежно процвѣтаетъ, устраиваетъ лазареты и благотворительныя жертвованія.

„Новое Время" [1] приводитъ разсказы недавно взятыхъ плѣнныхъ.

Въ данной партіи, состоящей преимущественно изъ мадьяръ, нѣмцевъ и чеховъ, два чеха говорили по-русски превосходно почти съ едва замѣтнымъ акцентомъ. Они служили и переводчиками, такъ какъ нѣмцы тоже оказались слово-охотниками; только мадьяры держались совсѣмъ въ сторонѣ и на всѣ предлагаемые вопросы односложно отвѣчали—„мадьяръ" и уходили въ сторону.

Изъ всей партіи видъ воиновъ имѣли мадьяры и отчасти чехи, остальные вполнѣ подходили подъ мѣткое опредѣленіе ополченца „суклевастые". Несмотря на очень недурное обмундированіе, хорошую обувь и, если хотите, далеко не переутомленный видъ (успѣли уже отъѣсться на промежуточныхъ этапахъ), они тѣмъ не менѣе напоминали случайную толпу съ единственной общностью—одинаковой формой,

[1]) „Новое Время" 14 іюля 1916 г.

— Когда взяты?

— Сегодня ночью у деревни Д. прикрывали отступленіе, но ваши прорвались и кромѣ насъ взяли два обоза и батарею.

— Что же, жаркое было дѣло?

— Не видалъ еще такого страху,—какъ-то скороговоркой заговорилъ чехъ,—на всѣхъ фронтахъ былъ, недавно съ итальянскаго, а нигдѣ огонь не достигалъ такой силы. Ваша артиллерія не стрѣляетъ, а уничтожаетъ все на своемъ пути; такой мѣткости стрѣльбы нѣтъ ни на одномъ фронтѣ, у васъ рѣдкій снарядъ пропадаетъ даромъ.

— Гдѣ же держаться при нашемъ огнѣ, изъ нашего полка мало осталось, остальные побиты. Мы спаслись только потому, что въ заднихъ землянкахъ засѣли и тамъ смерти ждали.

— Ну, а ваше начальство и офицеры тоже пошли въ плѣнъ?

— Не знаемъ, должно быть, въ обозѣ взяты, они ушли, когда бой сталъ разгораться, а двое дежурныхъ остались при насъ: одинъ убитъ, другой въ плѣнъ пошелъ. Наши офицеры,— чехъ пріостановился и продолжалъ затѣмъ съ грустью,—далеко отъ насъ, рѣдко мы ихъ видимъ, только дежурныхъ, но и они въ своихъ землянкахъ, подальше отъ перваго окопа; приказываютъ все по телефону. Мы сами, положимъ, знаемъ свое мѣсто, у каждаго оно опредѣлено: кто и когда долженъ замѣнить другого, тоже задолго объявляется. Мы совсѣмъ отдѣльно отъ офицеровъ; чужихъ ротъ и въ глаза не знаемъ, никогда иного не видѣли. А въ бою такъ и всегда командуютъ унтеръ-офицеры. Вонъ тотъ, что серебряныя звѣздочки на воротникѣ.

Теперь мнѣ стало понятно, что послѣдніе бои дали огромный процентъ плѣннаго австрійскаго офицерства сразу большими партіями, только потому, что ихъ забирали не на передовыхъ линіяхъ, а въ относительномъ тылу, гдѣ они группировались вмѣстѣ.

— Скажите, а кормятъ васъ ничего, всего хватаетъ?

— До боевъ пищи было достаточно. Чистаго мяса почти не давали, но консервы всякіе были. Хлѣба порціи убавили и онъ сталъ хуже, но жить было можно. И изъ дому много присылали шоколада, кофе, консервовъ. Жаловаться нельзя, хотя и тутъ обижали, нѣмцамъ и мадьярамъ отдѣльную пищу готовили, говорятъ—лучше. А во время боевъ очень голодали, все поѣли и ничего намъ не доставляли. При-

шлось ѣсть одни сырые овощи, которые подъ рукой въ огородахъ были, картошку печеную и сырую два дня ѣли. Очень много тяжелаго перенесли, хворать слабые начали. Теперь такихъ прислали цѣлыя роты. Кто зиму провелъ на позиціяхъ, мало осталось, выбиты, ранены. Сильно пострадали и пополненія съ другихъ фронтовъ, хотя ихъ и старались беречь. Стали тогда пополнять почти совсѣмъ необученными, только-что призванными въ строй стариками и малолѣтними. Пользы отъ нихъ нѣтъ, тяжелѣе еще съ ними.

— А отношенія между австрійцами и нѣмцами сейчасъ какія?

— У насъ нѣмцевъ мало, и они насъ не безпокоятъ. Вотъ въ другихъ частяхъ, гдѣ ихъ много, разсказываютъ, что намъ, словакамъ, русинамъ и другимъ славянамъ, совсѣмъ житья нѣтъ. Исполняютъ одну черную работу, и первыми идутъ въ бой. Возврата имъ уже нѣтъ; вы не убьете, свои убьютъ. Въ спокойное время побои терпятъ, у офицеровъ есть особыя камышевыя палочки. Нѣмца и мадьяра тронуть не смѣютъ! Въ отпускъ намъ тоже трудно попасть, совсѣмъ не пускаютъ; наградъ лишаютъ, вообще хуже живется, чѣмъ нѣмцамъ и мадьярамъ.

— Ну, значитъ, вы должны быть довольны, что въ плѣнъ взяты?

Но на этотъ вопросъ я не получилъ отвѣта. Раздалась команда отправляться. Плѣнные выстроились опять по народностямъ: нѣмцы, мадьяры, чехи—отдѣльно.

Партія зашагала дальше.

Вотъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ во время допроса плѣннаго австрійскаго майора въ одномъ изъ штабовъ корпуса послѣ взятія нами почти неприступныхъ позицій подъ К.

Бой здѣсь продолжался трое сутокъ при ураганномъ огнѣ нашей артиллеріи. Австрійцы держались крѣпко, и взять позиціи удалось только хитростью; были устроены нѣсколько ложныхъ атакъ, и непріятель, оставлявшій окопы для ихъ отраженія, попадалъ подъ перекрестный огонь артиллеріи и пулеметовъ. Враги, въ результатѣ, обезумѣли отъ ужаса и послѣднюю атаку отражали слабо. Въ наши руки достались не только позиціи, но свыше 3.500 человѣкъ солдатъ и свыше 200 офицеровъ и много оружія, снаряженія и провіанта.

Плѣнный майоръ, видимо, вполнѣ довольный своей судьбой послѣ всего пережитаго, охотно отвѣчалъ на задаваемые вопросы.

— Какъ вы только могли сдать ваши почти неприступныя позиціи?—спрашиваетъ его начальникъ штаба.

— Не сумѣю вамъ сказать, лучше вотъ вы отвѣтьте — какъ вы ихъ могли взять? Единственное объясненіе — это судьба, другого быть не можетъ.

— Скажите, пожалуйста, а какъ наши сосѣди слѣва — сдались или нѣтъ?—продолжалъ маіоръ.

— Да. И они пошли въ плѣнъ.

— Ну, слава Богу! А то еще этотъ ландверъ свалилъ бы вину на насъ, сказали бы, что насъ прорвали...

Пауза.

— Скоро вы пригласите меня къ завтраку, я очень голоденъ? Вашихъ офицеровъ мы всегда приглашаемъ къ себѣ,—спросилъ маіоръ.

— Васъ скоро накормятъ, но пригласить къ завтраку мы лишены всякой возможности. Вчера мы взяли 105 человѣкъ офицеровъ, а сегодня около ста. У насъ въ штабѣ готовится всего на 10—15 человѣкъ, гдѣ же тутъ накормить болѣе ста офицеровъ? Придется пользоваться солдатскимъ столомъ.

— Да, вы правы, — майоръ нѣсколько задумался. — У насъ никогда не было такого количества плѣнныхъ офицеровъ.

— А послѣ обѣда вы сразу же меня отвезете въ тылъ?

— Сегодня, къ сожалѣнію, мы лишены возможности отвезти васъ. Такое количество плѣнныхъ, что и повозокъ можетъ не хватить, и сколько же потребуется конвойныхъ... Вамъ придется идти нѣсколько верстъ пѣшкомъ со своей частью.

— Со своей частью?!—Майоръ, видимо, нѣсколько удивился.—Знаете, командовать и въ плѣну своими солдатами это немного скандально. Но я вполнѣ васъ понимаю, иначе ничего нельзя сдѣлать; около пяти тысячъ плѣнныхъ — очень, очень много. У насъ этого не было.

. . . .

Майоръ успокоился вполнѣ и съ удовольствіемъ затянулся предложенной ему папиросой.

Въ „Русскомъ Словѣ“ [1]) приведено описаніе дѣятельности въ летучемъ отрядѣ:

Перевязочный пунктъ полка пріютился на площадкѣ у подножья балки. На гребнѣ ея чернѣютъ силуэты какихъ-то деревьевъ, а тамъ, за этимъ рубежомъ, простирается боевое поле.

Глубокая тишина окутала окрестность. Сейчасъ здѣсь много людей, но всѣ молчатъ. Тихо и на позиціяхъ. Только изрѣдка гдѣ-то сзади въ лѣсу бухнетъ орудіе, провоетъ посланный снарядъ, и снова воцаряется томительная, напряженная тишина.

При свѣтѣ одинокаго артиллерійскаго фонаря ротные фельдшера перевязываютъ двоихъ раненыхъ, только - что доставленныхъ изъ окоповъ.

— Можно видѣть дежурнаго врача?

— Они въ убѣжищѣ,— говоритъ санитаръ.— Дозвольте провожу.

Убѣжище—небольшая пещера.

Влѣзать туда пришлось на четверенькахъ.

— Докторъ, гдѣ вы?

— Здѣсь.

Кто-то беретъ меня за руку.

— Вздремнулъ немного. Двое сутокъ работалъ. Теперь стихло, вотъ и позволилъ себѣ понѣжиться...

Хозяинъ освѣщаетъ свою нору карманнымъ электрическимъ фонаремъ.

Онъ лежитъ на соломенныхъ матахъ, бочкомъ, поджавъ подъ себя ноги.

— Скверность такая, знаете, — протянуться нельзя. Вы съ летучкой, что ли?

— Такъ точно.

— Грузитесь помаленьку. Пока раненыхъ нѣтъ. Трудно очень вытаскивать. Нѣмцы изъ винтовокъ норовятъ бить по ходамъ сообщеній. Да и у насъ здѣсь не важно. То снарядъ залетитъ, то пули свищутъ. Мудрено ли: холмъ этотъ впереди, — такъ, видимость одна, защиты отъ него никакой. Хотите, къ командиру полка пройдемъ?..

— Стоитъ ли? Полковникъ, навѣрное, занятъ.

— Нѣтъ, онъ гостямъ всегда радъ. Тѣмъ болѣе теперь, работа кончена, полкъ сегодня смѣняютъ.

---

[1]) „Русское Слово“, 13 іюля 1916 г.

Штабъ полка устроился въ блиндажѣ. Въ скудно освѣщенной землянкѣ подъ знаменемъ и иконой въ чехлахъ сидитъ командиръ полка.

Онъ отдаетъ послѣднія приказанія уходящимъ съ позиціи батальонамъ. То-и-дѣло заходятъ къ нему офицеры съ докладами и вопросами.

Два дня назадъ полкъ ходилъ въ атаку, и этотъ самый блестящій, выхоленный офицеръ шелъ впереди своихъ людей такой же спокойный и ровный, какъ всегда.

Несмотря на ураганный огонь и отчаянное сопротивленіе противника, С. полку удалось выполнить поставленную ему задачу, — захватить часть германскихъ окоповъ и закрѣпиться въ нихъ.

Полковой командиръ уцѣлѣлъ чудомъ въ адскомъ огнѣ этого боя. Въ одномъ изъ окоповъ вражескій снарядъ ударилъ всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ полковника. Его засыпало по поясъ землей. Солдаты откопали командира ручными лопатками, невзирая на обстрѣлъ.

Доктора и меня зовутъ на пунктъ. Несутъ раненыхъ. Полковымъ музыкантамъ удалось вытащить девять человѣкъ изъ-подъ нѣмецкихъ проволочныхъ загражденій. Они молчатъ, и только одинъ молитъ:

— Братцы, снимайте же съ меня сапоги!

— Не угодно ли полюбоваться, — тянетъ докторъ, — на этого героя.

На носилкахъ лежитъ тщедушный немолодой человѣкъ, мягко улыбающійся подошедшимъ.

— Что съ тобой?

— Шесть денъ, ваше благородіе, у нѣмецкаго окопа лежалъ раненый. Днемъ не шевелился, чтобы въ плѣнъ не взяли, а по ночамъ ползалъ къ лужѣ пить. Только замѣтили они меня, — стрѣляли; однако, Богъ миловалъ, — къ себѣ не забрали.

Это уже не первый случай. Нашихъ раненыхъ германцы не подбираютъ, предоставляя имъ гибнуть на полѣ отъ голода и жажды.

Ночь тянется мучительно долго. Тамъ, за холмомъ, — тишина. Молчатъ и наши батареи. То-и-дѣло изъ темноты выносятъ новыя носилки.

Повозки дворянскаго отряда постепенно наполняются ранеными.

Уже свѣтаетъ,—надо уѣзжать.

— Стой, обожди, еще даютъ...

— Нѣтъ, ваше благородіе,—говоритъ одинъ изъ носильщиковъ,—этому ѣхать не надо.

— Скончался?

— Никакъ нѣтъ: такъ-что они убиты еще третьяго дня,—нашъ полуротный, прапорщикъ О.

— Я видѣлъ, какъ они упали,—вздыхаетъ раненый с-цъ, лежащій въ телѣгѣ,—вмѣстѣ въ атакѣ были.

— Трогай!

Надо спѣшить увезти оставшихся въ живыхъ до начала новаго боя.

Передаютъ, что высокіе заработки на фабрикахъ и работахъ вызвали въ деревняхъ стремленіе къ нарядамъ. Лавки, гдѣ торгуютъ дорогими матеріями, буквально осаждаются щеголихами. Грабительскія цѣны на товаръ нисколько не смущаютъ покупательницъ.

Съ начала войны до 25 іюня сего года Финляндія пропускала германскіе товары по особо льготному для нихъ тарифу и снабжала этими товарами Россію контрабанднымъ путемъ [1]).

Въ „Русскомъ Словѣ“ [2]) г. Филатовъ описываетъ бой на Буковинскомъ фронтѣ:

Взятіе Печенѣжина было лишь первымъ шагомъ, и намъ важнѣй всего было пересѣчь желѣзную дорогу черезъ Карпаты на Сигетъ, ибо по ней, главнымъ образомъ, притекали подкрѣпленія изъ Македоніи и Италіи.

Делатынь стоитъ совсѣмъ въ горахъ на берегу Прута, гдѣ тотъ поворачиваетъ на востокъ. Мы повели наступленіе по обоимъ берегамъ Прута. Раньше мы постоянно сталкивались съ тѣмъ, что позиціи южнаго берега были менѣе укрѣплены, чѣмъ позиціи сѣвернаго, но Делатынь, какъ важный пунктъ, былъ укрѣпленъ со всѣхъ сторонъ; однако, главныя позиціи все-таки проходили съ сѣвера на югъ, и, маневрируя, ихъ можно было брать во флангъ.

При наступленіи на Делатынь наши войска наткнулись на южномъ берегу Прута на крѣпкія позиціи, построенныя

---

1) „Нов. Вр.“ 15 іюля 1916 г.

2) „Русск. Сл.“ 15 іюля 1916 г.

въ горахъ и занятыя большими силами. Штабъ N дивизіи, наступавшей вдоль Прута, рѣшилъ поддержать сосѣдей, выйдя въ тылъ делатынскимъ позиціямъ.

Лишь только развѣдчики вышли на линію Делатынь—Коломыя, идущую вдоль Прута, показался бронированный поѣздъ: два вагона и паровозъ съ пушками и пулеметами.

Развѣдчики испугались, какъ бы онъ не проникъ до главной массы войскъ, гдѣ онъ могъ натворить бѣдъ, и начали его обстрѣливать, а часть забѣжала дальше, чтобы его перехватить, но у нихъ не было подрывныхъ патроновъ, потому оказалось невозможнымъ испортить путь;—безъ инструментовъ никакъ не вывернешь шпалъ и не сорвешь рельсовъ.

Пытались бросить ручныя гранаты,—онѣ оказались для этого слабы. Нѣсколько человѣкъ кинулось тащить большой каменный крестъ, чтобы повалить его на рельсы, но на поѣздѣ замѣтили эти хлопоты и повернули обратно. На-спѣхъ брошенные на рельсы жерди и камни его не задержали.

Развѣдчикамъ пришлось выдержать жестокій огонь поѣзда, особенно тѣмъ, которые пытались загородить ему путь, но пострадало всего 12 человѣкъ.

— Идетъ гладкій, ни одной дырки не видать,—говорятъ солдаты,—а вдругъ откроютъ окошечки,—и прямо засыплютъ пулями.

Главныя позиціи австро-германцевъ были расположены въ районѣ деревни С., гдѣ и произошелъ 23-го іюня необычайный по своей ожесточенности штыковой бой.

Здѣсь у непріятеля была сильная артиллерія, и цѣпямъ, двигавшимся по сѣверному берегу, пришлось очень трудно. Лишь только подошли къ деревнѣ С., занимавшій ее германскій полкъ, при поддержкѣ австрійскаго полка, повелъ рядъ контръ-атакъ; первыя были отбиты, но при одной изъ нихъ онъ прорвалъ нашъ фронтъ. Прорывъ снова закрыли, нѣмцевъ отбросили, но все-таки положеніе могло стать труднымъ, если бы не вышли нѣмцамъ во флангъ наши части, наступавшія по южному берегу.

Тамъ наши заняли деревню К. и, при поддержкѣ горной артиллеріи, стали наступать между холмами. Цѣлью ихъ было продвинуться возможно дальше и атаковать главную позицію С. у церкви съ юга на сѣверъ.

Переходя боемъ съ холма на холмъ, къ вечеру вышли къ берегу Прута. Здѣсь онъ крутой, обрывистый, покрытый лѣсомъ и кустами. Артиллерійскій и пулеметный огонь не

давалъ возможности выйти на крутой скатъ, что спускается къ рѣкѣ, но, на счастье, здѣсь оказалось глубокое ущелье. Наступавшій батальонъ сбѣжалъ въ него, многіе солдаты прямо скатывались по его отвѣснымъ берегамъ и изъ ущелья, какъ изъ коридора, выскочили къ рѣкѣ.

Нельзя было задерживаться ни на минуту, ибо берегъ Прута былъ подъ жестокимъ обстрѣломъ.

Батальонъ кинулся въ бродъ. Не очень глубоко, лишь кое-гдѣ по плечи, больше по поясъ, но теченіе очень быстрое, человѣкъ удерживается съ трудомъ, а огонь былъ такой, что вода прямо кипѣла отъ шрапнельныхъ и ружейныхъ пуль. Но это ни на секунду не задержало нашихъ. Переходили бродъ быстро.

Офицеры, бросаясь въ бродъ, разсчитывали, какъ перейдутъ, залечь на томъ берегу у виднѣвшагося земляного валика, передохнуть, оправиться и наступать дальше, но лишь только поднялись изъ-за берега, какъ увидѣли передъ собой ряды германцевъ.

Стройные, сѣрые, шли они въ четыре линіи со штыками наперевѣсъ, безъ единаго выстрѣла,—это была образцовая контръ-атака.

Не только передохнуть, но и перестраиваться нашимъ некогда было. Какъ вылѣзли на берегъ мокрые не рядами, а кучками, такъ съ крикомъ „ура" и бросились на нѣмцевъ. Все сразу смѣшалось во взаимномъ штыковомъ ударѣ.

Мнѣ нѣсколько разъ приходилось отмѣчать, что нѣмцы не выдерживаютъ нашей штыковой атаки, и здѣсь, несмотря на то, что они были многочисленнѣе, они сразу подались, ибо, видно, никакъ не ожидали такого сильнаго удара, а четвертая линія, не дойдя до мѣста свалки, повернула и бѣжала назадъ. Все смѣшалось. Наши пробѣгали сквозь ряды нѣмцевъ, возвращались, схватывались вновь. Очень важно, что наши солдаты между собой не разъединяются и всегда стараются помочь товарищу. Постепенно свалка стала катиться отъ рѣки къ церкви. Нѣмцы бѣжали въ одиночку, группами, наши ихъ преслѣдовали, и къ 9-ти часамъ бой, начавшійся въ 8½, докатился до церкви.

Это—деревянная пятиглавая уніатская церковь, видно, недавно построенная.

Она обнесена крѣпкой оградой изъ толстыхъ дубовыхъ досокъ, съ тесовой крышей и нѣсколькими воротами. Нѣмцы за оградой устроили окопы, продѣлали бойницы, на колокольнѣ поставили два пулемета. Эта импровизованная крѣ-

пость буквально опоясывалась огнемъ выстрѣловъ. Достигнувъ ограды, наши солдаты пытались перескочить ее, подсаживая другъ друга, но пулеметъ, наведенный на верхъ стѣны, скосилъ первыхъ смѣльчаковъ. Тогда навалились на ворота и вышибли ихъ.

Съ криками:

— Лови!

— Держи!

— Помоги!.. Коли!..

гонялись наши солдаты за нѣмцами въ церковной оградѣ, ворвались въ церковь, и когда увидѣли, что она осквернена нѣмцами, перекололи находившихся тамъ пятнадцать человѣкъ. Одного вытащили изъ-подъ престола. На колокольнѣ взяли два пулемета.

Роты, наступавшія по сѣверному берегу, тоже ворвались въ С., и штыковой бой начался на улицѣ, между хатъ и въ хатахъ.

Солдаты, взявшіе церковь, лишь только очистили ее отъ врага, зажгли въ ней свѣчи передъ всѣми иконами, и среди кипящаго боя озарилась она яркимъ свѣтомъ.

Около 11-ти часовъ вечера нѣмцы снова повели контръатаку, чтобы вернуть позиціи у С., а по церкви открыли сильный артиллерійскій огонь, такъ что свѣчи пришлось потушить.

Снова вспыхнулъ безпощадный ночной бой, опять неудачный для нѣмцевъ,—позиціи С. остались за нами. На нихъ поставили легкую и тяжелую артиллерію и стали обстрѣливать во флангъ укрѣпленія южнаго берега, прикрывавшія транскарпатскую желѣзную дорогу.

Австрійцы не могли выдержать двойного удара — съ фронта и фланга—и отошли, а наши 24-го іюня вступили въ Делатынь.

На утро представилась страшная картина разбросанныхъ по деревнѣ и у церкви труповъ. У рѣки, гдѣ былъ первый бой, они лежали кучками, въ пропорціи: 10—15 нѣмцевъ, 3—5 русскихъ. Штыковые удары были страшные: стволъ вмѣстѣ со штыкомъ выходилъ изъ спины. Въ одномъ мѣстѣ два унтеръ-офицера,—нашъ и нѣмецъ (видимо, оба вели свои взводы),—упали, видимо пронзенные штыками. Всѣ участники въ одинъ голосъ говорятъ, что и не запомнятъ такого жестокаго боя. То же можно сказать и глядя на поле битвы,—сражались почти безъ выстрѣловъ, какъ въ старыя времена.

Этотъ бой интересенъ не только по своимъ маневрамъ и по своей ожесточенности, но и по взаимной связи, которую проявили наши части, поддерживая другъ друга.

Одинъ изъ начальниковъ дивизій, наступавшихъ рядомъ, телеграфировалъ сосѣду:

„Сердечно благодарю васъ и части N пѣхотной дивизіи за полное содѣйствіе, неоднократно оказанное моему правому флангу въ послѣднихъ бояхъ. Горжусь такимъ сосѣдомъ. Генералъ Б.“.

На что начальникъ N дивизіи отвѣтилъ:

„Дорогая для насъ телеграмма сообщена всѣмъ чинамъ N дивизіи. Полки N дивизіи всегда рады драться рядомъ съ доблестными полками вашей дивизіи, съ которыми ихъ соединяютъ узы боевого братства. Генералъ П.“.

Конечно, при поддержкѣ германцевъ, австрійцы еще могутъ сопротивляться, но ударъ имъ нанесенъ очень тяжелый, отъ котораго они оправятся не скоро, если только смогутъ оправиться.

Но, конечно, и намъ это наступленіе досталось нелегко,— приходилось брать упорно защищаемыя превосходныя позиціи, приходилось совершать колоссальные переходы.

Я, главнымъ образомъ, говорилъ въ своихъ корреспонденціяхъ о работахъ пѣхоты и артиллеріи, ибо на нихъ падаетъ вся тяжесть боевъ, но много работала и кавалерія, были завалены работой и санитарныя части,—надо только представить, какъ была трудна при такомъ быстромъ наступленіи вывозка раненыхъ; напримѣръ, работающимъ въ автомобильной колоннѣ Д. Н. Терещенко первыя сутки прямо приходилось не спать. Но всѣхъ соединяло и окрыляло одно:

— Побѣда! Побѣда! Побѣда!—слово, которое на фронтѣ является смысломъ всего существованія.

Вотъ на какіе подвиги способны русскія женщины;

Приказомъ по N-ской арміи крестьянка деревни П. Виленской губерніи, Паулина Андреевна Савукъ (она же Саукъ) награждена Георгіевской медалью 4-й степени.

Даже въ простомъ оффиціальномъ изложеніи подвигъ этой женщины-героини выдѣляется своею исключительностью, полнымъ безстрашіемъ, овѣяннымъ глубокимъ русскимъ патріотизмомъ, и вызываетъ восхищеніе.

„Проживая въ занятомъ нѣмцами мѣстечкѣ П. А. Савукъ укрывала въ теченіе двухъ дней трехъ нижнихъ чиновъ, бѣжавшихъ изъ германскаго плѣна и просившихъ

ее провести черезъ германскія позиціи до расположенія нашихъ войскъ, что было сопряжено съ большой опасностью, такъ какъ въ мѣстечкѣ стоялъ какой-то германскій штабъ, и по мѣстечку ходило много германскихъ солдатъ. Тѣмъ не менѣе, 19-го января, поздно вечеромъ, она вывела ихъ изъ мѣстечка и провела мимо германскихъ часовыхъ до рѣки, по льду которой они благополучно вмѣстѣ съ ней добрались до нашихъ проволочныхъ загражденій, гдѣ и были задержаны нашими развѣдчиками".

Савукъ—жена фельдшера лейбъ-гвардіи Кексгольмскаго полка. Ей не больше 25-ти лѣтъ. Разобщенная съ мужемъ, она не успѣла уѣхать изъ занятыхъ непріятелемъ мѣстъ и осталась жить у родныхъ въ Виленской губерніи.

— Давно я уже мечтала перейти на русскую сторону,— разсказывала П. А. Савукъ,—особенно послѣ смерти 11-го октября единственной моей малютки-дочери. Искала только удобнаго случая. Жизнь подъ нѣмцемъ стала ужасно тяжелой. Зарабатывала я немного шитьемъ. Но недостатокъ продуктовъ и дороговизна дошла до того, что нельзя было существовать на скромные заработки. А тутъ какъ-разъ кстати наши плѣнные. Вотъ и рѣшила провести ихъ, несчастныхъ, да и самой уйти отъ нѣмцевъ.

Съ 1-го по 15-е іюля военныя дѣйствія у насъ происходили слѣдующимъ образомъ:

За это время въ Рижскомъ раіонѣ происходило успѣшное наше наступленіе въ Кемернскомъ направленіи и на лѣвомъ флангѣ Рижскаго раіона, несмотря на энергичныя контръ-атаки германцевъ.

Въ раіонѣ Барановичей наше продвиженіе впередъ шло значительно медленнѣй и тоже сопровождалось контръатаками непріятеля.

Германцы подвезли значительныя подкрѣпленія на Волынскій театръ и, несмотря на это, армія генерала Сахарова съ 3-го по 12-е іюля прорвала центръ противника въ Львовскомъ направленіи, не взирая на его отчаянныя контръатаки и атаки въ раіонѣ Свинюхъ и Горохова, а также на южной Стрыпѣ.

15-го іюля ген. Сахаровъ въ селѣ Броды съ 3 по 15 іюля захватилъ 34.000 плѣнныхъ. Наши войска, наступавшія отъ Луцка къ западу, взяли за это же время 46 орудій и 9.000 плѣнныхъ. Въ Буковинѣ мы успѣшно утверждались въ предгорьяхъ Карпатъ и Порьяты.

Генералъ Юденичъ на Кавказѣ наступалъ къ западу отъ Эрзерума, Гюмишъ-Халу, взялъ Байбургъ и Эрзинжанъ и разгромилъ въ этихъ раіонахъ турецкія арміи.

За то въ Моссульскомъ направленіи турки потѣснили насъ.

Въ № 189 „Русскаго Инвалида“ приведены интересныя данныя о прусскомъ орденѣ Іоаннитовъ:

Всемірная война открыла передъ глазами народовъ Европы невѣроятную подготовленность и организацію Германіи подъ руководствомъ Пруссіи. Одна составная часть прусской системы до сихъ поръ еще недостаточно точно описана. Я подразумѣваю прусскій Орденъ Іоаннитовъ „іезуитскій Орденъ прусскаго короля“; его обыкновенно смѣшиваютъ съ извѣстнымъ Мальтійскимъ Орденомъ.

Прусское королевское правительство эдиктомъ секуляризаціи отъ 30-го октября 1810 года и грамотой объ упраздненіи отъ 23 го января 1811 года прекратило существованіе прусской вѣтви Ордена Іоаннитовъ (Die Balley Brandenburg des Ritterlichen Ordens St. Iohannis vom Spital zu Ierusalem). Государственная казна присвоила себѣ все имущество Ордена. Вмѣсто него грамотой отъ 23-го мая 1812 г. былъ основанъ королевскій прусскій Орденъ Іоаннитовъ (der Königlich Preussiche Iohanniter Orden), который въ сущности ничѣмъ не отличался отъ другихъ орденскихъ учрежденій прусской монархіи.

Въ текстѣ грамоты, подписанной королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ, сказано: „Мы будемъ, когда Намъ благоугодно будетъ, такимъ лицамъ, которыя отличились въ службѣ Намъ, Нашему Королевскому Дому и Нашей Монархіи, давать Нашъ Королевскій Прусскій Орденъ Іоаннитовъ по Нашему Собственному побужденію, а также предоставляемъ себѣ право давать его по докладу Великаго Мастера Ордена, послѣ совершившагося испытанія, даже тогда, когда Мы находимъ нужнымъ потребовать отзывъ Нашей Генеральной Комиссіи Орденовъ“.

Замѣчательно, что мы не встрѣчаемъ англійскихъ именъ въ спискахъ этого Ордена, хотя послѣ Ватерло можно было бы полагать, что англичане все же оказали нѣкоторыя услуги по крайней мѣрѣ прусской монархіи. Встрѣчаются даже французскія имена, правда, весьма немногочисленныя. Напротивъ, число членовъ изъ нѣмецкихъ государствъ, также изъ Швеціи, Даніи, Голландіи весьма значительное. Еще замѣчательнѣе число русскихъ подданныхъ въ орденѣ

и не только нѣмецкаго происхожденія; въ спискахъ встрѣчаются имена многихъ наиболѣе извѣстныхъ родовъ русской православной высшей аристократіи.

1852 годъ — былъ годомъ преобразованій Ордена. Въ Орденъ принимается молодой Оттонъ фонъ-Бисмаркъ Шенгаузенъ, посолъ при Германскомъ Союзѣ. Въ Франкфуртѣ онъ ясно понялъ, что гегемонія Пруссіи и объединеніе Германіи требуютъ другихъ основъ, чѣмъ демократическія или либеральныя. Можно прослѣдить, какъ будущему объединителю Германіи все виднѣлась могущественная организація Ордена іезуитовъ; да не только онъ одинъ, а цѣлыя поколѣнія государственныхъ мужей склоняли головы въ глубокомъ раздумьѣ надъ твореніемъ св. Игнатія. Онъ взялъ Орденъ іезуитовъ за примѣръ, чтобы изъ аристократовъ создать организацію, служащую прусскому королю съ такимъ же усердіемъ, какъ іезуиты служили папѣ. Къ счастью для молодого государственнаго мужа политикой Пруссіи, въ качествѣ президента министровъ и министра иностранныхъ дѣлъ, руководилъ высокодаровитый фонъ-Мантейфель, котораго отъ потомства заслоняетъ гигантская фигура Бисмарка. Къ реорганизаціи Ордена приступили сейчасъ, и съ весьма большимъ искусствомъ.

Бисмаръ-Шенгаузенъ вступилъ въ Орденъ въ 1852 году, и уже 15-го октября того же года послѣдовалъ приказъ о возстановленіи упраздненнаго въ 1810 и 1811 годахъ Ордена. Теперь онъ обыкновенно именуется: die Balley Brandenburh des Ritterlichen Ordens St. Iohannis vom Spital zu Ierusalem, oder der Iohanniter-Orden.

Прусскій король по-прежнему состоитъ протекторомъ Ордена. Первымъ Herrenmeisrte'омъ назначается, 17-го мая 1853 года, Карлъ, принцъ прусскій. Капитулъ собрался въ первый разъ 24-го іюня и подписалъ статуты. Любопытно, что большинство изъ подписавшихся не коренного нѣмецкаго происхожденія. Съ свойственной прусской политикѣ осмотрительностью и ироніей говорится въ грамотѣ отъ 8-го августа 1853 года: „Согласно всегда принадлежащимъ нашимъ предкамъ въ Бранденбургѣ и особо въ XII статьѣ Вестфальскаго договора ясно признаннымъ суверреннымъ и патронатскимъ правамъ надъ названной вѣтвью Ордена, она опять возстанавливается и возвращается къ первоначальному назначенію“. Итакъ, мысли нѣмецкихъ государственныхъ людей постоянно возвращались къ политическому художественному созданію кардинала Ришелье—Вест-

фальскому договору, который раздробилъ Германію и такимъ образомъ обезпечилъ Европѣ миръ на долгіе годы. Какое удовольствіе, опираясь на этотъ договоръ, ковать оружіе окончательнаго его разрушенія!

Нынѣ протекторомъ Ордена состоитъ король Пруссіи; его Herrenmeister'омъ принцъ Эйтель. Братъ императора Генрихъ рыцарь права и сыновья принцы Августъ и Оскаръ рыцари чести.

Капитулъ Ордена, по статутамъ отъ 30-го сентября 1886 года, состоитъ изъ Herrenmeister'а, который предсѣдательствуетъ, изъ комендаторовъ и почетныхъ комендаторовъ, изъ Ordenshauptmann'а, канцлера Ордена и тѣхъ чиновниковъ Ордена, которымъ въ теченіе исполненія своихъ обязанностей дается право голоса.

Орденъ распредѣляется по 15 „провинціямъ“ изъ нихъ 10 прусскихъ и Вюртембергъ, Мекленбургъ, Гессенъ, Саксонія и Баварія. Каждая провинція имѣетъ во главѣ комендатора. Остальные комендаторы сохраняютъ право голоса въ капитутѣ, также и почетные комендаторы. Рыцари присоединяются къ одной изъ провинцій; иностранные рыцари обыкновенно примыкаютъ прямо къ центральному учрежденію.

При вступленіи вносится 1000 марокъ и ежегодно около 60—75 марокъ. На эти деньги содержатся больницы, пріюты въ Германіи и за границей. Во время войны Орденъ приходитъ на помощь государству. Число рыцарей нынѣ около 3.500.

Судъ чести принадлежитъ капитулу, но, если рыцари состоятъ въ германской арміи, тогда дѣла ихъ разбираются военными судами чести.

Особенность Ордена заключается въ томъ, что „въ рыцари чести можетъ быть назначенъ каждый дворянинъ евангелическаго вѣроисповѣданія, кто своимъ поведеніемъ обнаруживаетъ убѣжденія, соотвѣтствующія цѣлямъ Ордена“. Но не смотрятъ при этомъ на набожность, не требуютъ ухода за больными, какъ этого можно было бы ожидать. Когда протестантскій дворянинъ выразилъ желаніе вступить въ Орденъ, то капитулъ приступаетъ къ наведенію справокъ, которыя относятся главнымъ образомъ къ генеалогіи, къ соціальному имущественному положенію кандидата. Послѣ этого, если свѣдѣнія благопріятныя, о томъ извѣщается Herrenmeister'ъ, который, по своему усмотрѣнію, заноситъ или нѣтъ имя въ списокъ. Этотъ списокъ

представляется прусскому королю, который, по своимъ соображеніямъ, назначаетъ кандидатовъ въ рыцари чести или имъ въ томъ отказываетъ. Они не получаютъ посвященія въ рыцари (рыцарскаго удара). Въ рыцари принимаются лишь люди не моложе 30 лѣтъ, со зрѣлымъ характеромъ; такъ Орденъ страхуется противъ непріятныхъ неожиданностей. Если они иностранцы, то рыцари испытываются особенно тщательно. Въ рыцари права назначаются не раньше 4-хъ-лѣтняго пребыванія въ рыцаряхъ чести, чѣмъ открывается дорога къ высшимъ ступенямъ и, наконецъ, и въ капитулъ.

Нужно отмѣтить сравнительную легкость принятія въ рыцари чести (Ehrenritter). На этой ступени совершается энергичная моральная обработка, совершенное подчиненіе, податливость, прусскому вліянію. Потомъ уже, постепенно и осторожно, начинается введеніе въ тайны, а также и использованіе „въ цѣляхъ Ордена“...

Въ статутахъ 1853 года требуется: Рыцарь права (Rechtsritter) долженъ принадлежать къ нѣмецкому дворянству, или къ дворянству прусской монархіи, долженъ быть протестантскаго (евангелическаго) вѣроисповѣданія и долженъ раньше состоять рыцаремъ чести. 12-го марта 1890 года новая имперія уже чувствуетъ себя столь сильной, что требованія къ рыцарямъ права понижаются. Рыцарь права долженъ быть протестантскаго вѣроисповѣданія и долженъ раньше состоять рыцаремъ чести. Это весьма облегчаетъ работу Ордена за границей, и трудно теперь охватить всю громадную пользу этой организаціи для Германіи.

Принятіе въ рыцари права совершается обыкновенно въ Ивановъ день, на основаніи списка, составленнаго Herrenmeister'омъ въ капитулѣ и одобреннаго королемъ. Церемонія происходитъ въ Зонненбургѣ, послѣ торжественнаго богослуженія, вдали отъ глазъ міра. Все происходитъ какъ-будто открыто, всѣ думаютъ, что все ясно понимаютъ. И странно, что эта блестящая толпа, разодѣтая въ пышныхъ костюмахъ, такъ мало привлекала вниманія постороннихъ... Здѣсь въ Зонненбургѣ рыцари права получаютъ рыцарскій ударъ и признаютъ и обѣщаютъ, что тѣ три удара, которые получаютъ отъ меча Herrenmeister'а, они будутъ терпѣть послѣдними. Изъ длинной присяги, которую приносятъ рыцари права, приведемъ здѣсь только нѣсколько пунктовъ: онъ долженъ признать и обѣщать. что онъ Его Королевскому Прусскому Величеству, своему государю и высокому покровителю Ордена, всегда и при всѣхъ обстоя-

тельствахъ будетъ вѣренъ въ готовности служить и послушенъ, что будетъ стремиться къ благополучію и искать всего лучшаго для отечества, что всѣми силами и своей жизнью будетъ бороться за короля и отечество, храбро и безстрашно. Для иностранцевъ имѣется слѣдующее измѣненіе этого пункта: онъ долженъ признать и обѣщать, что онъ Его Королевскому Прусскому Величеству, высокому покровителю, въ дѣлахъ ордена, будетъ благосклоненъ (hold) и готовъ услужить (gewärtig), и въ то же время своимъ примѣромъ въ своей вѣрности прирожденному (angeboren) государю желаетъ быть свѣточемъ и дѣлать честь ордену. Здѣсь уже видно, какъ прусскій король присваиваетъ себѣ верховную моральную власть надъ иностранными протестантами, прокладывая путь къ старой мечтѣ о томъ, чтобы Берлинъ сдѣлался протестантскимъ Римомъ съ папой-королемъ во главѣ. Кромѣ того даются еще обѣщанія подчиненія и послушанія орденскимъ уложеніямъ и правителямъ. Рукопожатіемъ это подкрѣпляется Herreimeister'омъ и комендаторами.

Картина была бы неполной, если орденъ позабылъ бы въ своей организаціи благороднѣйшую кровь. Уже 5-го ноября 1861 года мы находимъ слѣдующее: иностраннымъ государямъ, ихъ супругамъ и вдовамъ, а также супругѣ Herrenmeister'a, Его Величество король даетъ знаки ордена, когда они признаютъ себя членами протестантской церкви и, черезъ посредство Herrenmeister'a, изъявили желаніе принадлежать къ Ордену. Эта война ясно показала, какое значеніе для успѣховъ германской политики имѣютъ тѣ, кто, признавая себя членами германской расы, занимаютъ троны иностранныхъ государствъ. Эта замѣтка интересна тѣмъ, что показываетъ, какъ давно это введено въ систему.

Весьма увлекательно изученіе Ордена въ новѣйшей исторіи Пруссіи. Такъ, напримѣръ, до 3 войнъ Бисмарка мы повсюду въ правящихъ кругахъ, гдѣ „благороднѣйшая кровь“ и Орденъ Іоаннитовъ успѣли потрудиться, встрѣчаемъ большое благожеланіе къ Пруссіи и полную политическую слѣпоту. Но мы видимъ и другія явленія. Послѣ разгрома Даніи представители нѣкоторыхъ датскихъ родовъ (Мольтке, Ревентловъ) быстро онѣмечиваются; раньше среди нихъ было много іоаннитовъ. Еще болѣе важную роль сыгралъ Орденъ въ моральномъ подготовленіи Германіи къ объединенію. Во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ руководящія мѣста занимаютъ іоанниты, какъ около 1866, такъ и

1870 года. То же самое можно сказать и о нынѣшнихъ временахъ. Такъ, напримѣръ, въ Курляндіи и въ остальной Россіи, повсюду іоанниты были наиболѣе усердными поборниками германскаго дѣла; іоанниты занимали весьма высокіе посты и ихъ присяга королю прусскому ихъ обязывала по крайней мѣрѣ къ благосклонности. Сказанное относится и къ голландскимъ и шведскимъ германофиламъ: наиболѣе ярые среди нихъ суть іоанниты... И не удивительно, что изъ всѣхъ знаковъ отличія, какими столь богатъ Божій міръ, только одинъ Орденъ Іоаннитовъ старательно отмѣчается въ генеалогическихъ ежегодникахъ Гота. Онъ заслужилъ того своей усердной, тихой, еле замѣтной для посторонних, но важной работой pour le roi de Prusse.

---

16 іюля. Сегодня „Вечернее Время“ передаетъ возмутительный фактъ, что высланный въ Пензу, германскій подданный Германъ Антоновичъ Кохъ исправно получаетъ черезъ своихъ служащихъ доходы со своихъ петроградскихъ домовъ. Сильно сомнѣваемся, что какой-либо русскій подданный могъ получать доходы со своего имущества въ Германіи въ настоящее время.

Бетманъ-Гольвегъ отправился въ главную квартиру восточнаго фронта, куда его вызвалъ кайзеръ, созвавшій верховный совѣтъ, въ которомъ принимаютъ участіе Гинденбургъ и Фалькенгайнъ.

Главное управленіе по дѣламъ печати въ Финляндіи наложило арестъ на всѣ вышедшія въ теченіе войны изданія учебника нѣмецкаго языка, *одобреннаго финляндскимъ училищнымъ вѣдомствомъ* и принятаго почти во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ края, въ которомъ между прочимъ помѣщена нѣмецкая пѣсня „Deutschland über alles“ и разсказъ о Вильгельмѣ II, написанный въ симпатизирующемъ нѣмцамъ тонѣ [1]).

---

[1]) „Веч. Вр.“ 16 іюля с. г.

Г. Мзура сообщаетъ [1]):

Маленькій, но знаменательный и глубоко печальный признакъ.

Лицо, занимающее оффиціальный постъ, прислало мнѣ треугольный конвертикъ для ножницъ, теперь предлагаемыхъ для продажи. На лицевой сторонѣ конверта напечатано: 1) кружокъ съ изображеніемъ серпа и съ надписью вокругъ: „Fabrik-Marke, Die Sichel", а внизу надъ изображеніемъ ножницъ: „Die magnetische Scheere", на поляхъ лицевой стороны конверта виднѣется мелкая надпись на русскомъ языкѣ.

„М. И. Теребина Сыновья". С. Павлово. Рисунокъ заявленъ отдѣлу торговли и промышленности.

Пусть сыновья М. И. Теребина — рабы, жалко идущіе въ хвостѣ любезной ихъ сердцу германской промышленности, но министерство торговли и промышленности, казалось бы, должно было образумить такихъ „Богомъ убитыхъ" отечественныхъ „имитаторовъ". Повторяю — фактъ мелкій, ничтожный. Однако, на немъ основано очень много разсчетовъ германскихъ купцовъ. Еще недавно въ „Börsen-Zeitung" появилась статья С. Герцога. Онъ повторяетъ столь любезные для нѣмцевъ успокоительные доводы, что кончится война и „все образуется". „Неуклюжій юноша"— Россія вернется къ прежнимъ привычкамъ и „смутно постигаемымъ влеченіямъ".

— Мы пріучили, — говоритъ Герцогъ, — русскихъ покупателей къ тому, что германскій товаръ дешевъ, хорошъ и несетъ съ собою кредитъ. До чего они привыкли къ нѣмецкому товару, лучше всего доказывается тѣмъ, что они стараются подражать нашей укупоркѣ, нашимъ образцамъ, нашимъ фабричнымъ клеймамъ и фирмовымъ знакамъ! Однако разница въ томъ, что ихъ товары—дороги, наши— дешевы. Лишь только откроется граница и замолкнетъ грохотъ орудій — русскіе купцы придутъ къ намъ за защитой отъ дороговизны отечественнаго производства. Въ Россіи умѣютъ подражать нѣмецкому виду товаровъ и не умѣютъ лишь удержать нѣмецкую цѣну. При такихъ условіяхъ о конкурренціи не можетъ быть и рѣчи".

Развивая далѣе свою мысль, Герцогъ говоритъ, что германцы не только доставляютъ въ Россію свои товары, но они приспособили рынокъ и домашній обиходъ къ нѣ-

1) „Веч. Вр." 16 іюля 1916 г.

мецкому товару. Вытѣснить послѣдній не такъ-то легко товару англійскому или французскому. Съ нимъ, пожалуй, не сумѣютъ и справиться. Къ нему не привыкли, не приспособились.

И на эту тему очень много разсужденій въ германской экономической печати. Всѣ они сводятся къ тому, что „неуклюжій юноша", не учитывающій своихъ силъ, не страшенъ для германской торговли, мало того—онъ просто „Quantité négligeable".

И вотъ, когда читаешь такія изліянія, на которыя мы дали нѣмцамъ право нашей безпечностью и бездѣятельностью въ вопросахъ міровой промышленности и торговли, всѣ эти русскіе „Die Sichel", теребинскія рабскія привычки и великодушное равнодушіе оффиціальныхъ руководителей русской торговли къ такъ называемымъ „мелочамъ" становятся особенно обидными, мало того—оскорбительными.

Неужели же у насъ все „made in Germany"? Не хочется вѣрить этому, когда докатываются до насъ мощные раскаты русскихъ побѣдъ.

„Кельнская Газета" передаетъ, что кайзеръ прибылъ съ восточнаго фронта, вошелъ въ соборъ въ сапогахъ, покрытыхъ грязью, и въ запыленномъ плащѣ. Ставъ на колѣни, онъ молился 20 минутъ. Совершенно случайно упавшій на него лучъ солнца, проникшій черезъ цвѣтныя стекла окна, залилъ его лицо краснымъ свѣтомъ, будто кровью. Многіе молящіеся, видѣвшіе въ этотъ мигъ кайзера, ужаснулись, и вѣсть эта передается изъ устъ въ уста.

---

17 іюля. Г. Ксюнинъ [1]) въ своей корреспонденціи описываетъ такъ наше наступленіе у Луцка:

Когда на четвертый день нашего наступленія во время допроса плѣнныхъ австрійскимъ офицерамъ сообщили, что русскими взятъ Луцкъ—плѣнные не повѣрили.

— Не закручивайте намъ головы,—съострилъ одинъ по-польски, а остальные съ недовѣріемъ пожимали плечами и дѣлали большіе глаза.

— Положимъ, вы прорвали нашу первую линію,—говорили плѣнные,—но Луцкъ взять не такъ легко. Предъ нимъ сильныя укрѣпленія...

Австрійцы правы. Передъ Луцкомъ были очень серьез-

[1]) „Нов. Вр." 17 іюля 1916 г.

ныя укрѣпленія съ множествомъ опорныхъ пунктовъ по берегу Стыри. Взятіе города пришлось подготовлять штурмомъ, который былъ блестяще завершенъ въ теченіе пяти часовъ.

Тѣ же плѣнные офицеры разсказывали, что зимой въ Луцкъ пріѣзжалъ самъ императоръ Вильгельмъ. Слухи объ этомъ доходили и до мѣстныхъ жителей. Вильгельмъ осматривалъ позиціи на Стыри и призналъ ихъ неприступными.

Въ Луцкѣ стоялъ штабъ эрцгерцога Іосифа-Фердинанда и только послѣ австрійскихъ неудачъ, послѣ того, какъ „неприступное" оказалось приступнымъ, когда русскія войска перешли Икву, Стырь и грозной лавиной стали на Стоходѣ, послѣ того, какъ австрійцы и постепенно влившіеся къ нимъ германцы потеряли около трехсотъ тысячъ плѣнными и до полумилліона убитыми и ранеными, только тогда общее командованіе перешло къ фельдмаршалу Макензену.

Луцкъ мы вернули на четвертый день наступленія. Артиллерія открыла пальбу съ десяти утра, подготовила штурмъ, а къ восьми вечера, послѣ сильнаго боя, наши передовыя части входили въ городъ.

Недавній предѣлъ на узенькой Иквѣ остался далеко позади. Австрійскіе окопы, строившіеся будто на вѣчныя времена, ихъ офицерскіе городки, подземныя сооруженія— все это уже перешло во владѣніе русскаго солдата.

О непріятельскихъ укрѣпленіяхъ волынскаго и галиційскаго районовъ много писалось. Мнѣ самому въ апрѣлѣ, за мѣсяцъ до наступленія, приходилось слышать то же самое отъ многихъ нашихъ офицеровъ. На наблюдательныхъ пунктахъ мнѣ показывали безконечные ряды толстой проволоки, за которой бѣлѣли бетонированныя траншеи. По ту сторону австрійскихъ окоповъ таяли дымки поѣздовъ, а летчики разсказывали, что узкоколейка подходила у непріятеля къ самымъ землянкамъ и подвозила припасы и снаряды. Тѣ, кто сидѣли противъ австрійцевъ и, постепенно сближаясь съ ними, мѣстами подошли на шестьдесятъ или на сто шаговъ, знали, сколько пулеметовъ и минометовъ стоятъ у противника въ первой линіи и сколько за ней притаилось орудій. Сильной и выросшей казалась австрійская техника, но настроеніе нашихъ войскъ еще передъ наступленіемъ обѣщало, что въ случаѣ нужды оно выльется въ большое и грозное.

Австрійскія землянки, ихъ норы и офицерское жилье часто крѣпче и прочнѣе нашихъ деревенскихъ избъ. Онѣ выстроены изъ толстыхъ бревенъ и перекрыты желѣзо-бетонными балками. Если и это казалось не надежнымъ, везли рельсы и укладывали ихъ вмѣсто потолка надъ землянками австрійскихъ офицеровъ. Смотришь на нихъ, ходишь по длиннымъ высокимъ галлереямъ, и кажется, что люди заботились только о собственномъ благополучіи, о своей неприкосновенности и о пріятномъ житьѣ, не взирая ни на какія условія. Въ двухъ-трехъ верстахъ шла жесточайшая борьба, а за второй линіей въ лѣсу офицеры благодушествовали въ своихъ маленькихъ крѣпостяхъ и, чтобы тѣшить свой взоръ, разбивали передъ окнами клумбы, усаживали ихъ цвѣтами и оплетали свои сады и огороды березчатыми заборчиками. Нѣкоторые понастроили даже причудливыя узорчатыя бесѣдки изъ бересты, вколотили подъ каждой вишней по скамейкѣ и проложили къ своимъ домамъ дороги изъ сплошныхъ брусьевъ.

До чего доходили заботы о самосохраненіи. Подъѣхавшіе офицеры осматриваютъ австрійскія укрѣпленія. Подходятъ къ башенкѣ, сложенной изъ кирпичей и декорированной подъ тонъ общей обстановки.

— Замѣчаете вы что-нибудь въ этой башнѣ?

— Ничего... Обычная австрійская землянка, крытая цементированными балками...

Вошли во внутрь. Небольшое убѣжище съ едва замѣтнымъ оконцемъ для наблюденія.

Снова вышли изъ блиндажа и стали разглядывать.

— Видите окно...—спрашиваетъ артиллеристъ.

Опять никто ничего не видитъ. Стали разглядывать вблизи. Совсѣмъ мозаичная работа. Обожженные кирпичи, положенные вдоль и поперекъ и окна не отличить, такъ какъ оно маскировано подъ черный кирпичъ. Художественная работа.

Сидѣвшіе на Иквѣ и Стыри слишкомъ понадѣялись на бездушныя силы войны. Они считали себя неприступными за своими цементированными блиндажами, въ своихъ лисьихъ норахъ, врытыхъ сажени на двѣ въ землю, въ своихъ высокихъ ходахъ сообщеній; а послѣ авторитетнаго свидѣтельства императора Вильгельма, вѣроятно, и вовсе успокоились.

Потому и удивились плѣнные австрійскіе офицеры, когда имъ сказали, что на четвертый день наступленія русскіе

взяли Луцкъ. Захваченные въ первый день, они не знали объ успѣхахъ арміи генерала Каледина.

А успѣхи были.

Въ первый день прорывъ оказался на пятнадцать верстъ, во второй на двадцать пять и въ третій на сорокъ. Артиллерія била по проволокѣ, блиндажамъ, а пѣхота гнала непріятеля.

Все, что сидѣло въ нашемъ окопѣ, встало и пошло. Хлынула волна людей и захлестнула австрійскія траншеи.

Непріятеля какъ смывало. Во многихъ мѣстахъ близость окоповъ позволила настигнуть противника въ одну перебѣжку. На другихъ участкахъ давалось труднѣе, и не прекращавшіеся до Луцка бои вспыхнули подъ этимъ городомъ съ новой силой.

Слышалъ такой разговоръ: идутъ по Гороховой послѣ полудня трое рабочихъ. Двое пожилыхъ и одинъ молодой. Молодой обращается къ своимъ товарищамъ и говоритъ— пойдемъ и закусимъ икоркой.

Пропаганда Финляндскаго сепаратизма удается куда лучше во враждебныхъ Россіи странахъ, чѣмъ у союзниковъ. „Московскія Вѣд." отмѣчаютъ крайнее неудовольствіе финляндской печати помѣщенною въ „Political Quarterly" статьей лектора англійскаго языка въ Гельсингфорсскомъ университетѣ, Артура Рида.

Отдѣленіе отъ Швеціи и благосклонность русскихъ царей и ихъ могучая защита дали странѣ возможность расти и развиваться, какъ никогда ранѣе. Населеніе быстро шло впередъ, богатства страны постоянно возростали. Финляндія получила самоуправленіе и являлась почти самостоятельной. Но Финляндія не созрѣла для этой самостоятельной задачи, и, когда Россія увидѣла, что центробѣжныя тенденціи Финляндіи заходятъ слишкомъ далеко, она должна была поставить преграду этимъ силамъ. Нельзя также признать, что финляндцы не виноваты въ настоящемъ положеніи своей страны. *Финляндцы только пользовались незаслуженными привилегіями, данными имъ Россіей, не стараясь взамѣнъ понять и оцѣнить русскія точки зрѣнія* и русскія проблемы, гораздо болѣе значительныя, чѣмъ мѣстныя финляндскія. Тамъ, въ Финляндіи, никогда не дѣ-

лали серьезныхъ попытокъ понять значеніе и различіе между подданствомъ Имперіи и національнымъ, провинціальнымъ гражданствомъ. Никогда финляндскіе политики не проявляли серьезнаго намѣренія изучить русскій языкъ и основу русскаго законодательства. Скорѣе можно было констатировать пагубную склонность увеличивать пропасть между Финляндіею и Россіей. Политическое сопротивленіе, процвѣтавшее 16 лѣтъ, представляетъ опасность для существованія страны, *ибо терпѣніе Россіи въ одинъ прекрасный день можетъ лопнуть, хотя* Россія, въ противоположность Германіи, никогда не угнетала малыя націи и не проводила той послѣдовательной политики противъ нихъ, какъ, напримѣръ, Пруссія, Австро-Венгрія и Турція.

Питье денатурата рабочими въ Петроградѣ достигаетъ значительныхъ размѣровъ. Бутылочка денатурата стоитъ 20 копѣекъ, а шинкари продаютъ за 3 р. Политура стала слишкомъ дорога, и теперь денатуратъ измѣнился по вкусу.

Уже теперь казенки не будемъ пить, говорятъ рабочіе, денатуратъ гораздо лучше.

Одинъ рабочій, пропустивъ стаканчикъ денатурату, побѣжалъ къ водопроводному крану и, спустивъ струю воды, жадно наглотался холодной воды.

Вотъ какія картинки рисуютъ корреспонденты при недавнемъ занятіи нами городовъ на Волыни:

Австрійцы забыли, между прочимъ, уничтожить новаго свидѣтеля ихъ безцеремоннаго отношенія къ нашимъ святынямъ. Они оставили несожженной нашу деревянную церковь, оборудованную подъ пивную.

Очищая Броды, австрійскія войска бросились разбивать винные погреба и склады. Напивались до безчувствія и тутъ же сваливались. Въ канавахъ у большого склада на Рынецкой улицѣ нами была захвачена цѣлая кутящая компанія австрійскихъ унтеръ-офицеровъ. Они были такъ пьяны и такъ весело настроены, что при появленіи нашего

разъѣзда встрѣтили его привѣтственными возгласами и предложеніемъ принять участіе въ попойкѣ.

Въ одномъ веселомъ заведеніи захватили шестерыхъ австрійскихъ офицеровъ. Когда вошли наши развѣдчики, австрійцы были страшно сконфужены и очень просили не выводить ихъ раздѣтыми на улицу. Солдаты, шутки ради, разрѣшили имъ надѣть только мундиры и кепи, а брюки заставили нести въ рукахъ.

---

18 іюля. Во время послѣдней сессіи Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, на современный обывательскій взглядъ, обнаружилось замѣчательное явленіе. Въ нашихъ законодательныхъ учрежденіяхъ не нашлось ни одного государственнаго человѣка, который бы забилъ набатъ объ организаціи продовольственнаго дѣла въ странѣ. Кажется, видно ясно, что въ этомъ дѣлѣ мы катимся по наклонной плоскости. Скоро уже будетъ два года съ начала войны. Цѣны на продукты и товары растутъ неимовѣрно, и въ государственныхъ учрежденіяхъ молчатъ, что надо по этому вопросу работать и работать. Пока предержащіе додумались только до того, что запретили вывозъ продуктовъ изъ раіоновъ. Конечно, мѣра эта кромѣ зла ничего не принесетъ. Всѣ г.г. депутаты большую часть своего времени посвящали политикѣ, а не мѣшало бы имъ подумать и о хлѣбѣ насущномъ.

Дѣло, кажется, слагается просто. Единая твердая властная рука съ объединеніемъ всѣхъ общественныхъ и государственныхъ силъ и съ привлеченіемъ сюда же силъ торговаго люда, люда наиболѣе практичнаго въ этомъ дѣлѣ.

Общественныя силы уже ясно показали свою исключительную жизнеспособность въ дѣлѣ организаціи снабженія арміи. Земскіе союзы и союзы городовъ на пути этомъ творили чудеса. Почему же ими не воспользовались властныя руки, по набатному голосу, раздавшемуся съ думскихъ скамей.

Оттуда предпочитали слать моленія о казенномъ пайкѣ для бѣдныхъ колонистовъ и дѣлать изліянія о несправедливомъ привлеченіи ихъ къ военной службѣ, совмѣстно съ ликвидаціей ихъ земель.

Вотъ какъ работаютъ наши сестры милосердія на питательныхъ пунктахъ [1]), по словамъ г. Ксюнина:

Проѣзжаю мимо развалинъ церкви. Уцѣлѣла только часть ограды и, чтобы сохранить мѣсто, гдѣ стоялъ храмъ, его обнесли березовымъ заборомъ.

Въ сторонѣ питательный пунктъ. Толпа солдатъ. Подъ навѣсомъ поятъ и кормятъ.

Меня тоже предупредили, чтобы непремѣнно зашелъ къ сестрѣ Смирновой. Молодая, а по энергіи совсѣмъ Пуришкевичъ въ юбкѣ. Одно время гдѣ-то въ захолустьѣ она ухитрялась доставать провизію на двѣ тысячи человѣкъ въ день. А когда интендантство ей плохо помогало, пріѣхала въ штабъ корпуса и распекла генерала. Тотъ потомъ всѣмъ разсказывалъ:

Ни отъ кого выговоровъ не выслушивалъ, а отъ сестры Смирновой пришлось выслушать...

Въ просторной палаткѣ за стаканами чаю сидятъ офицеры. Кто-то сообщилъ, что на дняхъ неподалеку бомбами съ аэроплана убило и ранило нѣсколько санитаровъ и уполномоченнаго.

— Мало я вѣрю въ аэропланы,—усмѣхается поручикъ,—а все-таки съ удовольствіемъ бы нанялъ парочку, чтобы они сбросили пятокъ бомбъ надъ Петроградомъ,—хотя бы при разъѣздѣ съ острововъ или гдѣ-нибудь на Невскомъ.. Противнѣе города трудно придумать...

— Всякому вздору вѣрятъ, — соглашается другой, недавно побывавшій въ нашей милой столицѣ.

Такъ говорили о Петроградѣ тѣ, которые сейчасъ въ наступленіи. Они далеко отъ васъ. Они у крайней черты, на берегахъ Стохода. Я не могу не передать ихъ словъ.

Сидѣвшая противъ меня сестра Смирнова вспомнила излюбленныя австрійцами березки и разсудила по-своему:

— Говорятъ, культуру наводили, а какая культура, если уничтожались деревья. Не вѣрю я вообще въ ихъ культуру... Допустимъ, что пристрастна къ нимъ, но я этого не скрываю. Они перевернули весь мой міръ... Не понимаю, зачѣмъ мы учились, ходили въ школы, читали хорошія книги, если приходится жить въ вѣкъ Вильгельма-варвара... Я теперь и книгъ въ руки не беру, да и некогда,—кормлю. Корову зарѣзать—дѣло, достать хлѣба или сахару—дѣло. Солдатъ накормить — тоже дѣло, а зачѣмъ книга...

---

1) „Нов. Вр.“ 18 іюля 1916 г.

— Развѣ не устаете?—спрашиваетъ кто-то изъ офицеровъ.

— Не чувствуешь. Можетъ быть, потомъ и наступитъ реакція и захочется запереться ото всѣхъ и, взявъ ненавистную сейчасъ книгу, забраться поглубже на диванъ, чтобы никого не видѣть и не слышать, а пока подбодряетъ хорошее отношеніе... Уходятъ изъ палатки сытыми—вотъ и пріятно...

Капитанъ англійскаго коммерческаго парохода Фраэтъ защищалъ свой пароходъ отъ потопленія германской подводной лодкой, и былъ за это разстрѣлянъ дикими тевтонами. Казнь эта возбудила негодованіе во всей Британской имперіи. Въ Лондонѣ учреждена лига британскихъ подданныхъ, которая требуетъ суда надъ императоромъ Вильгельмомъ за умерщвленіе Фраэта и другихъ жертвъ.

Корреспондентъ „Новаго Времени" сообщаетъ такія свѣдѣнія о Кіевскихъ чудесахъ [1]).

Городской продовольственный отдѣлъ, несмотря на полугодовое его существованіе и на милліонъ рублей, уже истраченный имъ, не оказалъ рѣшительно никакого вліянія на торговцевъ, рѣшительно ничего не измѣнилось къ лучшему въ смыслѣ обезпеченія населенія жизненными продуктами.

Вы подумаете, быть можетъ, что въ дѣйствительности и нѣтъ никакихъ городскихъ продуктовъ, что милліонъ, отщенный на ихъ закупку, истраченъ на другую какую-нибудь надобность, что обычно водится въ кіевскомъ городскомъ управленіи? Жестоко ошибаетесь: городскіе продукты есть въ дѣйствительности. Сколько ихъ и на какую сумму, никто, конечно, не знаетъ, но что они закуплены и существуютъ—это всѣ узнали на дняхъ изъ доклада завѣдующаго городскимъ продовольственнымъ отдѣломъ А. Н. Шефтеля объ... уничтоженіи большого количества хранившейся на городскихъ складахъ рыбы, которую продовольственному отдѣлу, закупившему ее еще зимой, „не удалось" (sic!) до сего времени сбыть и которая оказалась „совершенно испорченной". Вы думаете, что это и все, что, кромѣ рыбы, го-

[1]) „Новое Время", 18 іюля 1916 г.

родскимъ продовольственнымъ отдѣломъ ничего больше не закуплено? О нѣтъ! Кромѣ рыбы имъ закуплено большое количество и муки, но... Но съ ней ему, какъ видно изъ того же доклада г. Шефтеля, тоже „не удалось“: одна часть закупленной муки стала „горѣть“ на складахъ отъ солнца, а другая часть оказалась подмоченной дождемъ. Въ результатѣ—70 тысячъ пудовъ муки, стоимостью до 200 тысячъ рублей, оказались испорченными.

Итакъ, въ то самое время, когда кіевляне платили 70 и 80 к. за фунтъ рыбы,—городскому продовольственному отдѣлу, закупившему по сравнительно дешевой цѣнѣ еще зимой большое количество рыбы, „не удалось“ сбыть ее, и она сгнила на городскихъ складахъ. Муку, закупленную для снабженія населенія, тоже „не удалось“ сбыть, и она тоже частью сгорѣла, частью сгнила.

Передавали, что одинъ изъ торговцевъ говорилъ: „Спасибо нѣмцамъ, благодаря имъ мы теперь поназкивемся“.

Въ „Вечернемъ Времени“ сообщаютъ [1]), какъ зимовали въ Луцкѣ.

Каждый зимовалъ по-своему.

Завоеванные жили впроголодь, гордые завоеватели веселились. Развлекались не попросту, а съ толкомъ и въ зависимости отъ чина и ранга.

Въ Луцкѣ было устроено четыре увеселительныхъ учрежденія: для генераловъ, для офицеровъ, для унтеръ-офицеровъ и для солдатъ. Каждый шелъ, куда ему надлежало и веселился, какъ умѣлъ. Въ генеральское учрежденіе, гдѣ устраивались танцовальные вечера и попойки, съ дамами, вывезенными изъ Вѣны и изъ Польши, впускали чиномъ не ниже полковника.

„Для объединенія“ предполагали построить общій кафешантанъ, заложили основаніе, но стѣнъ вывести не успѣли. Этому „полезному“ начинанію помѣшало русское наступленіе.

Изъ Москвы передаютъ въ „Вечернее Время“ [2]):

Сегодня городской голова выѣзжаетъ въ Петроградъ, чтобы представить предсѣдателю Совѣта Министровъ, ми-

---

[1]) „Веч. Вр.“ 18 іюля с. г.
[2]) „Веч. Вр.“ 18 іюля 1916 г.

нистру внутреннихъ дѣлъ и министру торговли и промышленности новыя докладныя записки по дѣлу общества 1886 года. Въ этихъ запискахъ возбуждается вопросъ о скорѣйшей ликвидаціи предпріятія, вмѣстѣ съ тѣмъ выражается протестъ противъ повышенія тарифа на электрическую энергію. Въ связи съ представленіемъ этихъ записокъ въ городскомъ управленіи складывается убѣжденіе въ необходимости освѣтить дѣятельность предсѣдателя правленія общества ген. Свенторжецкаго по отношенію къ общественнымъ организаціямъ. Генералъ былъ назначенъ предсѣдателемъ послѣ Тимирязева, до этого онъ состоялъ въ фирмѣ Сименсъ и Гальске, одного изъ крупныхъ акціонеровъ общества 1886 г. Въ обществѣ 1886 года генералъ явно занялъ враждебную позицію по отношенію къ общественнымъ организаціямъ и покровительственную по отношенію къ акціонерамъ.

Корреспонденты съ фронта подмѣтили [1]) новое отрадное явленіе, которое сопровождаетъ теперь наши военныя дѣйствія:

„Помимо личной лихости и самоотверженности русскихъ войскъ, не знающихъ непреодолимыхъ преградъ, успѣху содѣйствовало, главнымъ образомъ, искусство нашихъ генераловъ и офицеровъ, сумѣвшихъ сохранить свои приготовленія къ новому натиску въ строгой тайнѣ. Австрійцы были захвачены врасплохъ.

Вообще, теперь замѣчено отрадное явленіе: противники какъ-то меньше стали освѣдомлены о нашихъ планахъ и намѣреніяхъ. Былину о томъ, какъ перевелись предатели на святой Руси, еще не скоро повѣдаютъ намъ баяны, но, во всякомъ случаѣ, темные слуги кроваваго кайзера сильно присмирѣли. А, вѣдь, совсѣмъ недавно едва лишь какой-либо полкъ появлялся на позиціяхъ, какъ австро-германцы уже посылали ему привѣтъ: „Здоровы, братцы такого-то полка. Мы васъ ждали еще вчера. Что же вы опаздываете?".

Теперь наоборотъ. На-дняхъ былъ найденъ при одномъ изъ плѣнныхъ приказъ генерала Пухалло, въ которомъ говорится, что русскіе, благодаря прекрасно поставленной развѣдкѣ, узнали о готовящемся 4—5 іюля наступленіи австро-германской группы войскъ на Липѣ и неожиданнымъ переходомъ въ наступленіе предупредили ихъ замыслы.

---

[1]) „Русск. Сл." 18 іюля 1916 г.

„Биржевыя Вѣдомости“ [1]) сообщаютъ со словъ изобрѣтателя Н. П. Пузыревскаго о его изобрѣтеніи.

„Сущность моего изобрѣтенія состоитъ въ слѣдующемъ. Представьте себѣ 2 большихъ поплавка, которые находятся на различныхъ горизонтальныхъ уровняхъ воды. Каждый поплавокъ представляетъ собою довольно большой величины ящикъ изъ желѣзо-бетона, имѣющій форму усѣченной пирамиды, безъ дна. Въ верхней части каждаго поплавка имѣется углубленіе, въ которое помѣщается судно. Оба поплавка соединены между собою трубой. Какъ я уже упомянулъ, поплавки безъ дна, и въ нижней части ихъ, подъ небольшимъ давленіемъ, находится извѣстное количество воды. Вся система поплавковъ уравновѣшена такъ, что она находится въ состояніи безразличнаго равновѣсія, и стоитъ только добавить небольшой грузъ, чтобы верхній поплавокъ началъ опускаться, а нижній началъ подыматься, до тѣхъ поръ, пока оба они не очутятся на одномъ уровнѣ. Тогда судно, находящееся на верхнемъ поплавкѣ, по горизонтальной плоскости легко можетъ быть передвинуто на нижній поплавокъ, который затѣмъ снова опустится до самаго нижняго положенія, т. е. будетъ достигнуто то, что теперь достигается шлюзами“.

---

19 іюля. Въ Кіевѣ образовалась негласная компанія дѣльцовъ капиталистовъ, начавшихъ усиленно скупать сахарные заводы, платя очень крупныя суммы.

Для назиданія заячьихъ душъ тыла приводимъ письмо прапорщика Осипова къ матери [2]). Это письмо было написано еще при жизни для отправленія въ случаѣ его смерти:

Прапорщикъ Осиповъ 6 января 1916 года былъ смертельно раненъ и умеръ на перевязочномъ пунктѣ, а письмо это отправлено его матери. Копія съ него была прислана теткой Осипова къ свѣдѣнію г.г. офицеровъ 19-й артиллерійской бригады, гдѣ онъ доблестно служилъ:

„Милая мамочка, мнѣ невыразимо больно, что я долженъ тебѣ писать все то, что ты найдешь ниже. Я думаю, что все же лучше написать „на всякій случай“. Ты, конечно,

---

[1]) „Бирж. Вѣд.“ 18 іюля 1916 г.
[2]) „Нов. Вр.“ 19 іюля 1916 г.

поймешь, что, идя на войну охотникомъ, я само собою разумѣется, шелъ въ дѣло при первой возможности. Многое я уже видѣлъ, многое увижу впереди и, можетъ быть, заплачу за это даже жизнью. Это недорогая цѣна за все пережитое, вѣдь, только рискуя головой ежесекундно, начинаешь испытывать чувство жизни во всей ея остротѣ. Безъ этого жизнь—пустое прозябаніе, я не хотѣлъ прозябать и можетъ быть погибну. Но найди утѣшеніе въ томъ, что сынъ твой хотѣлъ быть гражданиномъ своей родины на дѣлѣ и погибъ, не прячась за другія спины, а прикрывая собою другихъ. Мама, вспомни маленькую беззащитную Бельгію, вспомни стоны польскаго пограничнаго населенія, вспомни несчастную страну героевъ, Сербію и Черногорію, и ты, я думаю, согласишься, что даже самое глубокое горе отдѣльнаго человѣка окажется лишь малой каплей въ морѣ слезъ, проливаемыхъ сейчасъ въ Европѣ. Со мною встрѣчался одинъ сербъ (бывшій русскій офицеръ), недавно пріѣхавшій сюда по дѣламъ своего правительства. Онъ говорилъ, что въ Сербіи не осталось мужчинъ—мирныхъ обывателей, всѣ, какъ одинъ, встали на защиту своего отечества. Въ Парижѣ молодому человѣку моихъ лѣтъ стыдно показаться на улицѣ, въ Англіи то же самое. Наша родина выдержала страшный натискъ тевтоновъ. Не долгъ ли каждаго гражданина защищать свою землю и всѣхъ на ней находящихся? Вѣдь, зная свои гражданскія права, надо не забывать и гражданскія обязанности, чтобы послѣ можно было прямо держать свою голову, заявляя о своихъ правахъ. Да ко всему этому, какъ ни мало я жилъ, я уже успѣлъ убѣдиться въ томъ, что жизнь далеко не такъ хороша, чтобы за нее стоило цѣпляться. Я думаю, что ты, которая пожила больше меня, не станешь оспаривать этого. Ты, я полагаю, поймешь, къ чему я пишу все это. Я хочу разъяснить свой взглядъ на вещи, чтобы по возможности ты меньше сокрушалась, если со мной что-либо случится, а постаралась бы всю свою любовь и заботу обо мнѣ перенести на другихъ дѣтей, и дѣлать изъ нихъ честныхъ гражданъ, способныхъ къ мирной созидательной работѣ на благо русскому народу. На землѣ я сдѣлалъ свое дѣло, дѣло маленькое, незамѣтное, но оно оставитъ свой слѣдъ, слѣдовательно, я не даромъ жилъ. Я отлично понимаю, что причиняю (хотя и невольно) тебѣ страшное горе, но взгляни трезво на вещи, подумай и скажи, стоитъ ли мучиться зря. Я видѣлъ здѣсь кучи солдатскихъ труповъ. По каждомъ

изъ нихъ будутъ убиваться матери, жены. Но, мама, такое горе—животное горе: простымъ людямъ трудно возвыситься до сознанія того долга, о которомъ я говорю, и преклониться передъ нимъ. Тебѣ, какъ матери, конечно, будетъ очень тяжело, но, мама, вспомни, насколько выше ихъ стоишь ты, вѣдь ты училась, жила сознательной жизнью интеллигентнаго человѣка, и это даетъ мнѣ увѣренность, что ты исполнишь мою послѣднюю просьбу, возьмешь себя въ руки и разумомъ поймешь, что то, что случилось, не таитъ въ себѣ ничего ужаснаго. Дѣйствительно, не все ли равно, дожить до 50—60 лѣтъ, болѣть послѣднія десять лѣтъ и умереть на кровати, промучившись исправно.. или погибнуть въ 21 годъ съ сознаніемъ исполненнаго долга.. Я думаю, что послѣднее лучше во всѣхъ смыслахъ. Прощай, мама. Утѣшься, помни, что если сынъ твой и погибъ, то гибель его недешево стоила врагамъ нашей родины. Твой и въ этой и въ той жизни Володя".

Изъ полученныхъ въ бригадѣ писемъ матери и тетки видно, что и младшій братъ его, увлеченный доблестнымъ примѣромъ старшаго брата, не задумываясь, идетъ по его стопамъ, поступивъ въ военное училище.

Мать прапорщика Осипова, имѣя еще трехъ дѣтей, служитъ санитарнымъ врачемъ въ гор. Тифлисѣ (предмѣстье Ваке) и помимо получаемаго незначительнаго содержанія другихъ средствъ не имѣетъ. Потерявъ въ лицѣ прапорщика Осипова своего старшаго сына, опору семьи, она посылаетъ другого ему на смѣну!

Общая площадь намѣченныхъ къ ликвидаціи нѣмецкихъ земель составляетъ 3.256.033 десятинъ. Позапаслись таки г.г. нѣмцы русской землицей.

А сколько ея не вошло въ эту цифру?

Съ введеніемъ таксы на обувь, въ Твери, какъ и въ другихъ городахъ, сапожные магазины, будто по щучьему велѣнію, оказались безъ обуви. Однако, тверичи, до нѣкоторой степени, нашли выходъ изъ создавшагося положенія, широко пользуясь обувью на деревянныхъ подошвахъ, получаемой изъ Корчевы. По словамъ „В.“ такая обувь изготовляется арестантами корчевской тюрьмы.

Мужскіе желтые ботинки съ ремнями изъ простой кожи стоятъ 1 р. 85 к., дамскіе изъ черной кожи—2 р. 90 к. Подошвы у такихъ дешевыхъ ботинокъ сдѣланы изъ осиновыхъ дощечекъ.

Спросъ на обувь огромный. Корчевская тюрьма не успѣваетъ выполнять заказы.

19—20 іюля. Его королевское высочество королевичъ греческій Николай 19 сего іюля возвратился изъ поѣздки и прослѣдовалъ въ Павловскъ [1]).

Г. Паозерскій въ „Вечернемъ Времени" сообщаетъ о такихъ продѣлкахъ россійскихъ духовныхъ нѣмцелюбовъ по торговлѣ воскомъ, что жутко ихъ приводить въ нашихъ замѣткахъ.

Корреспондентъ „Русскаго Слова" [2]) передаетъ свое впечатлѣніе о мѣстахъ недавнихъ боевъ, которыя онъ посѣтилъ:

„Мнѣ разсказывали, что переправа эта была трудна, но я убѣдился, что она была ужасна. За рѣкой простиралось двухверстное болото съ переброшенной черезъ него узкой деревянной настилкой, которое наши войска взяли подъ ураганнымъ огнемъ батарей противника. Австрійцы не жалѣли снарядовъ, чтобы помѣшать нашей переправѣ. Въ этомъ они расписались огромными черными воронками, усѣявшими все болото, задернутое теперь легкими клубами вечернихъ испареній. Насъ непріятно поразилъ, между прочимъ, воздухъ этого израненнаго болота. Это не было трупное зловоніе, а нѣчто еще болѣе кошмарное, — это былъ запахъ мясной лавки въ жаркій лѣтній день, гдѣ залежался товаръ, и неопрятно смываются стойки. Глаза невольно всматривались въ каждую кочку, въ каждую тряпку на болотѣ. Но бездонная трясина заботливо схоронила слѣды недавней трагедіи: ни раненыхъ, ни мертвыхъ— все впитала въ себя холодная тина. Но вотъ, наконецъ, кончилось это братское кладбище для живыхъ и убитыхъ,

---

[1]) „Нов. Вр." 20 іюля 1916 г.

[2]) „Русск. Сл." 19 іюля 1916 г.

а тутъ новое царство ужаса — маленькій лѣсъ передъ деревней Клекотовомъ.

Я много разъ видѣлъ лѣса, изломанные сильнѣйшими ураганами, но это было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что произвела въ лѣсу наша артиллерія.

Вѣковыя разбитыя въ щепы сосны, бревна окоповъ и блиндажей, остатки какихъ-то строеній,—все смѣшалось, какъ въ мусорномъ ящикѣ. Неудивительно, что австрійцы не усидѣли здѣсь и двухъ часовъ. Утромъ въ этомъ лѣсу они чувствовали себя въ своихъ окопахъ прекрасно, а въ полдень ихъ убѣжища стали могилами. Что ни окопъ, то гекатомба труповъ, обезображенныхъ адскими взрывами снарядовъ. Только теперь мнѣ стало понятно, почему австрійскіе солдаты такъ боятся нашего артиллерійскаго огня.

Мы съѣздили въ Клокотовъ, переходившій изъ рукъ въ руки. Какимъ-то чудомъ эта деревня уцѣлѣла. Только на мѣстѣ господскаго двора дымилась груда черныхъ балокъ.

1, 7, 18 и 19 городскія попечительства возбудили ходатайство объ отпускѣ имъ средствъ на 3 года на организацію общественныхъ столовыхъ для борьбы съ современной дороговизной. Въ добрый часъ. Отчего этому благому примѣру не послѣдуютъ другія попечительства?

Въ Россію является значительный наплывъ тѣхъ лицъ, которыя вышли изъ россійскаго подданства и приняли подданство С.-А. Штатовъ, Аргентины и Голландіи. Эти бывшіе русскіе безпрестанно выѣзжаютъ и возвращаются въ Россію. Какими темными дѣлами они занимаются? Необходимо ограничить ихъ права.

Передаютъ, что въ послѣднее время петроградскіе булочники стали спекулировать съ мукой.

Вотъ одна изъ картинокъ недавнихъ боевъ [1]):

Сдѣлали версты четыре. Дальше ѣхать нельзя. Непро-

[1]) „Нов. Вр." 20 іюля 1916 г.

лазное болото. По кочкамъ набросаны сучья, по нимъ везли орудія, и изъ подъ нихъ просачивается вода.

Вчера тутъ шелъ бой, который мы видѣли издали, съ наблюдательнаго пункта.

Совсѣмъ, какъ послѣ урагана. Я помню въ журналахъ французскіе снимки тѣхъ мѣстностей, черезъ которыя прошла война. Но лѣсъ за Слоневкой страшнѣе всѣхъ картинъ.

Старыя громадныя деревья какъ бы спилены. Другія глядятъ причудливыми расщеплинами. Одно раскололо звѣздой, и оно бѣлѣетъ надъ грудой наваленныхъ сосенъ.

Между деревьями воронки отъ тяжелыхъ снарядовъ. Пруды, а не воронки.

Лѣсъ валило, ломало и счищало старые дубы и высоченныя сосны. Кололо, какъ щепу. Трупный запахъ, удушливый, разлагающій.

Вчерашніе окопы и землянки австрійцевъ. Они брошены поневолѣ. И около нихъ лежатъ распластанные трупы австрійцевъ. Кто ничкомъ застигнутый пулями вдогонку, кто на спинѣ, пораженный шрапнелью.

Изъ землянокъ выброшенъ всякій хламъ. Торчатъ зеленыя жестяныя кровати съ мѣдными украшеніями, валяются умывальники и зеркала, катки для бѣлья, пустые боченки, множество гранатъ, ранцевъ и патроновъ.

По лѣсу и дальше по болоту синѣютъ брошенныя шинели австрійцевъ. Раскиданы ружья, лопаты, кирки, груды патроновъ.

Въ „Русскомъ Словѣ“ напечатано:

„Завѣдывающій дѣлами общества тарифныхъ съѣздовъ циркулярно предложилъ всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ и заинтересованнымъ организаціямъ считать отмѣненнымъ его циркуляръ отъ 21 мая о запрещеніи платежей фирмѣ Гергардъ и Гей. Циркуляръ отмѣненъ на основаніи полученнаго управляющимъ отдѣломъ общества тарифныхъ съѣздовъ отношенія правленія общества Московско-Казанской жел. дороги, въ которомъ онъ сообщаетъ, что какъ разъясненіе правленія акціонернаго общества Гергардъ и Гей, скрѣпленное подписью правительственнаго инспектора, такъ и разъясненіе особой канцеляріи по кредитной части установили, что названная фирма является русской.

Небезынтересно напомнить, что въ послѣднемъ совѣщаніи засѣданія по борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ подъ

предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта А. С. Стишинскаго постановлено секвестровать предпріятія общества Гергардъ и Гей, какъ явно германскаго.

Ну, а какъ считать „Гергарда и Гей“ въ Лейпцигѣ, русской фирмой или нѣмецкой?

Строитель Нижегородской тюрьмы инженеръ Коль посаженъ въ эту же тюрьму губернаторомъ на 3 мѣсяца за двукратное произнесеніе крайне дерзкихъ выраженій. оскорбляющихъ русское національное чувство.

---

21 іюля. Медицинская академія въ Парижѣ заслушала доклады докторовъ Николлъ и Блэзо о достигнутыхъ ими результатахъ успѣшнаго леченія сыпного тифа посредствомъ впрыскиванія особой сыворотки. Опытъ сдѣланъ на 38 тяжелыхъ больныхъ, недавно прошедшихъ курсъ леченія впрыскиваніемъ, которое привело къ быстрому выздоровленію. Пятая часть больныхъ выздоровѣла безъ всякихъ осложненій, весьма частыхъ при этой болѣзни. Смертность въ тяжелыхъ случаяхъ, при указанномъ способѣ леченія, понизится съ 25 проц. до 3 проц. [1]).

Г. Ксюнинъ [2]) передаетъ, какъ во время нашего послѣдняго наступленія наши войска берегли посѣвы:

— И вы посмотрите, какъ они удивительно прошли!— замѣчаетъ мой спутникъ, полковникъ Б—въ.—Взгляните на посѣвы!

Дѣйствительно, есть чему удивиться, и чѣмъ полюбоваться.

Всюду, куда ни глянь—безбрежныя, благодатныя нивы, поля ржи, ячменя, высокой конопли и кукурузы, веселые квадраты желтыхъ подсолнуховъ, въ стройномъ и дисциплинированномъ равненіи повернувшихъ свои головы къ ослѣпительному богу жизни и лѣта...

И ни одной потравы, ни одного вытоптаннаго мѣста.

Все цвѣтетъ, растетъ и зрѣетъ, и на поляхъ спокойно работаютъ одѣтые въ свой бѣлый нарядъ буковинцы, убирающіе спѣлое и высокое „жито“.

---

1) „Нов. Вр“ 21 іюля 1916 г.

2) Тамъ же,

Все это даетъ возможность сдѣлать два вѣскихъ и неоспоримыхъ заключенія, весьма пріятныхъ для русскаго сердца.

Первое,—это то, что ни австрійцы, ни нѣмцы не вѣрили въ возможность нашего наступленія и во всякомъ случаѣ въ такую его быстроту и силу.

Въ противномъ случаѣ они никогда бы не оставили намъ несжатыми своихъ полей и успѣли бы скосить и увезти съ собою уже въ то время почти совсѣмъ зрѣлые хлѣбные злаки.

Во-вторыхъ—не учли нашихъ силъ и знаменитые учителя австрійцевъ, господа нѣмцы. Если бы они знали, что мы не только умѣемъ отступать передъ ними, но и сами въ свое время сумѣемъ раздавить врага и заставить его бѣжать въ глубь страны—они научили бы своихъ голодныхъ союзниковъ использовать каждый колосъ и не отдавать его въ наши руки.

Въ-третьихъ—нетронутыя и зрѣющія нивы указываютъ на то, какъ хорошо велось наше наступленіе и какъ увѣренно и въ какомъ порядкѣ двигались за врагомъ наши войска.

Доказываетъ и то, что сбереженныя поля дадутъ покой и сытые дни деревнямъ Буковины и не превратятъ ихъ въ голодныхъ бѣженцевъ и бездомныхъ бродягъ, причиняющихъ намъ новыя заботы.

И вотъ идетъ среди этихъ благодатныхъ и освященныхъ русскою побѣдой полей нашъ поѣздъ.

Передаютъ, что мукомолы въ Саратовѣ Шмидтъ, Борель и Рейнеке держатъ въ плѣну весь Саратовъ. Они сплавляютъ муку въ своихъ баржахъ по Волгѣ милліонами пудовъ по 18 руб. за пятипудовый мѣшокъ и отказываютъ въ продажѣ муки горожанамъ.

Вотъ какіе разговоры раненыхъ приходится выслушивать сестрѣ милосердія [1]):

— Сестра,—шепчетъ раненый, стараясь не нарушить покоя спящихъ,—напиши моей женкѣ, что я живъ, что мы нѣмца прогнали съ нашей деревни; наша изба цѣла, только дверь сняли... Зарытыя вещи германъ не трогалъ, трава

[1]) „Бирж. Вѣд.“ 21 іюля 1916 г.

на томъ мѣстѣ высокая растетъ, видно, что никто туда не ходилъ. Я хотѣлъ разрыть и поглядѣть, да боялся землю ворошить, еще злодѣю дорогу покажешь къ своему же добру... Сестричка, скажи только правду—я не помру?—неожиданно прерывая свою мысль, говоритъ больной, съ тревогой глядя на меня.

Я его успокаиваю, но онъ не слушаетъ моихъ словъ, а пристально и мучительно долго смотритъ мнѣ въ глаза, желая только въ нихъ найти правдивый отвѣтъ; затѣмъ медленно переводитъ свой взоръ на икону св. Николая Чудотворца, и, забывая о письмѣ и обо мнѣ, начинаетъ горячо молиться Угоднику.

---

22 іюля. Въ Гельсингфорсѣ исчезаетъ мелкая размѣнная монета. Куда она дѣвается, не извѣстно. Между тѣмъ за время войны монеты отчеканено столько, сколько ея выпущено за послѣднія 30 лѣтъ до начала войны. Кому г.г. финляндцы препровождаютъ монету сію?

Корреспондентъ „Новаго Времени“ [1]) такъ описываетъ боевую дѣятельность нашей батареи:

Бой въ разгарѣ, батарея работаетъ во всю. Наводчики то и дѣло протираютъ наболѣвшіе глаза, правильные падаютъ отъ усталости, подносчики патроновъ, хотя въ помощь имъ приданы нѣкоторые изъ денщиковъ и уборщиковъ офицерскихъ лошадей, обливаются потомъ и насилу успѣваютъ подносить по ходамъ сообщеній патроны изъ глубокихъ и солидныхъ блиндажей-хранилищъ. Установщики трубокъ тоже переутомились работой и хотя, когда стрѣляли гранатой, прямого дѣла у нихъ не было, но небывалое прежде количество патроновъ, выпускаемыхъ батареей, принудило и ихъ принять участіе въ переноскѣ „гостинцевъ“.

Командующій на батареѣ штабсъ-капитанъ Л—ловъ тоже еле держится на ногахъ. Еще бы, теперь офицеры артиллеристы на расхватъ; командиръ на своемъ пунктѣ, одинъ изъ офицеровъ на боковомъ наблюдательномъ пунктѣ, другой на передовомъ—съ пѣхотой. Одному неустанному шт.-капитану Л—лову приходится держать въ своихъ рукахъ батарею. Одна только подача команды при несмолкаемомъ грохотѣ орудій требуетъ такого напряженія голосовыхъ связокъ, которое не каждому прославленному тенору

---

[1]) „Нов. Вр.“ 22 іюля 1916 г.

въ моготу, а вѣдь это только одна изъ многихъ и сложныхъ обязанностей старшаго офицера. Хорошо, что въ батареѣ есть такіе лихіе помощники, какъ взводные фейерверкеры Шкира, Медикъ и Шинкаренко, хорошо, что батарея слажена и сбита прежними боями, прогремѣвшими и прославившимися своей напряженностью на весь міръ.

Четверка храбро наступала,
Но врагъ сильнѣе былъ разъ въ пять
И подъ Бреслау показала,
Какъ нужно съ пользой помирать...

Такъ поется въ бригадной пѣснѣ и со временъ перваго нашествія русскихъ полковъ въ Восточную Пруссію, со временъ августовскихъ боевъ 1914 г. создала себѣ славу выходившая съ честью изъ самыхъ тяжелыхъ положеній героическая бригада сначала подъ командой ген. Ч—а, а потомъ руководимая доблестнымъ ген. Сед—вымъ.

Такого запаса снарядовъ не было еще никогда. По вырытымъ ходамъ сообщенія ихъ приходилось таскать изъ спеціально построенныхъ подземныхъ хранилищъ. Хранилища эти были положительно переполнены шрапнелями и главнымъ образомъ „тротилками"; сдѣланы они были насколько возможно основательнѣе, но, конечно, выдержать массивный снарядъ артиллеріи крупнѣйшихъ калибровъ они не могли, и на батареѣ всѣмъ было ясно, что, попади хоть одинъ „чемоданъ" въ любой изъ погребовъ, и не только отъ людей, но и отъ самой батареи не останется и слѣда. Какъ вѣтромъ карточный домикъ разнесетъ.

Стрѣляли съ трехъ часовъ утра. Сначала часа два врагъ молчалъ, вѣроятно ошеломленный небывалой силой огня. Но около пяти, очевидно, непріятель пришелъ въ себя и всѣ его батареи набросились въ поискахъ нашихъ. Онѣ открыли адскій огонь. Пока еще наша пѣхота не двигалась, онѣ прилагали всѣ усилія, чтобы насъ нащупать. Наблюденія съ привязныхъ шаровъ, смѣлые полеты аэроплановъ, обстрѣлъ площадями, по картѣ, все было пущено ими въ ходъ.

Вотъ очередь снарядовъ разрывается впереди прикрывающаго насъ гребня.

— Три секунды выстрѣлъ,—охрипшимъ голосомъ передаетъ полученную по телефону отъ командира батареи команду, штабсъ-капитанъ Л—ловъ.

— Три секунды выстрѣлъ,—слышны голоса взводныхъ между разрывами непріятельскихъ снарядовъ.

Черезъ каждыя три секунды стрѣляютъ орудія, какъ по часамъ, какъ по секундомѣру. А разрывъ непріятельскихъ снарядовъ все ближе и ближе. Съ того мѣста, гдѣ далеко отъ телефона стоитъ во весь ростъ, безъ прикрытія шт.-кап. Л—ловъ, не видно праваго фланга батареи, а тамъ уже выбыло два орудійныхъ номера. Одинъ убитъ на мѣстѣ, другому оторвало руку.

Подбѣжали санитары, насилу волоча по узкому ходу сообщенія носилки. Но о потерѣ дальше своего орудія да случайно увидавшаго несчастье сосѣдняго орудія никому неизвѣстно.

Боевая традиція бригады никого не безпокоитъ убылью во время боя. Каждый знаетъ свое дѣло: санитары окажутъ помощь пострадавшимъ, замѣнятъ ихъ своимъ распоряженіемъ тѣ, кому полагается „по уставу", и не дѣло отрывать для этого отъ боя командный составъ.

Уже надъ самой батареей бѣшено несутся непріятельскія гранаты и шрапнели, но какъ ни въ чемъ стоитъ во весь ростъ на своемъ мѣстѣ офицеръ и, не обращая вниманія на убыль, точно исполняетъ телефонныя приказанія командира.

Орудійная прислуга работаетъ, какъ машина. Убывшіе замѣняются „по уставу" и съ точно устанавливаемыми командуемыми установками, какъ по хронометру, черезъ три секунды рявкаютъ трехдюймовки.

А по ходамъ сообщенія работаютъ санитары.

— Братцы, попить бы...—проситъ раненый.

На ходу бросаетъ ему наводчикъ флягу и сейчасъ же углубляется въ свое дѣло; ни на секунду не въ правѣ онъ прекратить свою работу.

Раненому поможетъ санитаръ и каждый полонъ сознанія, что бы ни случилось, онъ долженъ дѣлать свое дѣло, и прервать его хоть на секунду, хотя бы для помощи товарищу,—преступленіе.

Въ этомъ вся сила, въ этомъ ключъ побѣды, успѣхъ.

Здѣсь, на батареѣ, выбываютъ единицы, ну, десятки, а тамъ, гдѣ наступаетъ пѣхота, тамъ идетъ дѣло о сотняхъ. Одинъ снарядъ, выпущенный не черезъ три секунды, а съ запозданіемъ, неправильная установка на какое-нибудь дѣленіе трубки прицѣла, и ужъ непріятель имѣетъ возмож-

ность, имѣетъ лишній шансъ укрѣпиться, перебѣжать, а какъ слѣдствіе этого—лишнія жертвы у насъ.

Подбѣгаетъ къ раненому, упавшему около орудія, санитаръ.

— Отлежусь я,—бормочетъ раненый герой,—снаряды вона носить трудно, подсоби-ка, поднеси, а я отлежусь, доберусь до хода-то какъ-нибудь...

И идутъ санитары подносить снаряды и не рѣдѣетъ огонь батареи. Одному изъ установщиковъ трубокъ осколкомъ серьезно ранитъ ногу.

— Ползи въ лазаретный блиндажъ,—говоритъ ему наводчикъ.

— Успѣю,—хмуро отвѣчаетъ раненый и, сидя на краю ровика, продолжаетъ устанавливать трубки.

Всѣ, всѣ хотятъ участвовать въ вырисовывающейся побѣдѣ. Раненые „забываютъ", что они ранены, отказываются признать себя, пока идетъ бой, негодными къ участію въ общей побѣдной работѣ. А другимъ „цѣльнымъ", кромѣ спеціально приставленныхъ къ санитарному дѣлу, теперь, въ данный моментъ, дороже „работающіе". Другъ, братъ родной раненъ: ну, что же? Судьба. Онъ одинъ, а если вмѣсто того, чтобы дѣлать свое дѣло, идти къ нему на помощь, оставить пушку, оставить снаряды, то убитыхъ и раненыхъ будутъ уже десятки, сотни. И сами пострадавшіе думаютъ такъ же и, какъ бы имъ тяжело ни было, гонятъ къ „работѣ" тѣхъ малодушныхъ, которые, ради жалости, пытаются оставить свою работу для помощи раненому.

Въ этомъ есть героизмъ, въ этомъ наша сила, въ этомъ самопожертвованіи ради общей цѣли наша побѣда, наше могущество.

— Братцы, иди же къ пушкѣ, стрѣлять надо,—вотъ тотъ окрикъ, съ которымъ встрѣчаютъ раненые своихъ добрыхъ, но малодушныхъ товарищей, спѣшащихъ къ нимъ на помощь во время стрѣльбы.

И они конфузятся.

— Лучше смерть, лучше муки, лишь бы побѣда,—вотъ лозунгъ нашихъ сѣрыхъ героевъ, и этотъ кличъ святъ имъ и тогда, когда на дѣлѣ приходитъ страданіе.

Г. Филатовъ такъ описываетъ недавнюю [1]) атаку текинцевъ:

[1]) „Русское Слово" 22 іюля 1916 г.

Вотъ замолчалъ послѣдній пулеметъ, и пѣхота бросилась на штурмъ высоты, а батарея получила приказъ:

— Скакать слѣдомъ и бить по отступающимъ австрійцамъ.

Выскочили на высоту, прямо на открытую позицію. По лощинамъ прямо на виду тянутся синеватыя ленты отступающихъ, но батареѣ пришлось сдѣлать по нимъ лишь два выстрѣла, ибо изъ лощины Чернаго Потока вылетѣли текинцы подъ командой полковника.

Какъ рожь подъ вѣтромъ, колеблются ихъ неровныя, мчащіяся группы, вьются пестрые халаты, высоко вздымаются огромныя бараньи шапки.

Страшно смотрѣть.

Австрійцы оборачиваются, нѣкоторые стрѣляютъ, большинство просто бѣжитъ. Офицеры пытаются организовать сопротивленіе, одинъ даже стрѣляетъ изъ револьвера въ непослушныхъ, но все напрасно: паника охватываетъ отступающихъ, и все тонетъ.

Вотъ доскакали. Колютъ и рѣжутъ. Именно рѣжутъ, а не рубятъ. Въ этомъ и есть настоящее искусство сабельнаго удара. Падаютъ люди, падаютъ головы.

Текинцы преслѣдуютъ уже группы и отдѣльныхъ людей. Сзади, среди убитыхъ, поднимаются нарочно упавшіе и стрѣляютъ въ спины всадниковъ.

Замѣтили, повернули. Хитрецы стрѣляютъ, бѣгутъ и снова падаютъ, но текинцы пронзаютъ ихъ пиками, иногда саблями, склоняясь съ сѣдла къ самой землѣ; удары бываютъ такъ сильны, что пики, прокалывая тѣла, пашутъ землю, и ломаются древки.

Иногда назадъ налетаетъ одинокая фигура текинца,— онъ вывозитъ раненаго или убитаго товарища, иногда добычу, складываетъ въ тылу и снова мчится въ бой.

Во главѣ полка пошелъ въ атаку его командиръ. Одна пуля сбила шапку, другая ранила въ ногу. Офицеры остановили полковника, перевязали, и онъ смогъ сѣсть верхомъ и обратно доѣхать самъ. Когда онъ проѣзжалъ мимо артиллеріи, то сказалъ:

— Вы говорите моимъ (невольно хотѣлось добавить „чертямъ", какъ зовутъ текинцевъ солдаты), чтобы собирались вонъ въ лощинку, туда весь полкъ съѣдется.

Текинцы, благодаря своему удару, не только разогнали отступающихъ, но и сбили ихъ съ пути отступленія, и австрійцы побѣжали прямо на нашу пѣхоту, вѣроятно, вы-

бирая изъ двухъ золъ меньшее. Взято ихъ было болѣе 3.500, и даже возникъ споръ, чьи это плѣнные. Но, по справедливости, это—плѣнные текинцевъ, ибо пѣхота ихъ только ловила, и безъ кавалеріи они бы ушли, даже оказывая сопротивленіе.

Долго еще рыскали текинцы по полю битвы, подбирая товарищей, ловя австрійцевъ, подгоняя плѣнныхъ. И горе тому, кто захочетъ улизнуть, пользуясь тѣмъ, что большую толпу провожаютъ 2—3 всадника. Ударъ пики или сабли,— и порядокъ установленъ.

Линія прорвана, и вся масса австрійцевъ начинаетъ отходить даже съ еще держащихся позицій. Это сразу чувствуется по артиллеріи: то она бьетъ ровно, мѣтко, то вдругъ начинается какая-то нелѣпая пальба. „Пахъ, пахъ!"— рвутся высоко на небѣ шрапнели. „Ж-жъ, чекъ!"—клюнетъ иная въ землю. То вдругъ цѣлая очередь улетитъ куда-то далеко черезъ головы. Это значитъ, что наблюдатели побѣжали со своихъ пунктовъ, и батареи стрѣляютъ наугадъ, оглядываясь на передки, чтобы только попугать наступающаго. Но это мало помогаетъ, и часто идетъ прямо безудержное бѣгство.

---

23 іюля. Комитетъ по борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ постановилъ ликвидировать извѣстныя предпріятія: фирму Швабе въ Москвѣ, Яковъ и Іосифъ Конъ и Артуръ Коппель.

Г. Болеславъ Шашковскій предлагаетъ [1]) воскресить Польшу отъ Карпатъ до Балтійскаго моря и отъ Бѣлороссіи до нѣмецкихъ границъ.

Въ этомъ предложеніи недостаетъ только Украйны, которая совершено опредѣлила границы воскресшей Польши отъ моря до моря.

Охрана интересовъ нѣмецкихъ подданныхъ назначеніемъ особыхъ для того лицъ, якобы не заинтересованныхъ въ предпріятіи, ведется этими лицами, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, такъ усердно, что предпріятія становятся непри-

[1]) „Новое Время" 23 іюля с. г.

ступной нѣмецкой крѣпостью. За примѣрами ходить недалеко.

На ст. Твери обнаружено, что безыменными накладными на конфекты въ Петроградъ слѣдовалъ сахаръ.

Г. Носковъ сообщаетъ [1]) интересныя данныя о нашей берестѣ:

Во всѣхъ портахъ на моемъ пути изъ Бергена вплоть до Вардо (Сѣверная Норвегія)—и въ самомъ бойкомъ портовомъ городѣ Бергенѣ, и въ бывшей столицѣ Норвегіи Дронтгеймѣ, и въ маленькихъ портахъ, скорѣе предназначенныхъ для рыбопромышленниковъ, — Буде, Нарвикѣ, Тромсе, Гамерфестѣ, Санднесшеенѣ и Варде, огибая дикую Скандинавію и бродя по оживленнымъ пристанямъ, я былъ удивленъ обилію бересты. Береста эта, въ видѣ громадныхъ тюковъ, сложенная, какъ складываются листы хлопка или кожи, поднималась лебедками, пароходными кранами съ пристаней и трюмовъ пришедшихъ откуда-то морскихъ судовъ высоко въ воздухъ, потомъ тѣмъ же способомъ опускалась въ другіе трюмы—направляющихся на югъ пароходовъ.

Этотъ странный грузъ очень удивлялъ меня, и я обратился однажды къ одному норвежцу, видимо, моряку, судя по формѣ.

— Вы спрашиваете про бересту? — переспросилъ онъ, улыбнувшись.

— Да,—отвѣтилъ я, немного даже смутившись.

— Да это самый дорогой нашъ грузъ!—воскликнулъ морякъ, даже довольный тѣмъ, что какой-то туристъ обратилъ свое вниманіе на невзрачные тюки драной бересты.

— Почему?

— Да потому, что его сильно спрашиваютъ теперь вездѣ и въ Швеціи, и въ Норвегіи, и повсюду, гдѣ растетъ только крупная береза. Къ сожалѣнію, у насъ въ горахъ Скандинавіи мало рослаго березоваго лѣса; но все же, вы видите, на нашу пристань доставляется этотъ нужный матеріалъ, и рѣдкое судно не привозитъ его изъ нашихъ фіордовъ. Но все же главный грузъ его слѣдуетъ къ намъ сюда съ сѣвера,—говорятъ, тамъ масса бересты..

[1]) „Веч. Вр." 23 іюля 1916 г.

— Куда же требуется эта береста?—спрашиваю.

Онъ даже удивился этому, казалось, вопросу:

— Разумѣется, въ Германію и въ Австрію. Береста теперь прекрасно замѣняетъ подметки, подошвы. Она и ранѣе употреблялась для обуви, но теперь особенно, когда въ Германіи совсѣмъ нѣтъ подошвенной кожи.

Но каково было мое удивленіе, когда въ Варде, этомъ пограничномъ, сосѣднемъ портѣ съ нашимъ Мурманомъ, я увидѣлъ тоже знакомые тюки съ берестой. Оказывается, она идетъ изъ Архангельска и идетъ самымъ незамѣтнымъ образомъ, даже не обращая на себя вниманія нашихъ властей.

Въ Архангельскѣ, въ газетѣ „Сѣверное Утро", я даже встрѣтилъ такое объявленіе: „Иностранецъ желаетъ купить бересту, а также желаетъ зафрахтовать пароходы или парусныя суда, чтобы доставить бересту въ Тромсе". Слѣдуетъ адресъ иностранца, скупающаго цѣлыми пароходами и судами бересту.

24 іюля. Почти два года войны въ достаточной степени выяснили германскую стратегію. Ни въ одной изъ всѣхъ предпринятыхъ германцами операцій они не достигли поставленной цѣли. Въ началѣ войны они стремились разбить французскую армію, взять Парижъ и овладѣть Франціей. Шалонская битва положила конецъ первой германской операціи. Она окончилась полууспѣхомъ: занята Бельгія и часть Франціи. Армія французовъ цѣла, Парижъ не взятъ и германцы Франціей не овладѣли.

На слѣдующій 1915 годъ германцы поставили цѣлью обойти безснарядную и безпатронную русскую армію, съ обоихъ фланговъ, уничтожить ее. Операція не удалась. Армія осталась цѣла и германцы заняли Волынь, Польшу, Литву и Курляндію. Захватили часть территоріи—дѣло ограничилось полууспѣхомъ.

Цѣлью операціи второй половины 1915 года поставлено уничтоженіе Сербіи, Черногоріи, и полный захватъ Балканскаго полуострова. Несмотря на измѣну болгаръ Германія только овладѣла Сербіей и Черногоріей. Германія овладѣла территоріей Сербіи и Черногоріи, но кадры сербской арміи появились на Корфу, а войска союзниковъ прочно укрѣпились въ Салоникахъ. Опять полууспѣхъ.

Въ началѣ 1916 года германцы поставили цѣлью пробиться у Вердена во Францію. Несмотря на страшныя жертвы людьми, это имъ не удалось, и они овладѣли только окраин-

ными фортами Вердена. Уже тутъ явился не полууспѣхъ, а скорѣе, по принесеннымъ жертвамъ, полный неуспѣхъ.

Во второй половинѣ 1916 года Германія рѣшила наброситься на Румынію. Увидимъ, чѣмъ это кончится.

И такъ за все время войны повсюду германская стратегія нигдѣ не достигла намѣченной цѣли. Выполнена только одна цѣль—захватъ части территоріи противника для кормленія Германіи, а это не составляетъ задачи стратегіи.

Г. Филатовъ въ своей корреспонденціи [1]) указываетъ, на какія сверхъестественныя усилія способенъ нашъ герой-солдатъ.

Въ самый критическій моментъ подошла подмога—полурота съ двумя пулеметами, но этой подмогѣ приходилось идти подъ дождемъ стали: одинъ пулеметъ былъ разбитъ тяжелымъ снарядомъ, немного не доходя до позиціи.

Подтащили другой.

— Вонъ ставьте тамъ,—указываетъ офицеръ на удобное мѣсто шагахъ въ 25—30-ти.

Въ этотъ моментъ унтеръ-офицеръ Ткачевъ, командующій пулеметомъ, падаетъ. Приподнимается, держась лѣвой рукой за грудь, ползетъ на колѣняхъ за пулеметомъ, который номера тащатъ на позицію, указываетъ, гдѣ встать, и руководитъ огнемъ. Струя его пуль коситъ наступающихъ нѣмцевъ, и атака отбита.

Черезъ нѣсколько времени офицеръ спрашиваетъ одного изъ пулеметчиковъ:

— Ну, какъ Ткачевъ себя чувствуетъ?

— Позвольте доложить, ваше благородіе: Ткачевъ убитъ.

— Что же, это вторая пуля попала?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, отъ первой умеръ.

— Когда?

— Минутъ черезъ пятнадцать, какъ ранили.

— Не можетъ быть...

Ткачевъ получилъ смертельную пулю у самаго сердца, но у него хватило силы духа доползти до пулемета, руководить огнемъ и отбить атаку, а когда миновала смертельная опасность для другихъ, прошелъ подъемъ героическаго порыва, и онъ упалъ мертвымъ.

---

[1]) „Рус. Сл.“ 1916 г., № 172.

Унтеръ-офицеръ Ткачевъ N стрѣлковаго полка представленъ къ посмертному Георгію 2-й степени, ибо 3-й и 4-й уже имѣлъ.

Чрезвычайно важное открытіе по хлѣбопашеству свершилъ В. Мельниченко. Онъ изобрѣлъ коловратный [1]) плугъ:

Испоконъ вѣка обработка земли начинается съ пахоты сохою или обыкновеннымъ плугомъ съ такъ называемымъ „отваломъ", винтообразно-изогнутой желѣзной лопатою для отворачиванія въ сторону цѣльныхъ, неразбитыхъ глыбъ земли. Плугъ смѣняется каткомъ-глыбодробомъ, а катокъ—бороною, разрыхляющей поверхностный слой вспаханнаго поля. Но и при бороновaніи много мелкихъ комьевъ не попадаетъ на зубья бороны, и эти комья сильно мѣшаютъ развитію хлѣбныхъ злаковъ.

Коловратный плугъ, съ тою же лошадиною тягою, замѣняетъ собою сразу три машины: отвальный плугъ, катокъ и борону.

Тѣмъ же лемехомъ онъ подрѣзываетъ пластъ земли, и этотъ пластъ, нижней сырою частью его, поднимаетъ на себя особый барабанъ съ ножами (коловратъ, фреза), плавно вращающійся въ сторону противоположную движенію самого плуга. Ножи самой разнообразной формы, смотря по качеству почвы, легкой, средней, тяжелой. Коловратъ одновременно и разбиваетъ, и разрыхляетъ глыбы земли, замѣняя, такимъ образомъ, и катокъ, и борону. Отвала у такого плуга совсѣмъ нѣтъ.

Ксюнинъ описываетъ, какъ австрійцы надругались [2]) надъ Почаевской лаврой.

Въ кинематографъ была превращена церковь великомученицы Варвары. Она расписана изображеніями страданій Спасителя. Австрійцевъ это не смутило: они вторично распяли Христа.

Они сняли иконостасъ съ царскими вратами и перенесли ихъ на другое мѣсто, устроивъ заднюю стѣнку для кинематографа. Передъ царскими вратами за особой перегородкой стоятъ кресла почетныхъ посѣтителей.

---

[1]) „Нов. Вр." 1916 г. 27 іюля.

[2]) Тамъ же.

На томъ мѣстѣ, гдѣ былъ алтарь, — пюпитры музыкантовъ, а остальная часть церкви занята стульями зрителей, состоявшихъ изъ австрійскихъ офицеровъ и навѣщавшихъ ихъ дамъ.

Австрійцы жили въ Почаевѣ вообще со всѣми удобствами. Кинематографа оказалось мало, и въ архіерейской церкви св. Петра соорудили кабарэ.

Чрезвычайно весело. Изъ кинематографа въ трактиръ и обратно съ острымъ ощущеніемъ, что въ этихъ стѣнахъ вѣками молился народъ, въ нихъ искалъ успокоеніе и утѣшеніе, — что на мѣстѣ полпивныхъ столиковъ былъ престолъ Того, Кого именуютъ Богомъ.

Не правда ли, сильное ощущеніе...

Кабарэ „Reminet" расписано гривуазными картинками какимъ-то хорошимъ художникомъ. Вѣроятно спеціально выписывали. Обычная обстановка нѣмецкихъ ресторановъ. Полуголая женщина въ объятіяхъ солдата, лейтенантъ, преслѣдующій дѣвицу, кадетъ, соблазняемый перезрѣлой дамой, и тутъ же трогательный видъ въ сторону милаго отечества.

Гдѣ былъ ходъ въ архіерейскіе покои, тамъ дверь въ билліардную и въ кабинетъ.

Веселились до упаду, развлекались и отдыхали, оставили груды пустыхъ бутылокъ, конкуррирующія съ горами проволоки, не защитившей отъ нашего нашествія.

Стариковъ монаховъ выселили изъ лавры, а когда они приходили поклониться образамъ, тащили къ себѣ въ трактиръ и заставляли фигурировать на фотографіяхъ въ унизительныхъ позахъ въ обществѣ пьяныхъ офицеровъ.

Г. Филатовъ передаетъ [1]), каковы нѣмецкіе доктора:

Былъ взятъ въ плѣнъ докторъ, раненный въ грудь штыкомъ. Онъ возмутился этой раной. Его спросили:

— При васъ было оружіе?

— Да, револьверъ.

— Сколько въ немъ было патроновъ, когда его у васъ взяли?

— Одинъ.

---

[1]) „Рус. Сл." 27 іюля 1916 г.

— Ну, такъ чего же вы хотите? Благодарите Бога, что живы остались.

Это очень характерно для доктора-нѣмца.

Корреспондентъ „Times" на русскомъ фронтѣ Уошбернъ отмѣчаетъ, что русское наступленіе длится болѣе 60 дней и что оно лишило нѣмцевъ и австрійцевъ иниціативы на всемъ фронтѣ, и уничтожило всѣ планы, которые нѣмцы строили на лѣто, доказавъ непріятелю, что его превосходство исчезло. Уошбернъ приходитъ къ двумъ выводамъ: Австрія должна будетъ покориться, но что Германія покорится еще не скоро, и если даже она потеряетъ Ковель, Брестъ, Варшаву и даже всю Польшу, то придется, быть можетъ, еще бороться съ ней не менѣе года. Что могло бы привести къ побѣдѣ и вызвать отчаяніе нѣмцевъ—это подготовка союзниковъ еще къ двумъ годамъ войны.

Уошбернъ восхищается генераломъ Алексѣевымъ и его способностями и талантомъ. Благодаря ему Брусиловъ достигъ успѣха, и операціи Алексѣева помѣшали германцамъ перевозить резервы съ мѣста на мѣсто. Попытки германцевъ къ наступленію два раза заканчивалась неудачей [1]).

Нельзя не отмѣтить такого явленія въ Петроградѣ. Сталъ недостатокъ въ сахарѣ. Прежде было можно его вездѣ купить, даже въ мелочной и фруктовой лавкѣ. Теперь кто-то учредилъ особые магазины для продажи сахару. Не вездѣ можно его купить, а потому у избранныхъ кѣмъ-то лавокъ громадные хвосты желающихъ купить сахаръ.

Булки въ Петроградѣ начинаютъ продавать горячими, и къ 9 часамъ утра въ булочныхъ уже нѣтъ товара.

29—31 іюля. Знаю многихъ дамъ, которыя прекрасно изготовляютъ обувь. Теперь это особенно кстати. Въ Одесскихъ среднихъ женско-учебныхъ заведеніяхъ, по иниціативѣ попечителя округа Соковнина, уже послѣдовали этому благому примѣру. Для желающихъ учиться изготовленію обуви или выдѣляются часы классныхъ занятій или занятія эти производятся во внѣклассное время.

---

1) „Нов. Вр." 26 іюля 1916 г.

На дняхъ населеніе города Кралево было свидѣтелемъ выходящаго изъ ряда вонъ звѣрства пруссаковъ. Нѣкто Милица Стояновичъ раздобыла 25 килограммовъ муки. Вопреки обязательному постановленію, она не объявила объ имѣвшемся у нея запасѣ, а скрыла его, такъ какъ мука эта была единственнымъ продуктомъ для пропитанія всей семьи, сильно уже изголодавшейся. Узнавъ объ этомъ, комендантъ Кралева, командиръ 113 прусскаго ополченскаго полка, велѣлъ отрѣзать обѣ руки какъ у Милицы Стояновичъ, такъ и у ея старшей дочери. Эта безчеловѣчная казнь была совершена публично. Обѣ женщины вскорѣ скончались [1]).

Крайне желательно, чтобы нѣмецкія земли попали въ крестьянскія руки. Для этого необходимо, чтобы крестьянскій банкъ выдавалъ крестьянамъ скорѣе ссуды, и опредѣлялъ назначеніе наивысшаго размѣра банковскихъ ссудъ при покупкѣ крестьянами земель колонистовъ. Иначе земли попадутъ въ руки скупщиковъ, которыми, какъ говорятъ, являются чины мѣстной администраціи разныхъ округовъ.

В. М. Дорошевичъ въ „Русскомъ Словѣ" также описываетъ дѣйствія нашей артиллеріи во время недавнихъ боевъ.

Когда наши вошли въ австрійскіе окопы:

— Волосы въ первую минуту зашевелились на головѣ отъ ужаса.

— Пахло свѣжей говядиной. Какъ въ мясной лавкѣ.

— Окопы были наполнены не тѣлами, а краснымъ мясомъ.

Горка, по которой нѣсколькими рядами окопы.

Тутъ труповъ не было.

Были окровавленныя руки, оторванныя ступни, куски мяса неизвѣстно отъ какихъ частей тѣла.

— Это былъ какой-то паштетъ изъ человѣческаго мяса!

Снаряды вбили эти куски мяса въ землю.

И такъ было много крови, смерти, что нервы деревенѣли.

Въ окопѣ снарядомъ австрійца вколотило въ землю.

Торчали изъ земли только его ноги.

---

[1]) „Новое Время" 29 іюля 1916 г.

Всѣхъ припасовъ въ Россіи много, а паладиться съ довольствіемъ мы никакъ не можемъ. Дѣло казалось бы очень просто, призвать къ этому дѣлу тѣхъ, которые всю свою жизнь занимались продовольствіемъ, и предложить взять это дѣло въ свои руки, предложивъ имъ 12—15%.

На указанныхъ выше условіяхъ надо привлечь къ этому дѣлу людей опыта: земскихъ людей, представителей крупныхъ торговыхъ фирмъ и капитала, при самомъ широкомъ контролѣ свыше. Изъ этихъ людей, спеціалистовъ по каждой отрасли довольствія, надо организовать особыя учрежденія. Подобнымъ образомъ дѣло налажено у нашихъ союзниковъ и идетъ хорошо. Надо слѣдовать испытанному и хорошему примѣру и не искать лучшаго.

Лучшее, говорятъ, врагъ хорошаго.

Послушаемъ показанія плѣнныхъ о нашихъ недавнихъ военныхъ дѣйствіяхъ [1]), и вотъ что они говорятъ.

Особенно много интереснаго сообщилъ лейтенантъ Н полка баронъ Ш.

— Наступленіе генерала Брусилова на южномъ фронтѣ,— говорилъ онъ,—было для насъ совершенно неожиданнымъ. У насъ привыкли думать, что укрѣпленія, созданныя тамъ нашими и австрійскими инженерами, неприступны, и защита ихъ не представляетъ большой трудности. Кромѣ того, отъ своихъ шпіоновъ мы знали, что ваше высшее командованіе рѣшило предпринять наступленіе на Вильну.

Подъ вліяніемъ этихъ данныхъ мы взяли съ австрійскаго фронта почти всѣ германскія части и сосредоточили ихъ въ виленскомъ районѣ.

Первые дни наше наступленіе на Волыни даже увѣрило насъ въ точности полученныхъ сообщеній. Мы считали его простой демонстраціей и не послали на помощь австрійцамъ ни одного батальона.

Въ этомъ была роковая ошибка.

Тѣ нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ мы не рѣшались дѣйствовать, можетъ-быть, будутъ причиной пораженія Германіи. Важно не то, что мы потеряли нѣсколько километровъ, а то, что выпустили изъ своихъ рукъ инициативу. Изъ господина стали рабомъ, противящимся, но идущимъ туда, куда гонитъ его плеть хозяина.

---

1) „Рус. Сл." 1916 г. № 175.

Когда, наконецъ, у насъ поняли всю важность совершающихся событій, то началось лихорадочное перебрасыванiе войскъ въ ковельскій районъ, признанный наиважнѣйшимъ на всемъ южномъ фронтѣ.

Нужные полки брали отовсюду, гдѣ представлялось возможнымъ: изъ-подъ Риги, съ Двины, съ западнаго фронта.

Въ этотъ самый моментъ вы нанесли ударъ по Барановичамъ.

Въ нѣсколько часовъ все смѣшалось. Поѣзда, переполненные солдатами, простаивали на путяхъ, не получая маршрута. Изъ Волыни и Галиціи спѣшно везли въ барановичскій районъ только-что прибывшія туда дивизіи. Нѣсколько генераловъ, „прозѣвавшихъ“ дѣйствительную угрозу, были отставлены самимъ кайзеромъ.

За все время войны я не запомню такого безпорядка, который царилъ въ штабахъ, всегда спокойныхъ, хладнокровно-рѣшительныхъ.

Нѣмецкіе перебѣжчики показываютъ, что изъ безлошадныхъ нѣмецкихъ кавалеристовъ образуютъ особыя стрѣлковыя части, которыхъ отправляютъ въ окопы.

Корреспондентъ „Русскаго Слова“, приводитъ разсказъ офицера о занятіи австрійскаго окопа [1]):

Благополучно прошли мимо перваго бокового хода. Оставилъ противъ него трехъ стрѣлковъ, по телефону велѣлъ притащить сюда, противъ входа въ боковой лазъ, пулеметъ. Полземъ дальше,—два австрійскихъ пулемета. Испорчены. Телефонные провода куда-то во вторую линію. Оборваны. Люди по окопу дальше. Ползетъ впереди уже одинъ телефонщикъ съ трубкой у рта, другой конецъ у меня на головѣ, подлѣ ушей.

— Ваше благородіе, въ окопѣ сыро... вода, какъ налито что... Воняетъ... какъ въ отхожемъ мѣстѣ.

Новый поворотъ окопа,—и по насъ издали навстрѣчу частый огонь. Послышались стоны нашихъ раненыхъ. Замолкъ телефонъ. Кричу въ трубку:

— Телефонщикъ, что такое?

Нѣтъ отвѣта: или проводъ оборвался или телефонщикъ убитъ.

Вызываются человѣкъ десять:

— Дозвольте, прополземъ впередъ. Узнаемъ, много ли тамъ австрійцевъ. Мы пополземъ лѣвою стороною, а вы по-

---

[1]) „Русское Слово“ 1916 г. № 150.

верху, по правой пускайте фонари. Пусть они лупятъ больше туда.

Поползли. Минуты черезъ три слышу въ телефонъ шопотъ одного изъ только-что ушедшихъ:

— Ваше благородіе, слышите ли меня?

— Слышу.

— Значитъ, проводъ цѣлъ. Слушайте, ждите вѣстей.

Прошло долгихъ, томительныхъ минутъ десять. Впереди ни выстрѣла, ни криковъ. Вдругъ въ телефонъ довольно громко тотъ же голосъ:

— Ваше благородіе, разрѣшите укрѣпляться.

— Гдѣ?

— Здѣсь. Отгородиться отъ австрійцевъ. Они недалеко тутъ, за поворотомъ.

— Чѣмъ? Сапогами, что ли?

— Есть чѣмъ,—говоритъ бодро и радостно такъ.

Время терять некогда,—даю согласіе:

— Валяй! Укрѣпляйся! Доноси обо всемъ подробно.

Оказывается, мои охотники нашли въ углубленіи окопа большой складъ мѣшковъ для земли. Мѣшки, какъ послѣ я разсмотрѣлъ,—разсказывалъ поручикъ Т.,—были особаго, машиннаго производства. Ткань довольно рѣдкая,—матеріалъ недорогой, но тутъ же была большая яма съ какимъ-то, въ родѣ известковаго, растворомъ, которымъ насыпанные землею мѣшки большими кистями сильно смачивались снаружи, и тогда земля прочно держалась, не сыпалась скволь рѣдкую ткань. Прошло минутъ двадцать, слышу въ телефонъ:

— Ваше благородіе, можете придти посмотрѣть наше сооруженіе,—безопасно.

Пробираюсь осторожно съ фонарикомъ. По дорогѣ дѣйствительно сыро, даже мокро и смрадно. Австрійцы, уходя, проткнули цинковые баки съ горячею водою для ваннъ и разворотили окопное отхожее мѣсто. Только перебрался черезъ зловонную топь,—слышу, изъ-за поворота встрѣчный шопотъ:

— Ваше благородіе, тише! Дайте руку. Сюда! Теперь сверкните фонарикомъ. Чуточку выше себя, посерединѣ.

Глянулъ и чуть не крикнулъ отъ удивленія. Сквозь мѣшки съ австрійской стороны просунулась кирка—не кирка, большой какой-то шурупъ. За нимъ конецъ трубки, какъ у насоса. За мѣшками мѣрно застучала какая-то машина. Думаю, газы удушающіе. Только-что хотѣлъ крик-

нуть своимъ: „Бѣги скорѣе назадъ“, какъ трубка вдругъ плюнетъ въ нашу сторону горячею жидкостью. Какъ-разъ подъ нею, у самой земли, при мѣшкахъ лежалъ мой новый телефонщикъ, сверлилъ самъ дыру въ мѣшкахъ, хотѣлъ хоть услышать, что тамъ стукаетъ. Онъ, словно готовый ко всему, сгребъ горсть земли и прямо въ дуло трубки,—струя остановилась.

— Ваше благородіе, труба задохлась,—кричитъ радостно.

На его крикъ—выстрѣлъ сквозь мѣшки, другой, третій,—ранило телефонщику плечо, перебило ключицу.

— Ложись!—шепчу я.

Подползаетъ младшій унтеръ-офицеръ, здоровякъ, изъ мясниковъ, быкобоецъ. Проситъ:

— Разрѣшите мнѣ съ семью человѣками взобраться на мѣшки, пустить туда, къ австрійцамъ, фонарь и, глядя по дѣлу, скомандовать.

— Для чего?

— А провѣрить. Тамъ или австрійцевъ мало, или они думаютъ, что здѣсь насъ двое-трое развѣдчиковъ.

— Лѣзьте,—говорю,—и чуть что, увидите много людей, давайте по нимъ залпъ, а сами кубаремъ назадъ и на землю.

Полѣзли, сверкнули въ тьму впередъ фонарями, и безъ слова всѣ восьмеро на ту сторону. Тихо. Потомъ залпъ, другой, третій,—и никакихъ криковъ. Мои остальные съ фонариками также черезъ мѣшки. Я имъ: „Стой, стой! Куда?“,—а они уже тамъ. Я за ними. Слышимъ, гдѣ-то впереди возня, глухіе голоса. Бѣжимъ туда, готовые стрѣлять и колоть. Выскочили за траверсъ,—длинный окопъ, огоньки, и вверху, надъ землею, и внизу, на полу, стоятъ фонарики нашихъ. Десятка два австрійцевъ поддерживаютъ другъ друга, ухватились за край окопа руками и лѣзутъ наружу, въ темное поле. Наши нижнихъ прикладами по затылку, а повисшихъ буквально штыками въ задъ и хриплыми голосами негромко:

— Лѣзь, лѣзь. Я те подсажу... Садись, поддержу... Мягко ли?

— Пощекоти, пощекоти ихъ,—кидаются и прибѣжавшіе со мною.

Г. Ксюнинъ описываетъ [1]) такими словами безсмертный подвигъ рядового Кипріяна Сиваго.

Въ мѣстечкѣ Барятинѣ, верстахъ въ шести отъ Луцка, на форту незамѣтная могила съ маленькимъ крестомъ, а на немъ надпись;

„Здѣсь была Россія и будетъ Россія".

Ихъ сказалъ тотъ, который лежитъ подъ крестомъ— нижній чинъ русской арміи, Кипріянъ Сивый.

Исторія его недолга, но ее надо запомнить.

Кипріянъ Сивый съ другими однополчанами осенью прошлаго года попался въ плѣнъ къ австрійцамъ. Онъ былъ родомъ изъ-подъ Луцка и когда услышалъ, что Луцкъ тоже временно перешелъ къ непріятелю, переодѣлся въ крестьянское платье и добрался до своихъ мѣстъ.

Въ родную деревню, однако, жить не пошелъ, опасаясь, чтобы не выдали, а поселился работникомъ у знакомой помѣщицы, къ которой бѣгалъ еще подросткомъ. Жилъ, работалъ и приглядывалъ за непріятелемъ, а когда набралъ достаточно свѣдѣній, рѣшилъ перебраться черезъ линіи войскъ и донести русскимъ о томъ, что дѣлается въ тылу у врага. Не посчастливилось. Какіе-то два чеха провѣдали про побѣгъ и донесли властямъ. Бѣглаго судили и приговорили къ смертной казни.

Привели Кипріяна къ свѣжей вырытой для него могилѣ. Священникъ сказалъ напутственное слово. Хотѣли уже „приступить", но приговоренный остановилъ:

— Я скажу, батюшка, тоже передъ смертью два слова: „Была здѣсь Россія и будетъ Россія во вѣки"...

Эти слова Кипріяна Сиваго и написали на его крестѣ.

Могила даже не огорожена, какъ слѣдуетъ, но жуткое мѣсто на фортѣ воскрешаетъ казнь солдата, умершаго за отечество, за Россію, которой онъ жилъ и въ которую вѣрилъ до гроба. Онъ — сѣрый русскій солдатъ какими вся война ведется, взятый изъ народа, какъ и Макуха и Рябовъ и другіе безвѣстные мученики-герои, сердца и души которыхъ намъ трудно постигнуть. Они мало получили и много дали, и они останутся у насъ вѣчнымъ укоромъ и вѣчной славой нашей. Жизнь прожили не для себя и умерли со словами о Россіи.

Подвигъ Кипріяна Сиваго не можетъ забыться: о немъ надо разсказать солдатамъ и дѣтямъ въ школахъ.

---

[1]) „Нов. Вр." 1916 г. 31 іюля.

Древніе и средневѣковые герои давно окаменѣли, а на примѣрахъ своихъ, можетъ быть, мы наконецъ больше узнаемъ и скорѣе полюбимъ свой народъ.

А. П. Тупинъ передаетъ [1]) разсказы бѣженцевъ о теперешней жизни въ Курляндіи, занятой германцами:

Слишкомъ много балтовъ осталось въ Курляндіи, по одному Тальсенскому уѣзду осталось не менѣе 25 бароновъ, владѣльцевъ имѣній. Многіе изъ нихъ поступили на германскую службу, сидятъ комиссарами; это люди съ довольно темнымъ прошлымъ. Нѣкоторые бароны поступили въ германскую контръ-развѣдку. Извѣстный Сильвіо Бредерихъ состоитъ гольдингенскимъ уѣзднымъ начальникомъ, пользуясь среди германцевъ большой популярностью: онъ хозяйничаетъ, какъ сатрапъ въ своей вотчинѣ.

Въ Митавѣ по-прежнему жизнь бьетъ ключомъ. Устраиваются спектакли, концерты. Въ германскомъ обществѣ крупную роль играетъ курляндское дворянство, на благотворительныхъ вечерахъ живое участіе принимаютъ дамы-патронессы...

Нельзя не отмѣтить одно отрадное явленіе,—въ Петроградѣ и во многихъ городахъ Россіи устраиваются ремесленные курсы для увѣчныхъ воиновъ, и дѣятельность ихъ очень плодотворна. Недавно въ Старой Руссѣ открыты безплатные курсы учительскіе, бухгалтерскіе и сапожнаго ремесла.

Приведемъ для сравненія двѣ корреспонденціи, какъ работаютъ вражескіе плѣнные у насъ и наши тамъ у нашихъ враговъ.

Какъ живется нашимъ военноплѣннымъ въ Германіи и Австро-Венгріи, наврядъ ли слѣдуетъ много говорить: давнымъ-давно извѣстно, что ихъ бьютъ „культурные“ варвары, истязаютъ, морятъ голодомъ, за малѣйшую провинность гноятъ въ каторжныхъ тюрьмахъ, разстрѣливаютъ и вѣшаютъ и принуждаютъ къ самымъ тяжелымъ частнымъ, общественнымъ и казеннымъ работамъ, при чемъ, разумѣется,

---

[1]) „Нов. Вр.“ 31 іюля 1916 г.

или платятъ за эти работы гроши, или же совсѣмъ ничего не платятъ.

Совсѣмъ другое видимъ у насъ [1]).

Сравнительно недавно въ Суражскій уѣздъ было отпущено на полевыя работы въ помѣщичьихъ экономіяхъ 169 военно-плѣнныхъ румынъ, венгровъ и русиновъ, а нынѣ отпущена большая партія плѣнныхъ венгерцевъ на постройку желѣзной дороги въ районахъ Могилевщины и сѣверной Черниговщины. Въ день пріемки плѣнныхъ ихъ напоили чаемъ и накормили вкуснымъ ужиномъ въ клинцовскомъ земскомъ лазаретѣ, а при раздачѣ плѣнныхъ помѣщикамъ, послѣднихъ уѣздное земство обязало непремѣннымъ условіемъ: кормить такъ, какъ кормятъ въ войскахъ нашихъ нижнихъ чиновъ, или въ солидныхъ экономіяхъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ страдную пору, одѣвать и содержать въ чистыхъ помѣщеніяхъ казарменнаго типа и платить имъ по 4 руб. въ мѣсяцъ. Продолжительность рабочаго дня плѣнныхъ не должна превышать обычнаго сельско-хозяйственнаго дня, а въ праздничные дни плѣнные могутъ быть наряжаемы на работу по особому соглашенію съ помѣщикомъ.

Теперь намъ говоритъ помѣщикъ В. Б. Польковскій, что въ его экономіи плѣнныхъ кормятъ великолѣпно: утромъ поятъ чаемъ съ хлѣбомъ и масломъ, въ полдень даютъ обѣдъ изъ мяса, супа и гречневой каши, часа въ четыре дня—вечерній чай, вечеромъ—горячій ужинъ. Хлѣба же—сколько хочешь. И такъ во всѣхъ 10 имѣніяхъ, гдѣ имѣются военноплѣнные.

Между тѣмъ, работаютъ плѣнные потихоньку, да полегоньку; тотъ же помѣщикъ Польковскій утверждаетъ, что его плѣнные плохіе работники: исполняютъ работы очень неохотно и небрежно. Нѣсколько лучше себя показали было въ первые дни плѣнные румыны въ имѣніи Донбровской, но теперь и они уже начинаютъ отказываться отъ работъ (нѣсколько дней назадъ плѣнные не вышли на уборку сѣна, хотя сѣно надо было убрать въ тотъ же день обязательно).

Въ послѣдніе дни мы имѣли случай наблюдать работу плѣнныхъ на желѣзнодорожной линіи. Ходятъ плѣнные отъ одного участка насыпи до другого не спѣша—словно

---

[1]) Тамъ же.

„среда на пятницу“, трубки покуриваютъ, на дивчатъ под обострастно поглядываютъ, а работы не видно.

Зато свободушка плѣннымъ полная, да отношеніе къ нимъ подрядчиковъ распрекрасное. Въ праздничные дни въ уѣздныхъ городахъ можно всегда видѣть военноплѣнныхъ разгуливающими по базарамъ безъ всякаго за ними присмотра. Что касается желѣзнодорожныхъ плѣнныхъ, то ихъ въ Суражѣ, напримѣръ, имѣютъ честь лицезрѣть базарные завсегдатаи ежедневно, какъ только солнышко скроется за горкой. Подрядчикъ Іокишъ въ своемъ увлеченіи покровительствомъ военноплѣннымъ венграмъ дошелъ до того даже, что ужъ одного изъ нихъ „благословилъ“ авансомъ въ 50 руб., тогда какъ русскимъ рабочимъ никакихъ авансовыхъ выдачъ не полагается. Другой подрядчикъ — Шахновичъ переодѣлъ плѣннаго въ штатскій костюмъ и сдѣлалъ его шофферомъ.

Вотъ и выходитъ, что вражескимъ плѣннымъ у насъ не житье, а масляница.

Гор. Суражъ, Черниг. губ.

А вотъ какъ работаютъ наши плѣнные [1]).

Если взглянуть на карту Южной Буковины, то мѣстность покажется совсѣмъ непроходимой. Даже на послѣднихъ австрійскихъ картахъ, изданныхъ передъ самой войной, показаны въ горахъ южной Буковины все больше горныя тропки. На самомъ же дѣлѣ здѣсь проходятъ превосходныя шоссе, проведенныя лишь за послѣдній годъ руками нашихъ плѣнныхъ. Сколько труда и силъ убито здѣсь! Полуголодные, подъ угрозой штыка, копали они горы, пробивали скалы, засыпали пропасти.

Есть и нѣмой свидѣтель ихъ ужаснаго положенія — захваченный нашими войсками лагерь военноплѣнныхъ.

Лагерь расположенъ въ урочищѣ Даугоришъ, по дорогѣ на Кирлибабу, въ районѣ конскаго завода Бабейко.

Недалеко отъ дороги находится огромный баракъ, обнесенный со всѣхъ сторонъ изгородью изъ колючей проволоки. Баракъ раздѣляется на двѣ части: въ первой коридоръ и шесть комнатъ, по три на каждой сторонѣ, это — комнаты караула и канцелярія; затѣмъ идетъ помѣщеніе

---

[1]) „Рус. Сл.“, 1916, № 176.

для военноплѣнныхъ: огромный сарай, весь задѣланный нарами, съ двумя проходами въ длину и однимъ въ ширину, такъ что здѣсь можно только лежать и сидѣть на нарахъ, иначе помѣщаться невозможно. Воздухъ, несмотря на отсутствіе людей, тяжелый, ибо тутъ же, у бокового прохода, помѣщается отхожее мѣсто. Помѣщалось въ этомъ сараѣ человѣкъ 300—400.

Съ одной стороны колючая изгородь немного отходитъ отъ барака и образуетъ нѣчто въ родѣ дворика, служившаго, вѣроятно, для гулянья плѣнныхъ; здѣсь же помѣщается отхожее мѣсто для стражи.

Съ другой стороны барака, у самой сторожки, мѣсто наказаній: небольшой крытый навѣсъ для часовыхъ и сосна четверти четыре въ обхватѣ. Въ нее вбитъ желѣзный крюкъ въ палецъ толщины, сбоку еще какой-то толстый гвоздь. Здѣсь подвѣшивали нашихъ солдатъ: скуютъ наискось лѣвую ногу и правую руку и повѣсятъ такъ чтобы до земли немного не доставалъ; вѣшаютъ иногда на нѣсколько часовъ, вѣшаютъ за самыя пустыя провинности, и, по словамъ окрестныхъ жителей, двое нашихъ солдатъ умерли на этомъ крюкѣ, не вынеся пытки.

Сестра милосердія приводитъ трогательный, христіанскій разсказъ [1]) умирающаго одного изъ нашихъ героевъ мучениковъ:

Въ лазаретѣ послѣ отправки остался только одинъ тяжело больной солдатъ. Онъ былъ раненъ въ темя. Пуля засѣла въ мозгу. Мучительная боль не давала ему покоя ни на одно мгновеніе. Находясь все время безъ сознанія, солдатъ инстинктивно держалъ голову неподвижно, такъ какъ малѣйшій поворотъ вызывалъ острую боль.

Мы не знали, кто онъ. Билетъ, сопровождающій больного съ обозначеніемъ его имени, фамиліи и съ указаніемъ раненія, былъ утерянъ по дорогѣ. Въ нашъ лазаретъ онъ поступилъ, какъ неизвѣстный. Мы нѣсколько разъ спрашивали, какъ его зовутъ, но онъ не слышалъ насъ. Все время, сидя на кровати, онъ пристально смотрѣлъ вдаль, потомъ начиналъ осторожно сползать съ койки и тихо, тихо звалъ товарища слѣдовать за нимъ.

---

[1]) „Бирж. Вѣд." 1916 г. № 15710.

Больной мозгъ рисовалъ ему удачную развѣдку, и онъ улыбаясь докладывалъ кому-то о расположеніи врага. Но улыбка скоро замѣнялась страдальческимъ выраженіемъ лица. Протяжные стоны наполняли собою пустую палату и гулко раздавались въ ней

Больной замѣтно слабѣлъ съ каждымъ часомъ. Никакія средства не помогали и не въ силахъ были спасти молодой организмъ отъ медленно надвигающейся смерти.

Сознавая свою безпомощность, сестрѣ приходилось бездѣятельно сидѣть подлѣ умирающаго и только слѣдить, чтобы ему было удобно лежать.

Стоны затихли, дыханіе сдѣлалось ровнымъ. Нѣсколько минутъ больной лежалъ совершенно спокойно. Потомъ приподнявшись, удивленно осмотрѣлся вокругъ и спросилъ:

— А гдѣ же нѣмецъ? Я его долженъ поколотить. Онъ попросилъ перевязать рану, а какъ только я нагнулся къ нему, онъ больно ударилъ меня по головѣ, а можетъ и ранилъ; почему такъ жжетъ лобъ? Ты, сестрица, къ нему не подходи, надо сперва взять у него револьверъ,а то всѣхъ перестрѣляетъ,—начиная волноваться, говорилъ больной.

— Нѣмца уже обезоружили. Скажи, какъ тебя зовутъ и откуда ты,—спрашивала сестра, стараясь отвлечь мысли раненаго.

— Зовутъ?... Какъ зовутъ...—силясь что-то вспомнить, повторялъ больной...—Зовутъ... не знаю...,—прошепталъ онъ и жалобно по-дѣтски заплакалъ...

Мучительный бредъ сталъ снова тревожить больного. Черезъ нѣсколько часовъ онъ скончался.

Снявъ съ него фотографію, чтобы отправить въ полкъ для свѣдѣнія, мы положили его подлѣ покойника, умершаго ночью отъ сильныхъ ожоговъ горючей жидкости, примѣненной нѣмцами во время послѣдней атаки.

Устанавливаютъ твердыя цѣны на предметы довольствія, иначе говоря, якобы постоянную таксу. Будетъ ли отъ того лучше? Опыты въ Петроградѣ показали отрицательную его сторону. Стоило только установить таксу, какъ припасы исчезали неизвѣстно куда. Не лучше ли было установить вольныя цѣны, отмѣнить запрещеніе вывоза изъ раіоновъ, распредѣлить вагоны для вывоза запасовъ, гдѣ находятся, снабдить сначала столицы и города, а затѣмъ и всю Россію припасами, разумѣется, при участіи людей, постоянно занимающихся довольствіемъ.

Петроградскому обывателю пришлось видѣть такое событіе въ трамваѣ. Въ трамвай входитъ сестра милосердія и тяжело раненые на костыляхъ. Нѣкоторымъ раненымъ были уступлены мѣста, и въ числѣ уступившихъ мѣсто былъ одинъ генералъ, который затѣмъ ушелъ къ выходу изъ трамвая.

Хлынувшая публика заполнила совсѣмъ вагонъ и когда много вышло народу, то выяснилась такая обстановка. Генералу уступили мѣсто въ началѣ вагона, а три раненыхъ на костыляхъ все еще стояли въ началѣ вагона и никто не хотѣлъ имъ уступить мѣсто.

Генералъ зоветъ кондуктора и проситъ его привести къ нему раненаго, затѣмъ, уступивъ ему мѣсто, идетъ къ тому мѣсту, гдѣ стоятъ солдатики на костыляхъ, и говоритъ сидѣвшимъ: „стыдитесь, вы сидите, а тяжело раненые стоятъ“.

Эти слова прошибли героевъ тыла. Всѣ повскакали съ мѣстъ и раньше всѣхъ женщины. Всѣ раненые были размѣщены.

Во второй половинѣ іюля военныя дѣйствія происходили такимъ образомъ: германцы подвезли къ Ковелю значительныя подкрѣпленія, и самъ кайзеръ создалъ планъ дѣйствій—прорвать нашъ фронтъ и овладѣть Луцкомъ.

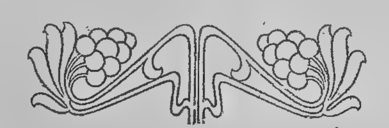
Этотъ планъ не удался. Русскія войска перешли въ Галиціи сами въ наступленіе на правомъ флангѣ отъ линіи желѣзной дороги Рожище—Ковель до р. Бродъ и на лѣвомъ флангѣ по направленію на Станиславовъ на сѣверъ и къ западу отъ деревни Кутты. На крайнемъ правомъ флангѣ завязались упорные бои на р. Стоходѣ, которые тянулись всю половину іюля съ нѣкоторымъ нашимъ продвиженіемъ впередъ, войска генерала Сахарова прорвали фронтъ германцевъ, овладѣли г. Броды и достигли р.р. Граберки и Середа, при чемъ съ 15 по 16 іюля взяли 2 генераловъ, 651 офицеровъ, 32.000 нижнихъ чиновъ и 144 орудія, и съ 22 по 24 іюля 166 офицеровъ и 8415 нижнихъ чиновъ.

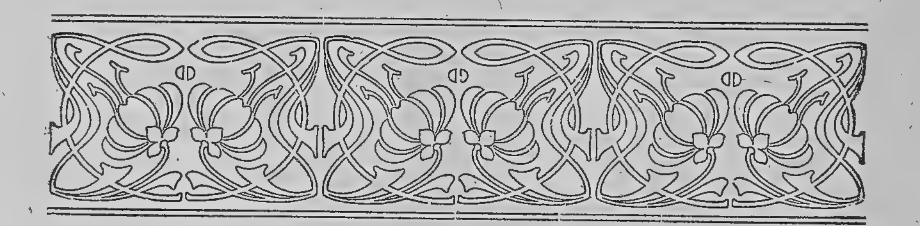
На лѣвомъ флангѣ войска генерала Лечицкаго успѣшно продвигались къ западу отъ Кутты къ р. Ворохтѣ, и къ сѣверу взяли г. Станиславовъ, Тлумачъ и Нижніовъ, прорвали фронтъ противника на 25 верстъ и овладѣли пространствомъ въ 160 кв. верстъ. И 25 іюля взяли 88 офице-

ровъ и 7.400 нижнихъ чиновъ. Послѣдствіемъ дѣйствій войскъ генерала Сахарова и генерала Лечицкаго на обоихъ флангахъ австро-германцевъ было то, что сильно укрѣпленный центръ непріятельской арміи Ботмера передъ Тарнополемъ и Бучачемъ не могъ устоять передъ напоромъ войскъ Щербачева и сдалъ всю линію р. Стрыпы— укрѣпленія д. Глядки, Цеброва, Езерна и Козлова.

Кайзеровскіе приспѣшники турки повели наступленіе на Мушъ-Битлисскомъ, Моссульскомъ и Керманшахскомъ направленіи и взяли Хамаданъ. Наши продвигались успѣшно къ западу отъ Эрзерума.

П. В.

Изъ архивныхъ матеріаловъ.

Неизданныя письма И. С. Тургенева къ своему управляющему, историка и романиста П. П. Каратыгина къ Ю. М. Богушевичу и Н. Курочкина, А. В. Старчевскаго, В. Р. Зотова, Вл. Чуйко, Д. Н. Мамина-Сибиряка и Д. Л. Мордовцева къ редактору „Наблюдателя" А. П. Пятковскому.

I. — „Парижъ, 7 февраля / 26 января 1878 г. Любезный Николай Александровичъ, спѣшу отвѣчать на Ваше послѣднее письмо (вмѣстѣ съ отчетомъ) отъ 19/31 января. Прежде всего (неразборчиво) — Вамъ на мѣстѣ виднѣе—и если Вы полагаете, что арендная цѣна въ 4,000 руб. сер. удовлетворительна—то я даю Вамъ полное согласіе.—Если для этого нужна довѣренность особенная, то пришлите сюда черновую и я тотчасъ отправлю ее къ Вамъ.—Главное дѣло—выбрать человѣка надежнаго (не въ родѣ Волнова)—и выговорить неустойку на случай продажи, какъ это дѣлается въ каждомъ контрактѣ. Что касается до Волнова, то, разумѣется, слѣдуетъ постараться взять, хоть по суду, съ этого плута что будетъ возможно; намѣреніе Ваше—отдать Холодовскимъ крестьянамъ тамошнюю землю въ аренду—одобряю; во всякомъ случаѣ они будутъ надежнѣе Волнова. Мнѣ будетъ пріятно, если Вы, какъ только возможно будетъ, вышлете мнѣ деньги за Казненскій овесъ и первую часть Спасской аренды; теперь же курсъ поправился и, вѣроятно, поправится еще больше, вслѣдствіе мира. Извѣстите меня о мальчикѣ Никитѣ — хорошо ли онъ учится? Надѣюсь, отъ Вашего нездоровья не осталось уже слѣда, кланяюсь Вашимъ родителямъ и всѣмъ

Вашимъ, и жму Вашу руку. Преданный Вамъ Ив. Тургеневъ. P. S. Я получилъ отъ г-жи Гинтеръ письмо съ приложеніемъ Вашего, въ которомъ Вы отъ моего имени предлагаете ей 10 руб. сер. — съ тѣмъ, чтобы она извѣстила Васъ о своемъ согласіи; она увѣряетъ, что извѣстила, но отвѣта отъ Васъ не получила, при чемъ снова повторяетъ просьбу о помѣщеніи ея мужа куда-нибудь въ мое имѣніе прикащикомъ.—Будьте такъ любезны и сообщите г-жѣ Гинтеръ, что у меня теперь, за раздачей всѣхъ имѣній въ аренду, никакихъ мѣстъ для ея мужа нѣтъ—и перешлите ей отъ моего имени 15 руб., въ которыхъ испросите расписку. Адресъ ея: Анна Дмитріевна Гинтеръ, Тамбовской губ., Моршанскаго уѣзда, село Заметчина".

II.—„Буживаль (возлѣ Парижа). Воскресенье, 26/14 авг. 77 г. Любезнѣйшій Николай Александровичъ, я сейчасъ получилъ Ваше письмо.—Благодарю за доставленныя свѣдѣнія о братѣ; г-нъ Малыровскій также написалъ мнѣ подробный отчетъ—и я ему отвѣтилъ. Радуюсь также, что урожай въ К. . . оказался хорошимъ—и съ готовностью даю Вамъ разрѣшеніе застраховать скирды: мѣра весьма полезная. Не знаю, каковы теперь цѣны на хлѣбъ—здѣсь меня увѣряютъ, что стоятъ хорошія; — и потому, если бы Вамъ было возможно къ сентябрю выслать мнѣ нѣсколько денегъ, то онѣ бы пришлись очень кстати. Прошу Васъ передать прилагаемое письмо ко мнѣ Губернскаго Предводителя Тютчева — г-жѣ Малиновской. Анна Ивановна продолжаетъ быть довольна своимъ пребываніемъ въ Спасскомъ — и я Вамъ очень благодаренъ за Ваши хлопоты. Передайте мой дружескій поклонъ всѣмъ Вашимъ и принять увѣреніе въ моемъ уваженіи и преданности. Ив. Тургеневъ".

ПИСЬМО Н. С. КУРОЧКИНА къ А. П. ПЯТКОВСКОМУ.

„Любезный Александръ Петровичъ. Очень сожалѣю, то здоровье не позволило мнѣ воспользоваться Вашимъ любезнымъ приглашеніемъ въ Соляной Городокъ, но я вынужденъ болѣзнью выѣзжать не тогда, когда хочу, а тогда только, когда могу. Такъ, напр., къ Вамъ я собираюсь каждый день, а сегодня, имѣя даже до Васъ надобность, принужденъ ограничиться письмомъ. Дѣло вотъ въ чемъ Завтра выбираютъ комитетъ Литературнаго Фонда и тамъ

составилась партія, не желающая пропускать никого изъ людей извѣстнаго направленія въ литературѣ. Между тѣмъ, если это имъ удастся, то выйдетъ дѣло не красивое. Поэтому я попросилъ бы Васъ написать къ Стоюнину, Никитину и Косенискому, чтобы они были, если могутъ, на собраніи и поддержали кандидатовъ, которыхъ желаетъ наша партія, а именно:

Некрасова,
Гаевскаго,
Ефремова и
Гайдебурова.

Каждый голосъ важенъ, такъ какъ предполагается, что соберется не болѣе 30 человѣкъ и дѣло рѣшается простымъ большинствомъ голосовъ. Любящій Васъ Н. Курочкинъ".—1874 г.

ПИСЬМО П. КАРАТЫГИНА къ Ю. М. БОГУШЕВИЧУ.

„1 декабря 1876 г. Милостивый Государь Юрій Михайловичъ. Чтобы не задерживать Вашего посланнаго я отпустилъ его съ книгами и рукописью безъ письменнаго отвѣта на Ваше любезное письмо. Прошу извинить меня за эту торопливость. Дѣлаясь сотрудникомъ Вашего журнала, я, само собою, позволяю себѣ считаться въ числѣ людей искренно желающихъ Вамъ совершеннѣйшаго успѣха и по мѣрѣ силъ ему содѣйствующихъ. Льщусь надеждою, что дверь Вашего кабинета не будетъ заперта для меня; но, съ тѣмъ вмѣстѣ, душевно благодаря Васъ за радушное приглашеніе посѣщать Васъ въ опредѣленные дни, считаю долгомъ сознаться, что не имѣю возможности имъ воспользоваться. Образъ моей жизни самый замкнутый и уединенный, границы его — четыре стѣны моего кабинета. Отчужденный отъ общества я совершенный медвѣдь и нелюдимъ. Моя молчаливость въ кругу лицъ, размѣнивающихся мнѣніями или интимно бесѣдующихъ, будетъ непріятной паузой въ гармонической симфоніи. Кромѣ того мое *инкогнито* (о которомъ я просилъ Васъ) будетъ нарушено: *явное* сотрудничество въ новомъ періодическомъ изданіи можетъ поставить меня въ непріятное положеніе предъ М. И. Семевскимъ, съ которымъ до сихъ поръ я нахожусь въ самыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ. Надѣюсь,

что мое откровенное признаніе будетъ принято Вами sine ira и не нарушитъ Вашего добраго ко мнѣ расположенія. При нашемъ свиданіи у М. А. Хана я упоминалъ Вамъ о переводахъ съ нѣмецкаго: если въ настоящее время у Васъ есть въ виду какая-нибудь новинка изъ нѣмецкой литературы, то позволю себѣ опять напомнить о сестрѣ моей: зная отлично оба языка, она переводитъ чисто и *очень скоро*. При семъ препровождаю къ Вамъ оглавленіе двухъ главъ мною переведенныхъ—по присланному Вами изданію книги Клячко: въ Révue des Deux Mondes главы были расположены и нумерованы иначе. Поручаю себя Вашему доброму ко мнѣ расположенію, прошу Васъ принять увѣреніе въ совершенномъ уваженіи, постоянной и усердной готовности къ услугамъ Вашимъ П. Каратыгинъ".

ПИСЬМА А. В. СТАРЧЕВСКАГО къ А. П. ПЯТКОВСКОМУ.

1. „Честь имѣю препроводить къ Вашему Превосходительству, по Вашему желанію, сегодня вечеромъ, статьи мои о Дружининѣ и гр. Е. П. Ростопчиной. Такихъ статей, кромѣ профессоровъ, нельзя ожидать теперь отъ нашего молодого поколѣнія, которое много толкуетъ, а мало дѣлаетъ. Надъ Дружининымъ я порядочно посидѣлъ, зато вышла вещь хоть куда. Не многіе наши журналы могутъ похвалиться такими статьями. Это скорѣе беллетристическій разсказъ, чѣмъ литературный этюдъ—такъ легко написана вся статья. Пришлось разобрать до 160 писемъ его ко мнѣ, изъ которыхъ приведено только 20, характеризующихъ его личность. Я сдѣлалъ такъ, какъ Вы желали, нигдѣ не расхваливалъ его, а старался воздать ему по заслугамъ. Въ статьѣ очень много фактовъ, вовсе неизвѣстныхъ нашимъ даже ученымъ литераторамъ. Письма Ростопчиной тоже представляютъ не малый интересъ—баба была геніальная, въ этомъ нельзя отказать ей. Завтра, въ 2 часа буду имѣть честь явиться къ Вамъ. Съ глубокимъ уваженіемъ и преданностью имѣю честь быть Вашего Превосходительства готовый къ услугамъ А. Старчевскій. P. S. Мнѣ все что-то чудится, что С. О. не уйдетъ отъ нашихъ рукъ. А. С. 6-го марта 1885 г. Спб.".

2. „Многоуважаемый Александръ Петровичъ. Отъ такъ называемаго А. В. Старчевскаго, автора Монферрана, остался одинъ скелетъ или чучело, напиханное не деревянными

опилками, а разнаго рода и вида медикаментами. Этотъ скелетъ уже три недѣли не оставляетъ постели. Такъ какъ сегодня уже 6-ое декабря и по прочитанной мною корректурѣ видно, сколько выйдетъ изъ моей статьи, и слыша, что подписка на „Наблюдатель" идетъ лучше, чѣмъ на другіе журналы, поэтому рѣшаюсь всепокорнѣйше просить Васъ выдать мнѣ въ счетъ декабрьской статьи моей двадцать пять рублей сер., въ которыхъ при семъ прилагаю росписку. Доктора, аптека и дневное пропитаніе мучаютъ меня, а я лежу безъ гроша мѣднаго—прежній владѣлецъ дома Монферрана и Румянцевскаго Музея. Что дѣлать. Sic fata tulere... Едва-ли статья о Монферранѣ не послѣдній мой трудъ. Искренно уважающій Ваше Превосходительство и готовый къ услугамъ скелетъ А. В. Старчевскій, 6-го декабря 1885 г. P. S. Деньги прошу передать въ заклеенномъ конвертѣ подательницѣ этого письма. А. В. С.".

3. „Ваше Превосходительство. Отъ всей души приношу Вамъ мою искреннюю благодарность за Ваше любезное письмо. Я никогда не сомнѣвался въ томъ, что Вы цѣните по достоинству мои труды. Теперь и стороной до меня доходятъ слухи, что моей статьей о Монферранѣ очень довольны. Здоровье мое поправляется, но медленно. Позвольте пожелать Вамъ веселыхъ праздниковъ и богатой подписки. Я не сомнѣваюсь, что дѣло Ваше пойдетъ хорошо. Обращаюсь къ прозѣ жизни: покорнѣйше прошу Васъ приказать выдать подательницѣ моего письма слѣдующія мнѣ за мою статью деньги, за вычетомъ уже присланныхъ мнѣ въ прошлый разъ. Пожелавъ Вамъ еще разъ здоровья и громадной подписки, считаю долгомъ сказать, что какъ только окрѣпнутъ мои силы, я постараюсь побывать въ редакціи и объясниться на счетъ будущихъ трудовъ. Теперь же мнѣ остается просить Васъ возвратить мнѣ оригиналъ статьи о Монферранѣ и приказать выдать два отдѣльныхъ оттиска послѣдней статьи. Съ глубокимъ уваженіемъ и таковою же преданностью имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою А. В. Старчевскій. 20-го декабря 1885 г. Спб.".

4. Позвольте, Ваше Превосходительство, поблагодарить Васъ за благородный поступокъ относительно меня. Появленіе статьи моей о Сѣровѣ для меня очень важно... Теперь позвольте предложить Вамъ для апрѣльской книжки „Наблюдателя" статью объ умершемъ на дняхъ В. П. Гаевскомъ, какъ литераторѣ, начавшемъ у меня въ „Библіотекѣ

для чтенія" свое поприще, сдѣлавшемъ себѣ извѣстность статьей о Пушкинѣ и откуда онъ почерпалъ для того матеріалы и наконецъ какое значеніе имѣлъ Гаевскій для русской литературы, хотя и не оставилъ послѣ себя капитальныхъ трудовъ. Онъ былъ даровой литературный посредникъ, литературная повивальная бабка, ходатай по литературнымъ дѣламъ и проч. За адвокатство онъ взялся какъ за болѣе вѣрный кусокъ хлѣба, чѣмъ какой ему могла доставить литературная сума, съ которой бы ему приходилось ходить по редакціямъ и собирать литературную милостыню...

Я съ Гаевскимъ былъ друженъ, много объ немъ знаю и могу написать объ немъ очень горячую статью, которую прочтутъ съ удовольствіемъ и которая можетъ быть готова къ 20 марта. Жду отвѣта, согласны ли Вы на мое предложеніе. Имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою А. В. Старчевскій, 6 марта 1888 г.".

ПИСЬМА В. Р. ЗОТОВА къ А. П. ПЯТКОВСКОМУ.

1. „10 августа 1892 г. „Политика" отправляется въ типографію сегодня же вмѣстѣ съ рецензіею новыхъ книгъ— въ четыре страницы. Поэтому продолжайте себѣ купаться въ вашемъ заливѣ, если находите это полезнымъ, и не спѣшите очень въ Петербургъ, пока въ немъ неопредѣлится ходъ эпидеміи. Покамѣстъ 60—70 человѣкъ въ день съ десяткомъ-другимъ смертей при населеніи въ (неразборчиво)— немного. Да на болѣзнь мало кто и вниманіе обращаетъ, мокнутъ попрежнему подъ дождемъ въ Аркадіяхъ, а согрѣваются въ давкѣ у тотализаторовъ на разныхъ скачкахъ. Подалъ въ отставку Вышнеградскій — неизвѣстно только отъ финансовой или отъ дѣйствительной болѣзни и рекомендовалъ вмѣсто себя—Витте—вотъ вамъ и всѣ петербургскія новости. Августовская книжка интересна и разнообразна. Но что сдѣлалось съ Чуйко, отстаивающимъ въ своей статьѣ метафизику и цитирующимъ цѣлыя страницы изъ Вл. Соловьева? Не для противодѣйствія ли метафизическимъ бреднямъ и восхваленію философа, тащившаго наше плохое православіе подъ благословеніе еще болѣе плохого католицизма—помѣстили вы вслѣдъ за чуйковскою статьею другую, осмѣивающую по заслугамъ этого Хлестакова отъ философіи. Жаль только, что авторъ вмѣстѣ

съ тѣмъ отдѣлалъ и Волынскаго, да такъ рѣзко, что противъ такой полемики возсталъ и Буренинъ во вчерашнемъ фельетонѣ, цитируя выходки К—скаго. О бездарномъ В. критикамъ пожалуй дѣйствительно не стоило отзываться съ такою запальчивостью, но Соловьева стоило продернуть не только со стороны его литературныхъ благоглупостей, но за его дикія мнимофилософскія измышленія. Отдыхайте же сколько можете въ Маіоренгофахъ и не спѣшите въ нашъ Генераленгофъ, гдѣ по прежнему достаточно скверно и грязно. С. С. поблагодарите за память обо мнѣ. Вашъ В. Зотовъ".

2. „25 апрѣля. Удѣльная. Посылаю вамъ рецензіи въ іюньскую книжку журнала и прошу представить еще разъ въ цензурный комитетъ мою рецензію на книгу Любимова. Комитетъ можетъ выбрасывать изъ моей статьи то, что ему кажется непозволительнымъ, но ему можно напомнить, что даже въ елагинскія и мусинъ-пушкинскія времена никогда не запрещались отзывы о книгахъ, только что вышедшихъ изъ печати, и только потому, что отзывъ былъ неблагопріятный, а книга благонадежная. Критика эстетическая и литературная вовсе не обязана слѣдить за благонамѣренностью книгъ—на это существуетъ цензура. Мало ли въ каждой литературѣ совершенно благонамѣренныхъ, но и совершенно бездарныхъ вещей. Да и въ книгѣ Любимова я указываю на многія хорошія стороны ея. Она поручена мнѣ для отзыва редакціею—и моя обязанность была высказать объ ней безпристрастное мнѣніе. Непомѣщеніе моей рецензіи доказываетъ согласіе редакціи съ цензурой, чего я впрочемъ не думаю, и если отзывъ мой хотя бы съ урѣзками не появится въ іюньской книжкѣ, это принудитъ меня, для избѣжанія напрасной потери труда и времени, обратиться къ работамъ другого рода, тѣмъ болѣе, что рецензіи—трудъ вовсе не легкій и не привлекательный. Вашъ В. Зотовъ".

3. „12 іюня 1895 г. Воспитанница моя говорила мнѣ о желаніи вашемъ, чтобы лѣтомъ мои статьи доставлялись раньше; но при моемъ нездоровьи это для меня положительно невозможно. Я пишу съ трудомъ, да и диктовать не могу скоро. Поэтому вамъ надо пріискать сотрудника помоложе меня. Я не только не буду въ претензіи, если вы дадите, послѣ 15 сезонной работы у васъ отдыхъ на лѣто, но буду даже очень благодаренъ. Раньше 5 числа (рецензіи) и 12 (политика) я не могу прислать статьи. Поэтому

распорядитесь какъ вамъ будетъ удобнѣе и за мѣсяцъ или за два дайте мнѣ знать, когда я долженъ прекратить мою работу. Преданный Владиміръ Зотовъ".

4. „29 сентября 1895 г. Въ началѣ сентября я думалъ окончательно проститься съ вами и съ „Наблюдателемъ"— до того мнѣ было плохо. Силы до того ослабѣли, что меня поворачивали съ боку на бокъ на кровати. Въ то же время это былъ дѣйствительный первый отдыхъ, заставившій меня бросить перо, за которое я взялся 60 лѣтъ назадъ, съ 15-ти лѣтняго возраста, когда началъ писать. Но къ моему и къ общему удивленію кризисъ этотъ кончался постепеннымъ укрѣпленіемъ и къ половинѣ мѣсяца я уже могъ и читать и бесѣдовать, какъ прежде, а теперь я думаю, отдохнувъ еще немного, попробовать опять диктовать. Надо кончить біографію Сѣрова по неизданнымъ его письмамъ ко мнѣ, начатую для Шубинскаго, а потомъ примусь за обѣщанные вамъ „Очерки иностранной литературы" и повѣсть. Пожалуй вамъ и еще не такъ скоро придется разстаться съ вашимъ сотрудникомъ. Посланная вамъ „политика" опоздала въ сентябрьскую книжку, хотя въ нее вошла статья о новой части свѣта и еще что-то. За книгой я не посылалъ и потому прошу прислать ее съ октябрьской, съ небольшимъ гонораромъ, причитающимся за нихъ. Въ октябрѣ я еще вѣроятно ничего не пришлю, но это будетъ послѣдній отдыхъ. Теперь чувствую себя гораздо крѣпче. Искренно преданный В. Зотовъ".

5.—„7 ноября 1895 г. Посылаю три рецензіи въ декабрьскую книжку и „Фонографъ". „Очерки иностранной литературы" не окончилъ: боюсь утомить себя усиленной работой и отдыхаю въ ничегонедѣланіи, чего не испытывалъ лѣтъ 60-ть. Видѣли, какъ газеты набросились на Сѣрова. „Новое Время" напечатало даже панегирикъ по поводу 30-ти лѣтней годовщины постановки „Рогнѣды" и помѣстило его бюстъ намогильный. Теперь было бы самое удобное время тиснуть въ „Наблюдателѣ" его неизданныя любопытныя письма. Я болѣе потому прислать вамъ статью поторопился, что хотѣлъ послѣ болѣзни возродиться въ вашемъ журналѣ. Въ случаѣ затрудненій съ вашей стороны возвратите статью; я пошлю ее Шубинскому, но надо поскорѣе. Вашъ преданный Вл. Зотовъ".

ПИСЬМО В. ЧУЙКО къ А. П. ПЯТКОВСКОМУ.

„Спб., 28 іюля 1892 г. Многоуважаемый Александръ Петровичъ. Въ Вашей конторѣ мнѣ сказали, что Вы благополучно добрались до Маіоренгофа. Поэтому, пишу туда, исполняя Ваше порученіе сообщить Вамъ то, что я задумалъ для моихъ работъ на осеннія книжки. Кромѣ статьи о Зола, статьи, о которой мы уже бесѣдовали съ Вами, было бы недурно, мнѣ кажется, дать небольшую статью о Мопассанѣ. Послѣ Зола, Мопассанъ—самый выдающійся изъ современныхъ беллетристовъ; онъ тѣмъ болѣе интересенъ, что въ его произведеніяхъ замѣтна новая нота французскаго натурализма. Кромѣ того, благодаря душевной болѣзни, постигшей его въ прошломъ году,—его литературная дѣятельность закончена, слѣдовательно, о немъ можно говорить теперь безъ всякихъ оговорокъ. Болѣе важной статьей я бы считалъ еще статью о Шелли, англійскомъ лирическомъ поэтѣ, столѣтняя годовщина со дня рожденія котораго будетъ праздноваться въ Англіи въ августѣ. Шелли—величайшій изъ лирическихъ поэтовъ 19 вѣка. У насъ онъ мало извѣстенъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе крайней трудности переводить его. Въ Англіи вотъ уже нѣсколько лѣтъ существуетъ спеціальное ученое общество, посвященное Шелли. Вообще, огромное значеніе его для современной европейской литературы не подлежитъ сомнѣнію. Сообщите мнѣ, какъ вы смотрите на мои предложенія. Какъ только я получу Вашъ отвѣтъ, сейчасъ же примусь за дѣло. Преданный Вамъ Вл. Чуйко".

ПИСЬМА Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА къ А. П. ПЯТКОВСКОМУ.

1. „8 декабря 1887 г. Екатеринбургъ. Многоуважаемый Александръ Петровичъ. Прежде всего считаю своею обязанностью обратить ваше вниманіе на мое комическое положеніе, именно, обыкновенно г.г. редакторы предлагаютъ авторамъ дѣлать поправки и передѣлки, а г.г. авторы обижаются и уступаютъ, скрѣпя сердце, здѣсь же авторъ предлагаетъ свои покорныя услуги, а редакторъ отмахивается обѣими руками. Большихъ передѣлокъ я не буду дѣлать, уступая Вашему желанію, но то, о чемъ писалъ Вамъ при

посылкѣ статьи, я долженъ исполнить, какъ добросовѣстный авторъ. Количество главъ и печатныхъ листовъ пусть остается то же, но послѣднія главы я переработаю—кромѣ убытка для меня въ этомъ хорошемъ намѣреніи ничего нѣтъ, поэтому Вы обязаны смилостивиться въ концѣ концовъ... Во первыхъ нужно мотивировать самоубійство Сажина, во вторыхъ выяснить его разрывъ съ генеральшей и отношенія къ ней послѣ этого разрыва и, въ третьихъ, сгладить слишкомъ рѣзкое превращеніе либераловъ въ индифферентистовъ. Нужно оставить хоть 3 праведниковъ, ибо безъ этихъ 3 „нѣсть граду стоянія". Что касается названія, то Господь съ нимъ: мнѣ все равно, какъ и Вамъ. Во всякомъ случаѣ, дѣло не въ названіи. Примите увѣреніе въ истинномъ почтеніи и преданности Д. Маминъ. P. S. Передѣлки пришлю въ январѣ. Беру смѣлость попросить Васъ еще разъ, нельзя ли будетъ высылать мнѣ оттиски, а то я „Летнихъ" не имѣю совсѣмъ".

2.—„27 февраля 1888 г. Екатеринбургъ. Многоуважаемый Александръ Петровичъ. Судьбѣ угодно, чтобы Ваше желаніе исполнилось: романъ останется безъ передѣлокъ. Причина этому та, что, не смотря на все свое желаніе, я долженъ отказать себѣ въ удовольствіи передѣлать еще разъ—нѣтъ времени. Мое прекрасное далеко мѣшаетъ дѣлу больше всего: когда напишешь, когда перепишешь, когда рукопись дойдетъ до Петербурга, а тамъ уже книжка въ наборъ пошла. По хохлацкой пословицѣ, выше лба очи не растутъ... Извиняюсь за несдержанное обѣщаніе и утѣшаюсь только тѣмъ, что понесу за него соотвѣтствующую казнь, яко авторъ „романа". Примите увѣреніе въ истинномъ почтеніи и преданности. Готовый къ услугамъ Д. Маминъ. P. S. Нельзя ли будетъ выслать мнѣ оттиски „Именинника". Я уже писалъ Вамъ объ этомъ, но до сихъ поръ отвѣта еще не получилъ и поэтому рѣшаюсь напомнить вторично".

3.—„25 мая 1891 г. Лѣсной. Ваше Превосходительство Александръ Петровичъ. Былъ лично въ редакціи недѣлю тому назадъ и оставилъ рукопись легенды о ханѣ Кучюмѣ,—это своего рода татарское „Слово о полку Игоревѣ". Мои условія 100 руб. за листъ. Вещь въ своемъ родѣ единственная. Хотѣлось лично переговорить съ вами, но въ тотъ четвергъ не удалось передать Вамъ своей карточки, а въ назначенные Вами дни не могъ быть, потому что переѣзжалъ на дачу въ Лѣсной. Предметъ моихъ перего-

воровъ слѣдующій: я хотѣлъ предложить Вамъ романъ на 1892 годъ. Романъ будетъ о хлѣбѣ, дѣйствующія лица—крестьянинъ и купецъ хлѣбникъ. Хлѣбъ—все, а въ Россіи у насъ въ особенности. Цѣна „строитъ цѣну" на все остальное, и отъ нея зависитъ вся промышленность и торговля. Собственно въ Россіи тотъ процессъ, какимъ хлѣбъ доходитъ отъ производителя до потребителя, трудно прослѣдить, потому что онъ совершается на громадномъ разстояніи и давно утратилъ типичныя переходныя формы отъ первобытнаго хозяйства къ капиталистическимъ операціямъ. Я беру темой Зауралье, гдѣ на разстояніи 10—15 лѣтъ всѣ эти процессы проходятъ во-очію. Собственно, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является р. Исеть, перерѣзывающая благословенное Зауралье. Это единственная въ Россіи рѣка по своей населенности и работѣ; на протяженіи 300 верстъ своего теченія она заселена почти сплошь, на ней 20 большихъ мельницъ, 2 города, нѣсколько фабрикъ, винокуренныхъ заводовъ и разныхъ сибирскихъ „заимокъ". Бассейнъ Исети снабжалъ своей пшеницей весь Уралъ и слылъ золотымъ дномъ. Центръ хлѣбной торговли—уѣздный городъ Шадринскъ процвѣталъ, мужики благоденствовали. Все это существовало до того момента, когда открылось громадное винокуренное дѣло, а затѣмъ уральская желѣзная дорога увезла зауральскую пшеницу въ Россію. На сценѣ появились громадные капиталы—мелкое хлѣбное купечество сразу захудало. Хлѣбные запасы крестьянъ были скуплены, а деньги ушли на ситцы, самовары и кабаки. Теперь это недавнее золотое хлѣбное дно является ареной періодическихъ голодовокъ и главными виновниками ихъ являются винокуреніе и вторженіе крупныхъ капиталовъ. Всѣ эти процессы проходятъ наглядно, и тэма получаетъ глубокій интересъ. Я собиралъ для нея матеріалы въ теченіе 10 лѣтъ и все не могъ рѣшиться пустить ихъ въ ходъ. Главное условіе для меня то, чтобы не представлять въ редакцію всего романа заразъ, а частями—первыя части будутъ готовы къ концу октября. Относительно условій гонорара, надѣюсь сойдемся. Вообще, мнѣ интересно было видѣть Васъ лично, чтобы переговорить объ этомъ подробно, а всего не напишешь. Примите увѣреніе въ истинномъ почтеніи и глубокой преданности, Д. Маминъ".

ПИСЬМА Д. Л. МОРДОВЦЕВА къ А. П. ПЯТКОВСКОМУ.

1.—„3 декабря 1883 г. Милостивый Государь Александръ Петровичъ. Нынѣшней весной, послѣ зимняго леченія въ Ментонѣ, я совершилъ поѣздку по Испаніи и по Италіи. Результатомъ моихъ скитаній являются два описанія въ формѣ записокъ бродяги: первое—окончено раньше и сдано Стасюлевичу, который и начнетъ его печатать въ „Вѣстн. Европы“ съ новаго года; второе „По Италіи“ я желалъ бы предложить для Вашего журнала. Если, въ принципѣ, Вы ничего не имѣете противъ моего имени и моего труда, то я передалъ бы его Вамъ для ознакомленія съ нимъ и рѣшенія—годится ли онъ для Васъ. Хотя онъ еще не оконченъ (остаются замѣтки только о Флоренціи и Венеціи: Геную, Пизу, Римъ, Неаполь, Помпею—я кончилъ), но я могу дать Вамъ то пока, что уже готово. Если же для Васъ эта работа не нужна, то будьте добры увѣдомить меня: тогда я отошлю ее Юрьеву въ Москву. Искренно Васъ уважающій Д. Мордовцевъ“.

2. „17 января 1885 года. За что Вы меня презираете, многоуважаемый Александръ Петровичъ? Али я не достоинъ получать „Наблюдатель“? Я не имѣлъ чести получить 1-й кн. А потому-царь государь, смилуйсь, пожалуй!—вели высылать мнѣ твой журналъ, а пошлину за оный указомъ твоимъ государевымъ повели взимать съ меня, съ твоего государева жалованья за мои тебѣ, холопа твоего Данилки вѣрную службу моими „похоронами“ всея великія Русіи Холопъ твой и богомолецъ Данилка, Мордовскія земли твой, государевъ, служилый человѣчишко“.

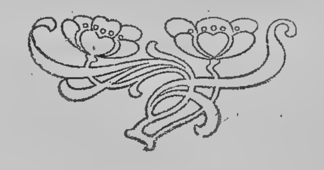
3. „8 декабря 1893 года. Многоуважаемый Александръ Петровичъ. Встрѣтивъ васъ (въ кои то годы) на юбилейномъ обѣдѣ Григоровича, я вспомнилъ, что давно уже, очень давно не появлялся въ пачати подъ вашимъ любезнымъ „наблюденіемъ“. Ну, и потянуло вновь на знакомыя страницы... Если „портфель редакціи“ почтеннѣйшаго Ефима Простосердова, какъ говорится, не переполненъ до краевъ, то не всунете ли Вы, хотя на вторую половину 1894 г., въ оный (портфель) мое новое историческое чадо—романъ изъ исторіи завоеванія Кавказа, собственно Абхазіи. Это—событія—съ 1808 по 1824 г.г.—полныя крооваваго драматизма. Вѣдь абхазцы—это самое строптивое племя, чистые сыны Прометея, когда-то томившагося въ ихъ горахъ.

Романъ поэтому озаглавленъ—„Прометеево потомство".— Если Вы не переполнены черезъ край и ничего не имѣете противъ новаго романа (Алексѣи Михайловичи и проч.— ужъ слишкомъ истерты господами романистами), то благоволите черкнуть—когда я могу представить вамъ моихъ Прометеевъ, терзаемыхъ „двуглавымъ" орломъ Юпитера. Искренно уважающій васъ Д. Мордовцевъ".

4. „1 января 1897 г. Многоуважаемый Александръ Петровичъ. Простите „діда Данилу" и снизойдите къ его старческой дряхлости. Я собирался, по Вашему письму, быть у Васъ на праздники, но немощь моя распорядилась иначе:—Бертенсонъ, въ виду моего „arteriites chron" прописалъ мнѣ порядочную порцію kalii jodati. А это кушанье дѣлаетъ со мною то, что мой организмъ долженъ избѣгать охлажденія, особенно въ настоящіе морозные дни. Если поправлюсь—тогда другое дѣло. А теперь—пока—съ Новымъ годомъ и новой кипучей дѣятельностью, обусловливаемою „Гласностью". Глубочайшее почтеніе Вашей супругѣ. Искренно преданный. Д. Мордовцевъ".

5. „17 октября 1887 г. Многоуважаемый Александръ Петровичъ. Преподносимая Вамъ книга три раза была арестована цензурой, три раза велѣли перепечатать ея заглавіе (была она раньше названа—„Жертва общественнаго недуга", что можно видѣть внизу 2-го печатнаго листа и на другихъ листахъ; теперь она „Изъ прошлаго"; (уничтожили въ ней 70 страницъ) см. стр. 32—43, 184—192, а во 2-мъ томѣ—187—202 и т. ц. и т. д., чего—т. е. такой пагинаціи въ книгахъ у насъ не бывало). А сколько пришлось перепечатать, переброшюровать. Третій арестъ былъ послѣ 1-го марта!—точно моя книга—динамитъ. И съ издателя Лебедева взяли подписку—не публиковать о ней. А продавать можно! Весь Вашъ Д. Мордовцевъ".

Сообщилъ **С. Шпицеръ**.

МИМОХОДОМЪ.

Дуэль Беклемишева съ Неклюдовымъ.

Въ 1858 году генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Муравьевъ, по занятіи Амурскаго края, опубликовалъ въ газетахъ вызовъ на службу лицъ съ высшимъ образованіемъ, преимущественно юридическимъ, для опредѣленія на предположенныя тамъ должности по гражданскому управленію.

Соблазнившись этимъ вызовомъ, четверо студентовъ нашего (Кіевскаго) университета: Реутскій, Липко, Корсунъ и я, рѣшились попытать счастья въ далекой странѣ, привлеченные славой Муравьева, который, по словамъ газетъ „цѣнитъ въ людяхъ только честность и трудъ, а на протекціи и связи не обращаетъ никакого вниманія".

Первый изъ насъ, Реутскій, устроился благополучно, благодаря случайной встрѣчѣ съ кяхтинскимъ градоначальникомъ Деспотомъ-Зеновичемъ, который предоставилъ ему должность по судебному вѣдомству съ достаточнымъ вознагражденіемъ. А какъ устроились остальные, видно изъ нижеслѣдующаго изложенія.

Я пріѣхалъ въ Иркутскъ въ августѣ 1859 г. Время это было самое неблагопріятное. Весь городъ раздѣлился на два лагеря: одни утверждали, что между Беклемишевымъ и Неклюдовымъ происходила правильная дуэль, другіе — что Беклемишевъ убилъ Неклюдова предательскимъ способомъ. Мои товарищи-студенты принадлежали ко второй категоріи, очутились такимъ образомъ въ опозиціи къ предержащей власти, стоявшей за Беклемишева, и, конечно, претерпѣли разныя невзгоды.

Вотъ, что они разсказали. Николай Николаевичъ Муравьевъ окружилъ себя молодежью изъ числа лицеистовъ, во главѣ которыхъ стоялъ любимчикъ „Ѳединька" Беклемишевъ, какъ звали его въ обществѣ, вѣроятно, за его маленькій ростъ и узенькіе татарскіе глаза. Онъ состоялъ старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій и пользовался неограниченнымъ довѣріемъ Муравьева; ему поручались огромной важности дѣла, сопряженныя съ крупными расходами казны, напр. водвореніе переселенцевъ въ Забайкальской области, и никакія жалобы, что бы онъ ни дѣлалъ, не принимались во вниманіе. Все раболѣпствовало предъ Беклемишевымъ; кому онъ благоволилъ, тотъ пользовался благосклонностію Муравьева, кто попалъ въ немилость „Ѳединьки", тому приходилось очень плохо.

Ближайшими друзьями Беклемишева и товарищами по Александровскому лицею были Анненковъ и Гурьевъ. Первый былъ младшимъ чиновникомъ особыхъ порученій и, какъ человѣкъ богатый (помѣщикъ Тверской губерніи), служилъ исключительно изъ-за отличій — чиновъ и орденовъ. Второй—Гурьевъ, родной внукъ извѣстнаго министра финансовъ, состоялъ иркутскимъ исправникомъ и считался честнымъ и распорядительнымъ чиновникомъ. Собственно о служебныхъ дѣйствіяхъ Анненкова и Гурьева неблагопріятныхъ отзывовъ въ обществѣ не было, но близость ихъ къ Беклемишеву бросала невыгодную тѣнь и на ихъ репутацію.

Былъ еще одинъ чиновникъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ Неклюдовъ, правовѣдъ по образованію и аристократъ по происхожденію. Его отца въ то время уже не было въ живыхъ, а мать была статсъ-дамой при Императрицѣ Маріи Александровнѣ. Этотъ юноша былъ совсѣмъ иного склада: умный, хорошо воспитанный, обезпеченный матеріально, онъ не для карьеры пріѣхалъ въ Иркутскъ — карьера обезпечена ему была и въ Петербургѣ, — а съ горячимъ желаніемъ принесть обществу и государству посильную пользу и пріобрѣсть служебный опытъ для будущей дѣятельности. Увы, желанію этому не суждено было осуществиться. Суровый Муравьевскій режимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ произвольные поступки его любимца и крайняя приниженность общества оттолкнули его отъ Муравьевскаго кружка и отъ сибирской службы и побудили желать возвратиться въ Петербургъ.

При Муравьевѣ, какъ извѣстно, происходили крайне

оживленныя сношенія съ центральнымъ управленіемъ Китая, такъ какъ мѣстные амбань-бейсы уклонялись принимать какое-либо участіе въ рѣшеніи не только общихъ, но даже и мѣстныхъ пограничныхъ дѣлъ, изъ опасенія навлечь на себя неудовольствіе властолюбиваго и всесильнаго князя Гун-син-вана. Это вызывало необходимость частой отправки въ Китай курьеровъ съ политическими депешами.

Путевыя пособія курьерамъ отъ Иркутска до Троицкосавска выдавались по чинамъ и по числу верстъ (550), далѣе же по Монголіи до Пекина — по числу станцій или, вѣрнѣе, подставъ свѣжихъ лошадей для курьера и его багажа, по 3 плитки ямбоваго серебра (т.-е. 6 р.) на каждую подставу, а впослѣдствіи по 3 серебряныхъ рубля = по курсу 4 р. 50 к., при чемъ никакой отчетности въ расходѣ того и другого вида путевыхъ пособій не требовалось.

Обыкновенно курьерами посылали или чиновниковъ дипломатической канцеляріи или кого-либо изъ переводчиковъ китайскаго и монгольскаго языковъ. Но одинъ разъ такое порученіе было дано Неклюдову. И вотъ, когда онъ возвратился изъ Пекина, то неизвѣстно кѣмъ былъ пущенъ слухъ, что онъ не уплачивалъ ямщикамъ монголамъ сполна всѣхъ денегъ по положенію, а оставилъ будто бы прогоны въ свою пользу. Кто распустилъ эту клевету, осталось неизвѣстнымъ; но предполагать можно, что—тотъ, кому это было нужно, кто чувствовалъ за собою грѣхи и опасался разоблаченія ихъ Неклюдовымъ.

Несмотря на всю нелѣпость этого слуха, несмотря на разслѣдованіе, произведенное переводчикомъ Головкинымъ, при чемъ опрошенные ямщики монголы рѣшительно заявили, что свои ланы они получили сполна, несмотря на удостовѣреніе китайскаго пограничнаго начальника (дзаргучея), что къ нему отъ ямщиковъ не поступало ни одной жалобы,—клевета, какъ всегда, сдѣлала свое дѣло: иркутское общество изъ угодливости предъ Беклемишевымъ закрыло двери Неклюдову. Ему остались вѣрными только двое друзей Панасевичъ и Чаплеевскій; но первый былъ тяжело боленъ и много мѣсяцевъ лежалъ въ постели, а второй былъ командированъ въ тайгу на частные пріиски для разслѣдованія злоупотребленій, допущенныхъ золотопромышленниками въ отношеніи рабочихъ. Неклюдовъ остался одинокимъ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ конца

весенней распутицы, чтобъ воспользоваться обѣщаннымъ ему отпускомъ въ Петербургъ.

Но этому не суждено было сбыться. Въ апрѣлѣ 1859 г., въ одинъ изъ пасхальныхъ дней, Неклюдовъ, истомленный одиночествомъ и невеселыми думами „безъ вины виноватаго", рѣшился пойти въ иркутскій клубъ, чтобъ почитать газеты и журналы. Не будучи членомъ клуба, онъ всегда записывался на имя своего друга Панасевича; такъ онъ поступилъ и на этотъ разъ. Но, какъ только онъ вошелъ въ танцовальную залу въ моментъ перерыва танцовъ, къ нему обратился дежурный старшина Беклемишевъ, и узнавъ, что онъ записался на Панасевича, умышленно громко сказалъ: „здѣсь Панасевича нѣтъ, уходите вонъ". Неклюдовъ не сталъ спорить, понявъ, что Беклемишевъ желалъ устроить крупный скандалъ, и поэтому, повернувъ обратно, онъ тихо и спокойно сказалъ: „помните, Ѳединька вамъ это даромъ не пройдетъ".

Можно представить, каково было душевное состояніе Неклюдова послѣ нанесеннаго ему оскорбленія: онъ весь былъ поглощенъ мыслью отомстить, жестоко, безпощадно, отомстить немедленно. Съ этою цѣлью онъ сталъ поджидать Беклемишева невдалекѣ отъ его квартиры, и когда онъ возвратился изъ клуба, Неклюдовъ черезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ домъ, сказавъ слугѣ, что онъ—къ Ѳедору Андреевичу по приказанію временнаго генералъ-губернатора генерала Венцеля. Что затѣмъ произошло между Беклемишевымъ и Неклюдовымъ, конечно, никто не видѣлъ, а слугѣ приказано было молчать; но на другой же день весь Иркутскъ уже зналъ, что Беклемишевъ избитъ, что у него сине-багровыя пятна подъ глазами, что все лицо обложено компрессами и проч. Конечно, всѣ предполагали что этимъ дѣло не кончится, что дуэль неизбѣжна. И она дѣйствительно состоялась въ половинѣ апрѣля 1859 г., за кладбищемъ въ мелколѣсьѣ, невдалекѣ отъ казенныхъ складовъ—порохового и соляного, отстоявшихъ одинъ отъ другого не болѣе версты.

Какъ происходила дуэль, были ли соблюдены обычныя дуэльныя правила,—мнѣнія раздѣлились: сторонники Беклемишева утверждали, что—дуэль была правильная, честная; противники говорили иное. По словамъ послѣднихъ, это было организованное убійство, такъ какъ во-первыхъ у Неклюдова не было секунданта, хотя ему навязали Молчанова (изъ Беклемишевской партіи), да и тотъ къ мѣсту

дуэли въ назначенный часъ не пріѣхалъ, во-вторыхъ никто изъ врачей не былъ приглашенъ, въ третьихъ раненаго Неклюдова болѣе часа возили по городу, разыскивая кого-либо изъ докторовъ, которые, кстати сказать, всѣ попрятались, пока наконецъ Неклюдовъ не скончался. Не догадался также никто пригласить священника, чтобы подать ему послѣднее утѣшеніе. Вотъ, что говорили противники и выражали надежду, что слѣдствіе раскроетъ правду.

Объ этомъ происшествіи, конечно, было донесено генералъ-губернатору Муравьеву, который въ это время находился въ Кяхтинскомъ градоначальствѣ, при чемъ доложено, что производство слѣдствія поручено дѣйств. стат. сов. Успенскому. Муравьевъ выборъ этотъ одобрилъ. Но противники Беклемишева этимъ выборомъ были крайне опечалены, такъ какъ знали, что Успенскій—одинъ изъ самыхъ льстивыхъ чиновниковъ, преклонявшійся предъ Беклемишевымъ и этимъ путемъ заслужившій благоволеніе Муравьева. И Успенскій вполнѣ оправдалъ это незавидное объ немъ мнѣніе: онъ разрѣшилъ трупъ Неклюдова безъ вскрытія похоронить на другой же день; платье Неклюдова не было описано подробно, что въ особенности было необходимо сдѣлать относительно мѣста, гдѣ пуля вошла въ грудь Неклюдова, для точнаго выясненія—не былъ ли выстрѣлъ сдѣланъ въ упоръ, при чемъ края пулевой дыры на платьѣ были обожжены; извощики, находившіеся вблизи мѣста „дуэли“ (?) скрылись изъ Иркутска (или имъ было приказано скрыться) и „по самымъ тщательнымъ розыскамъ не обнаружены“, на показанія часовыхъ у порохового и соляного складовъ, что они слышали только одинъ выстрѣлъ, не было обращено должнаго вниманія; показанія Беклемишева и его сторонниковъ приняты какъ самая истина и оставлены безъ провѣрки; не введено Успенскимъ въ слѣдствіи и то обстоятельство, о которомъ громко говорилъ весь городъ, что вице-губернаторъ Шелеховъ и полицеймейстеръ Сухотинъ влѣзли на кладбищенскую колокольню и оттуда въ бинокли наблюдали кровавую расправу Беклемишева съ Неклюдовымъ, и проч.

Въ такомъ видѣ слѣдственное производство было представлено въ судъ, которому не оставалось ничего иного, какъ назначить Беклемишеву самое легкое наказаніе—церковное покаяніе.

Но рѣшеніе это не было приведено въ исполненіе, такъ какъ губернскій прокуроръ Ольдскопъ, хотя и неохотно и

съ великимъ страхомъ, опротестовалъ его въ Правительствующій Сенатъ.

Здѣсь необходимо объяснить, что Ольдскопъ былъ правовѣдъ по образованію и вообще честный человѣкъ, но слабаго характера и крайне боязливый. Его рѣшимость опротестовать, послѣ долгаго колебанія, приговоръ суда не была результатомъ его собственной иниціативѣ, а была вызвана нравственнымъ давленіемъ прибывшихъ въ Иркутскъ на службу студентовъ разныхъ университетовъ и нѣкоторыхъ иркутскихъ гражданъ. Всѣ эти лица постоянно сходились въ библіотекѣ М. В. Шестунова и, помимо чтенія газетъ и журналовъ, сообщали другъ другу городскія новости и обсуждали текущія событія и дѣйствія администраціи.

Конечно, и слѣдственное производство о дуэли и судебное о немъ рѣшеніе не могли остаться безъ суровой критики молодыхъ юристовъ, которой вполнѣ сочувствовалъ и самъ Ольдскопъ.

Вслѣдствіе протеста прокурора Сенатъ отмѣнилъ все производство по мотивамъ, указаннымъ въ рапортѣ Ольскопа, и предписалъ произвесть новое слѣдствіе. Конечно, на этотъ разъ даже и чрезвычайно смѣлый Успенскій не осмѣлился уже отступать отъ строгихъ указаній Сената, тѣмъ болѣе, что въ это время въ Иркутскѣ настойчиво говорили, что Муравьевъ будетъ скоро отозванъ и, слѣдовательно, почтенному Петру Николаевичу не на кого будетъ надѣяться.

Нѣтъ необходимости подробно описывать слѣдственныя дѣйствія, которыя въ этотъ разъ произведены Успенскимъ правильно, какъ-то: вырытіе изъ могилы трупа, оказавшагося замороженнымъ, а по оттаиваніи—не подвергшимся разложенію, вскрытіе трупа въ присутствіи понятыхъ, розыскъ извощиковъ и проч. Но нельзя не упомянуть, что при вскрытіи обнаружено было одно крайне странное обстоятельство, о которомъ разсказывали понятые, а именно: пуля вошла между вторымъ и третьимъ ребромъ правой стороны груди, прошла внутри *вертикально внизъ* и остановилась у одного изъ поясничныхъ позвонковъ. Конечно, пуля изъ слабаго пистолета, встрѣтивъ твердое препятствіе (напр. ребро), можетъ нѣсколько измѣнить свое горизонтальное, обычное при дуэляхъ, направленіе; но прямо вертикальное ея направленіе даетъ большое основаніе предполагать, что выстрѣлъ сдѣланъ былъ сверху внизъ, т. е.

что Беклемишевъ, какъ многіе были убѣждены, подъѣхавъ на извощикѣ къ Неклюдову вплотную, поднялся на пролеткѣ во весь ростъ и выстрѣлилъ сверху въ упоръ. Обстоятельство это слѣдователемъ не было выяснено; но повторяю, значительная часть иркутскихъ жителей была убѣждена, что дѣло именно такъ происходило.

Какъ бы то ни было, новое слѣдствіе и судъ имѣли для Беклемишева результатъ неблагопріятный—годъ крѣпости, но безъ лишенія или ограниченія правъ. А такъ какъ въ Иркутскѣ крѣпости не было, то Беклемишеву пришлось отбывать наказаніе въ военной гауптвахтѣ. Конечно, для такого важнаго арестанта помѣщеніе караульни приведено было въ такой видъ, въ какомъ оно никогда не было: появились ковры, цвѣты и проч., и самый режимъ этого военнаго учрежденія для Беклемишева не существовалъ—во всякое время дня и ночи къ нему свободно пріѣзжали знакомые мужчины и женщины, привозили разное угощенье, развлекали разговорами и игрою въ карты. По истеченіи года Беклемишевъ вышелъ въ отставку и навсегда уѣхалъ изъ Сибири.

Тяжело отразилась эта такъ называемая „дуэль" на нѣкоторыхъ студентахъ, о которыхъ Муравьеву было донесено, что они громко порицаютъ дѣйствія слѣдователя, администраціи и суда. Въ наказаніе имъ Муравьевъ издалъ приказъ: „Вновь причисленныхъ къ главному управленію Восточной Сибири студентовъ разныхъ университетовъ никуда не назначать и ни къ чему въ Иркутскѣ не командировать, дабы они не просили о содержаніи".

Этотъ актъ Муравьевской прославленной мудрости не нуждается въ какой-либо иллюстраціи: онъ самъ за себя говоритъ.

Особенно пострадали двое: Линко и Подлѣсный. Первый, очень способный, трудолюбивый и глубоко честный человѣкъ, прибывшій въ Иркутскъ за полгода до „дуэли", сначала еще получалъ въ главномъ управленіи судебную работу, которою начальство оставалось довольно, но никакого однако же вознагражденія ему не давало, а потомъ послѣ „дуэли" и этой работы лишился. Издержавъ на квартиру и свое продовольствіе жалкіе остатки отъ путевыхъ пособій, Линко доведенъ былъ до необходимости продавать свое небогатое имущество, т. е. платье, обувь и часть бѣлья; а когда и этого не стало, онъ взялъ у хозяина топоръ и сталъ ходить на „точокъ" (биржа труда) съ предложеніемъ

услугъ по расколкѣ пиленыхъ сутунковъ на „швырокъ" (мелкія дрова). Немного онъ, бѣдняга, зарабатывалъ этимъ тяжелымъ непривычнымъ трудомъ, но все-таки—достаточно, чтобъ платить за квартиру и существовать впроголодь. Наконецъ, убѣдившись, что ему въ Иркутскѣ ждать нечего, и сознавая, что доведенный до отчаянія онъ можетъ совершить кому-либо изъ властныхъ лицъ непоправимое зло (ira pessimus consultor), Линко подалъ въ отставку и пѣшкомъ ушелъ изъ Иркутска, присоединившись къ чайному обозу.— Слышно было, что онъ добрался до Казани и тамъ устроился на одномъ изъ частныхъ пароходовъ, въ качествѣ помощника капитана.

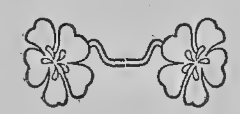
Второй, Подлѣсный, тоже вышелъ въ отставку и поступилъ къ горному ревизору Чайковскому вольнонаемнымъ писаремъ. Но къ чести Чайковскаго нужно сказать: онъ недолго пользовался услугами Подлѣснаго въ такой несоотвѣтственной его образованію и способностямъ должности, онъ разстался съ нимъ, но широко помогъ ему устроить въ Красноярскѣ собственное дѣло. Обладая хорошей учительской подготовкой и зная теоретически французскій и нѣмецкій языки, Подлѣсный задумалъ открыть приготовительную школу, пригласивъ священника для преподаванія Закона Божія и одного изъ учителей уѣзднаго училища—для Русскаго языка. Енисейскій губернаторъ Павелъ Никол. Замятнинъ (родной братъ бывш. министра юстиціи) вполнѣ одобрилъ проектъ Подлѣснаго и далъ „словесное" разрѣшеніе на открытіе школы. Дѣло пошло весьма успѣшно. Разумная и добросовѣстная постановка преподаванія, полное отсутствіе наказаній и ровное дружелюбное отношеніе къ дѣтямъ привлекли къ Подлѣсному всеобщія симпатіи красноярцевъ, называвшихъ его „учитель благій". Такъ процвѣтала школа болѣе двухъ лѣтъ, какъ вдругъ изъ Иркутска пришло предписаніе школу закрыть, какъ устроенную безъ должнаго „письменнаго" разрѣшенія, а съ Подлѣснаго взыскать такой-то штрафъ.— Послѣ такого погрома Подлѣсному оставалось только бѣжать по-добру по-здорову изъ непривѣтливой Сибири, администрація которой и послѣ Муравьева руководилась его системой: разбить, сокрушить и отдать подъ надзоръ полиціи.

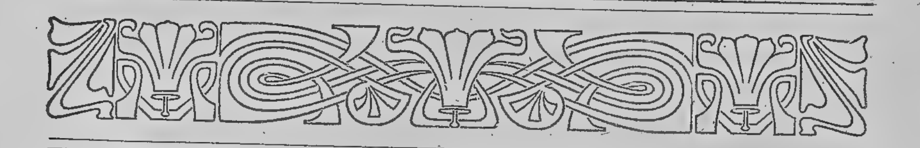
Вѣроятно, такая же подобная, какъ Линкѣ и Подлѣсному, участь грозила и мнѣ, но меня спасъ неожиданный вызовъ кяхтинскаго градоначальника съ приглашеніемъ

на небольшую, но опредѣленную должность. Я рѣшился воспользоваться этимъ приглашеніемъ и въ концѣ ноября 1859 г. оставилъ Иркутскъ.

Наконецъ и остальные студенты: Кокошкинъ и Слотвинскій, прождавъ напрасно цѣлый годъ въ качествѣ причисленныхъ къ главному управленію В. Сибири, переѣхали въ кяхтинское градоначальство, гдѣ и были устроены на дѣйствительную государственную службу.

В. Мерцаловъ.

Изъ золотого вѣка итальянской оперы въ Петербургѣ.

Тамберликъ.

— „Or, l'insaisissable Moteur de l'univers doit bien un jour permettre à ces parcelles, qui se sont aimées et estimées dans la vie passagère, de se rencontrer et de se reconnaître dans l'Eternité“ [1]).

Изъ рѣчи Тамберлика 18 апр. 1884 г.

Генрихъ Тамберликъ (Enrico Tamberlick) [2]) родился въ Римѣ 11 марта (нов. стиля) 1820 года. Родители хотѣли видѣть его юристомъ и съ этою цѣлью помѣстили его въ семинарію Монте Фіасконэ. Окончивъ семинарію Тамберликъ, однако, не сдѣлался юристомъ, а сталъ учиться пѣнію подъ руководствомъ стараго пѣвца Gughielmi.

Въ 1841 году онъ съ большимъ успѣхомъ дебютировалъ въ теноровой партіи въ Миланскомъ театрѣ дель-Фандо въ оперѣ Беллини „Капулетти“. Въ послѣдующіе годы Тамберликъ пѣлъ въ Лиссабонѣ, Мадридѣ, Барцелонѣ и Лондонѣ.

---

[1]) „Непостижимый Двигатель вселенной позволитъ же въ одинъ прекрасный день этимъ частицамъ, любившимъ другъ друга въ тлѣнной жизни, встрѣтиться и узнать другъ друга въ Вѣчности“.

[2]) Извѣстный востоковѣдъ М. А. Гамазовъ говорилъ однажды, что фамилія „Тамберликъ“ указываетъ какъ бы татарское происхожденіе ея носителя: „тамберъ“ — музыкальный инструментъ, „ликъ“— вращательный механизмъ.

Въ 1848 году, явившись въ Петербургъ еще совсѣмъ молодымъ пѣвцомъ, безъ ореола европейской извѣстности, онъ выступилъ въ скромной роли Полліона въ „Нормѣ" съ Гризи) и уже на нашей сценѣ завоевалъ имя перво-класснаго артиста, въ особенности послѣ созданія ролей Арнольда въ „Вильгельмѣ Теллѣ" и Отелло. Въ Петербургѣ Тамберликъ пѣлъ съ небольшими перерывами до 1867 года, получивъ званіе „солиста Двора Его Императорскаго Величества". Въ 1858 году Тамберликъ впервые дебютировалъ въ Парижѣ въ Большой Оперѣ, въ роли Отелло. Гастролировалъ онъ также въ Сѣверной и Южной Америкѣ.

Тамберликъ былъ привлекательной наружности, роста средняго, классически сложенный, хотя и нѣсколько полный. Онъ превосходно одѣвался и держался на сценѣ благородно и скромно.

Голосъ его, не говоря уже о силѣ и красотѣ тембра, отличался необыкновеннымъ огнемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ задумчивостью, трогающею глубоко. Его фразировка (речитативъ), вѣрность интонаціи и слуха были безукоризненны. Съ низахъ голосъ Тамберлика былъ немного глухъ, но чѣмъ выше—тѣмъ становился яснѣе, прозрачнѣе и теплѣе. При выраженіи страсти голосъ его производилъ потрясающее впечатлѣніе.

Личность Тамберлика была обаятельна. Что въ немъ поражало—такъ это его скромность. Выходя на бурные вызовы публики, онъ застѣнчиво улыбался, какъ бы конфузясь. И эта скромность всемірно прославленнаго артиста привлекала къ нему всѣ сердца.

Въ области вокализаціи Тамберликъ уступалъ своему товарищу Кальцолари; вотъ почему профессіональные музыканты всегда предпочитали Кальцолари, называя его пѣніе классическимъ. Но публика на это не обращала вниманія: она ждала отъ Тамберлика другого—его порыва, его огня, его вдохновенія. Онъ возносилъ ее своимъ чуднымъ голосомъ и силою духовнаго горѣнія до полнаго восторга.

Удивительно: у Тамберлика не было никакихъ пріемовъ хорошаго актера, не было мимики; вся сила его была въ его душѣ, и своею великою, благородною, страстною душою онъ дѣйствовалъ именно на душу слушателя.

Повсюду публика восторгалась его замѣчательнымъ ut (do) dièsомъ.

Вотъ что писалъ самъ Тамберликъ о своемъ „ut dièsʼѣ" [1]: „я рѣшилъ дебютировать (въ Парижѣ въ 1858 г.) въ „Отелло", ибо я понималъ, что для парижанъ, пресыщенныхъ артистическими знаменитостями того времени, слѣдуетъ прибавить къ искусству нѣкій сюрпризъ. Этимъ сюрпризомъ и былъ ut dièse, который, по словамъ теноровъ, имъ не обладавшихъ, былъ результатомъ лишь простого случая. Совершенно напротивъ, я долженъ удостовѣрить, что я его пріобрѣлъ только постоянной и осторожной работой, ибо мой голосъ былъ менѣе обширенъ, когда я началъ свои музыкальныя занятія... Итакъ я дебютировалъ. Успѣхъ вскорѣ разсѣялъ мой страхъ и мой ut dièse вызвалъ взрывъ восторга. Съ каждой новой ролью благоволеніе публики ко мнѣ увеличивалось. Это обстоятельство было мнѣ гораздо пріятнѣе, чѣмъ энтузіазмъ, вызванный помощью ut dièsʼа, ибо эту ноту я беру только въ „Отелло".

По поводу ut dièsʼа у Тамберлика произошла въ Петербургѣ любопытная исторія съ нѣкимъ г. Гарсіа, учителемъ пѣнія, который въ своей книгѣ давалъ совѣтъ всѣмъ учащимся избѣгать „неисчислимыхъ опасностей отъ изверженія болѣе или менѣе естественныхъ ut-овъ, тѣхъ невозможныхъ рѣзкихъ звуковъ, которые господами тенорами di forza называются грудными ut-ами". Намекъ на Темберлика былъ слишкомъ очевиденъ, и г. Гарсіа, по собственной иниціативѣ, поспѣшилъ письменно извиниться передъ Тамберликомъ. Вотъ отвѣтъ послѣдняго:—„Я только-что получилъ Ваше письмо и, признаться сказать, не понимаю въ немъ ровно ничего. Вы говорите, что имѣете поводъ быть увѣреннымъ, что я смотрю на Васъ равнодушно и объясняетесь о такихъ вещахъ, о которыхъ я никогда и не думалъ по той причинѣ, что я нисколько не занимаюсь критиками, обращенными ко мнѣ въ качествѣ артиста. Для того, чтобы Вы могли вполнѣ убѣдиться въ томъ, я объясню Вамъ мой образъ мыслей въ этомъ отношеніи. Критики въ дѣлѣ искусства не существуетъ, потому что наука эстетики не установилась и, слѣдовательно, нѣтъ постоянныхъ правилъ для опредѣленія „прекраснаго". Это позволяетъ каждому блуждать наудачу въ области искусства, руководствуясь только собственными способностями, собственнымъ вкусомъ и, въ особенности, модою. Вы най-

[1]) Изъ письма Тамберлика къ г-ну Перивье. Статья „L'ut dièze de Tamberlick". „Le Figaro". 24 nov. 1883.

дете, быть можетъ, что я приблизился къ парадоксу, но, повторяю, таковъ мой образъ мыслей“ [1]).

Популярность тамберликовскаго ut dièsʼa была такъ велика, что онъ сдѣлался сюжетомъ для цѣлаго ряда карикатуръ и даже водевилей [2]).

Репертуаръ этого перваго изъ совершенныхъ tenori di forza былъ обширенъ и разнообразенъ [3]).

Съ особеннымъ успѣхомъ онъ пѣлъ партіи Отелло, Трубадура, Пророка, Герцога („Риголетто“), Арнольда („Вильгельмъ Телль“), Васко-ди-Гама („Африканка“) и Дона Альворо („Сила Судьбы“).

Любопытно отмѣтить, что Верди только въ Петербургѣ познакомился и впервые слышалъ на сценѣ Тамберлика [4]), талантъ котораго такъ много содѣйствовалъ успѣху вердіевскихъ оперъ.

---

[1]) „Современное Слово“. 1862 г. №№ 130 и 146.

[2]) Напр., въ итальянск. журналѣ „Il Secolo illustrato“ въ 70-хъ годахъ была напечатана карикатура Дюрандо на Тамберлика съ надписью: „Il tenore Tamberlick, il cui do diesis fu celebre nel mondo“.

Въ Петербургѣ въ Михайловскомъ театрѣ шелъ французскій водевиль „Ut dièse“. Старикъ-рантье (Lemenil), страстный поклонникъ Тамберлика, поклялся выдать свою единственную дочь замужъ лишь за того, кто сможетъ взять ut dièse. Но дочь и ея возлюбленный одурачиваютъ старика: они перекладываютъ извѣстный дуетъ Отелло и Яго для болѣе низкихъ голосовъ, а затѣмъ хитрецъ, исполняя съ товарищемъ этотъ дуетъ, беретъ ut-dièse (тотъ, да не тотъ) и покоряетъ старика, который и соглашается на бракъ обладателя „utʼa“ съ его дочерью.

[3])

1.	Арріетъ.	„Море“.		Гарольдъ.	„Цампа“.
	Беллини.	„Капулетти“.		Гуно.	„Фаустъ“.
		„Норма“.	20.	Давидъ.	„Геркуланумъ“.
	Берліозъ.	„Бенвенуто Челлини“.		Доницетти.	„Велизарій“.
	Верди.	„Атилла“.			„Лукреція Борджіа“.
		„Балъ-Маскарадъ“.			„Поліевктъ“.
		„Іоанна Д'Аркъ“.			„Фаворитка“.
		„Ломбардцы“.		Мейерберъ.	„Африканка“.
		„Луиза Миллеръ“.			„Гугеноты“.
10.		„Навуходоносоръ“.			„Пророкъ“.
		„Разбойники“.		Моцартъ.	„Волшебн. Стрѣлокъ“.
		„Риголетто“.			„Донъ-Жуанъ“.
		„Сила Судьбы“.	30.	Риччи.	„Мужъ и Любовникъ“.
		„Травіата“.		Россини.	„Вильгельмъ Телль“.
		„Трубадуръ“.			„Моисей“.
		„Фоскари“.			„Отелло“.
		„Эрнани“.	34.		„Севильск. Цирульн.“.

[4]) Это было въ 1861 г. 24 ноября 1861 г. Верди прибылъ въ Петербургъ для постановки своей оперы „La Forza del destino“ („Сила Судьбы“).

„Найдется ли во всемъ музыкальномъ мірѣ, восклицалъ современный критикъ [1]), хоть одинъ дилеттантъ, который бы не восхищался Тамберликомъ въ роли венеціанскаго мавра („Отелло")? Мы говоримъ, конечно, не объ одномъ только его ut dièse, а разумѣемъ, что роль эту отъ первой ноты до послѣдней Тамберликъ исполняетъ съ неподражаемымъ совершенствомъ" [2]). Въ „Трубадурѣ" лучшая роль остается по-прежнему за Тамберликомъ (Манрико) [3]), талантливая натура котораго постоянно встрѣчаетъ восторженное сочувствіе всѣхъ людей съ сердцемъ, одаренныхъ музыкальнымъ слухомъ. Всѣ нумера исполняетъ онъ съ тѣмъ твердо-выработаннымъ искусствомъ, которое составило его прекрасному, симпатичному голосу такую громкую славу". Въ „Пророкѣ" (роль Іоанна) Тамберликъ „исполняетъ свое дѣло художнически во все продолженіе оперы, какъ и слѣдуетъ такому прекрасному артисту. Особенно превосходенъ онъ въ дуэтѣ послѣдняго акта съ Фидесъ; что же касается до одушевленія и искусства, съ которымъ онъ исполняетъ извѣстный гимнъ третьяго акта „Roi de ciel et des anges", то они выше всякихъ похвалъ и достойны лучшихъ его вдохновеній въ „Карлѣ Смѣломъ" или „Отелло".—Въ „Карлѣ Смѣломъ" („Вильгельмъ Телль") Тамберликъ въ роли Арнольда — выше всякой похвалы... тѣ сцены, въ которыхъ участвуетъ Тамберликъ, исполнены потрясающей силы, неудержимо увлекаютъ слушателя и настраиваютъ его очень высоко... Лучшая роль его обширнаго и разнообразнаго репертуара—роль Арнольда Мельхталя... Тамберликъ безспорно первый Арнольдъ изъ современныхъ пѣвцовъ Европы". По поводу исполненія роли Ричарда (въ оперѣ Верди „Балъ-Маскарадъ") тотъ же критикъ отмѣчаетъ важное достоинство Тамберлика: „никто изъ современныхъ артистовъ не говоритъ серьезныхъ речитативовъ такъ выразительно, какъ онъ; даже самъ Рубини уступалъ ему въ этой важной части искусства. Не гово-

---

[1]) М. Л—л—въ. Итальянская опера въ Петербургѣ. „Современникъ", т. LXXXV, LXXXXI и XCIV отд. II, т. XLII отд. VI.

[2]) 11 января 1863 г. въ бенефисъ Тамберлика давали „Отелло". Барбо—Дездемона послѣ словъ: „Uccidimi... t'affretta, saziati al fin, crudel!" стрѣлой бросилась отъ Тамберлика—Отелло: до того видъ его былъ страшенъ. Поскользнувшись, Барбо упала на спину и долго не могла оправиться отъ ушиба и испуга.

[3]) Тамберликъ былъ первый „Трубадуръ" на русской сценѣ (съ 1855 г.).

римъ уже о его безукоризненной чистотѣ итальянскаго произношенія — достоинство, которымъ на нашей сценѣ, кромѣ его да Кальцолари, никто не можетъ похвалиться“.

Тамберликъ былъ чрезвычайно добрый человѣкъ, чутко относившійся къ бѣдѣ ближняго, онъ щедро помогалъ нуждающимся и не копилъ денегъ, подобно своему коллегѣ Кальцолари.

Когда въ 1860 году (16 августа) скончался знаменитый актеръ А. Е. Мартыновъ, оставившій семью безъ всякихъ средствъ, Тамберликъ устроилъ въ ея пользу спектакль, въ которомъ, между прочимъ, пѣлъ романсъ „Его ужъ нѣтъ, любимца славы“. Публика, растроганная до слезъ, заставила Тамберлика трижды спѣть этотъ романсъ. На нескончаемые вызовы Тамберликъ вывелъ на сцену трехъ маленькихъ дѣтей Мартынова и, обнявъ ихъ одною рукою, другою указалъ на нихъ публикѣ, какъ бы отдавая ихъ подъ ея покровительство [1]).

Однажды въ Петербургѣ явился къ Тамберлику нѣкій малоизвѣстный, весьма нуждавшійся въ деньгахъ композиторъ съ просьбою участвовать въ его оперѣ „Дмитрій Донской“. Тамберликъ отнесся сочувственно къ просителю и добросовѣстно разучилъ по-русски партію Донского. Была поставлена лишь одна сцена этой незаконченной оперы. Тамберликъ въ шлемѣ и кольчугѣ взывалъ: „къ оружію, Россіяне“! Онъ имѣлъ большой успѣхъ, сборъ былъ огромный.

Желая какъ-то помочь бѣдному художнику и въ то же время щадя его самолюбіе, Тамберликъ сталъ брать у него за большія деньги уроки живописи, хотя самъ хорошо рисовалъ.

Въ 70-хъ годахъ Тамберликъ спеціально ѣздилъ изъ Петербурга въ Шамбонъ (Chambon), близъ Блуа, для участія въ благотворительномъ концертѣ, устроенномъ тамъ по инипіативѣ газеты „Фигаро“ [2]).

---

[1]) Вотъ текстъ романса на смерть Мартынова (музыка Булахова) со словами Куликова, передѣланный изъ романса „Ея ужъ нѣтъ“ (на смерть Бозіо):

I.

„Его ужъ нѣтъ, любимца славы,
„Кто такъ искусство уважалъ,
„Кто изучалъ родные нравы,
„Кто самъ творилъ—не подражалъ.

II.

„Но ты на вѣкъ таланта силой
„Зажегъ любовь въ сердцахъ къ себѣ,
„Тебя ужъ нѣтъ, товарищъ милой,
„Но память вѣчная тебѣ!..

[2]) „Le Figaro“. 1877. 21 mai.

Тамберликъ неоднократно выступалъ въ Петербургѣ въ концертахъ въ пользу бѣдныхъ учащихся и благотворительныхъ заведеній. Одинъ благотворительный концертъ его 11 апрѣля 1884 года въ залѣ Дворянскаго Собранія далъ чистаго сбора 6.433 рубля [1]).

Въ концертахъ съ неизмѣннымъ успѣхомъ Тамберликъ обыкновенно исполнялъ: „Ave Maria“ Гуно, „Crucifixus“ Фора, „Le Printemps“ Мендельсона, „Cujus animam“—арія изъ „Stabat Mater“ Россини, дуэтъ изъ оперы „Отелло“ Россини и др. Изъ русскихъ романсовъ онъ пѣлъ: „Скажите ей“! (княгини Е. В. Кочубей, слова кн. Н. А. Долгорукова), „Я очи зналъ“ (кияг. Кочубей, слова Ѳ. И. Тютчева), „Отчего скажи, душа-дѣвица“ (А. Н.), „Ты, волна моя морская“; „Ее ужъ нѣтъ“ (П. Булахова), „Его ужъ нѣтъ“ (П. Булахова, слова Куликова), „Съ озера вѣетъ прохладой и нѣгой“ (Дингельштета, слова Ѳ. И. Тютчева).

Особенною популярностью пользовался пѣтый Тамберликомъ романсъ „Скажите ей“. Одинъ изъ петербургскихъ друзей Тамберлика, нынѣ покойный Иванъ Осиповичъ Каргановъ обладалъ недурнымъ теноромъ и замѣчательнымъ даромъ подражанія. Онъ удачно имитировалъ пѣніе многихъ артистовъ, но особенно удавалась ему имитація Тамберлика. Объ этомъ узналъ Императоръ Александръ II. Каргановъ былъ приглашенъ во дворецъ, и Государь сказалъ ему: „Я слышалъ, что ты прекрасно подражаешь Тамберлику, покажи, какъ Тамберликъ поетъ „Скажите ей“. Государь остался очень доволенъ исполненіемъ Кар-

---

[1]) Изъ этой суммы 433 руб. были розданы бѣднымъ по личнымъ ихъ просьбамъ самимъ Тамберликомъ, а остальные 6000 руб. были распредѣлены комитетомъ, избраннымъ Тамберликомъ, между слѣдующими учрежденіями: Университету—500 р., Технолог. Институту—340 р., Женск. Бестужевск. курсамъ—180 р., Высш. Женск. Врачеб. курсамъ—180 р., Женск. Педагог. курсамъ—180 р., начальнымъ городскимъ училищамъ—120 р., Консерваторіи—1000 р., Академіи Художествъ—300 р., Музыкальн. классамъ при Педагог. Музеѣ воен.-учебн. завед.—200 р., Итальянск. благотв. общ-ву—300 р., Общ-ву ночлежныхъ пріютовъ—240 р., Обществу дешевыхъ квартиръ—240 р., Попечительству о бѣдн. дѣтяхъ—240 р., Попечительству о бѣдн. Рожд. части—240 р., Славянск. благотв. общ-ву—120 р., Евангелическ. больницѣ—120 р., Филармоническому общ-ву—600 р., Кассѣ музыкальн. художниковъ—600 р. и Литературн. Фонду — 300 р. См. „Нов. Вр.“ 1884 г. №№ 2919 и 2922. Въ составъ комитета входили: М. С. Лалаевъ, Н. П. Нарановичъ, Н. К. Шведовъ, К. Ю. Давыдовъ, К. И. Бергамаско, И. О. Каргановъ, П. Л. Петерсенъ и г. Ротеръ.

тенора и нѣсколько разъ заставилъ его повторить „подъ Тамберлика“ этотъ романсъ.

Петербургская публика обожала „Андрея Ивановича“— такъ называли Тамберлика. Извѣстный[1]) покойный Скальковскій по этому поводу писалъ:—„Буквально въ значительной части петербургскихъ кружковъ ни о чемъ другомъ не говорили, какъ о Тамберликѣ, что остроумно, описалъ въ одной изъ своихъ повѣстей Николай Успенскій. Трудно выдумать картину болѣе эффектную, какая представлялась ежегодно въ бенефисъ Тамберлика. Давался обыкновенно „Отелло“ и при появленіи тенора въ гондолѣ въ 1-мъ актѣ буквально весь театръ, даже дамы въ ложахъ, вставали съ своихъ мѣстъ и неистовыя оваціи продолжались минутъ пять.

„Молодежь просто боготворила Тамберлика; оваціи были особенно сильны тамъ, гдѣ видѣли малѣйшій случай для намековъ на тогдашнія либеральныя вѣянія. Фразу „cercar la libertà“! въ „Вильгельмѣ Теллѣ“ заставляли Тамберлика повторять по 3 и по 5 разъ“[2]).

Немудрено, что молодежь „боготворила“ Тамберлика.— „Кромѣ поклоненія Тамберлику, какъ великому, феноменальному пѣвцу, писало „Новое Время“[3]), ему поклонялись какъ человѣку, какъ задушевнѣйшему другу учащейся молодежи. Не говоримъ о томъ, какіе сборы въ свое цвѣтущее время онъ дѣлалъ концертами въ пользу учащейся молодежи (главнымъ образомъ, студентовъ университета), на его личный гонораръ воспитывались десятки молодыхъ людей. Получая громадную плату отъ дирекціи, Тамберликъ никогда не имѣлъ денегъ и, если вывезъ что-нибудь изъ Петербурга, то это была сумма ничтожная въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ могъ бы вывезти. Тамберликъ такъ много помогалъ русской учащейся молодежи и такъ деликатно помогалъ какъ никто и никогда изъ чужеземныхъ артистовъ, пріѣзжающихъ къ намъ для сбора денегъ“.

27 февраля 1867 года въ „Африканкѣ“ Тамберликъ простился съ петербургской сценой, на которой пѣлъ почти безпрерывно 19 лѣтъ.

---

[1]) К. Скальковскій. Въ театральномъ мірѣ. СПБ. 1899 года. Стр. IX—X.

[2]) Любопытная подробность: послѣ смерти Тамберлика осталась собранная имъ большая коллекція автографовъ извѣстныхъ революціонеровъ всѣхъ странъ міра.

[3]) „Новое Время“. 1881 г. № 2905 (30 марта).

Осенью 1870 года, послѣ 3-хъ-лѣтняго отсутствія, Тамберликъ вновь пріѣхалъ въ Россію. Знаменитому пѣвцу было уже 50 лѣтъ. Выступленіе его 24 сентября въ Москвѣ въ Большомъ театрѣ въ „Трубадурѣ" было для него печально: онъ сдѣлался жертвою интриги и былъ ошиканъ ватагою наемныхъ негодяевъ при первомъ появленіи на сцену.

„Занавѣсъ взвился, пишетъ рецензентъ „Русскихъ Вѣдомостей" [1]), и когда послѣ первыхъ речитативовъ изъ-за кулисъ полились звуки серенады, сверху сейчасъ же раздалось единодушное шиканье. Тамберликъ, впервые выступившій передъ московской публикой и съ замираніемъ сердца ожидавшій ея привѣтствія, былъ встрѣченъ такъ, какъ можно встрѣтить развѣ только уличнаго гаера, случайно попавшаго на сцену. Первый представитель драматическаго пѣнія въ Европѣ, пѣвецъ, равнаго которому нѣтъ и теперь по музыкальной декламаціи и фразировкѣ, артистъ, стяжавшій уваженіе образованнаго міра, былъ ошиканъ московскими плебеями. Участь спектакля была рѣшена: оперы уже не было—начался скандалъ въ четырехъ актахъ. Стоило пѣвцу выйти изъ-за кулисъ и открыть ротъ, какъ неистовое шиканье сейчасъ же заглушало и его голосъ и звуки оркестра. Крики „браво" и аплодисменты въ партерѣ и ложахъ, какъ протестъ противъ этой трактирной вакханаліи, покрывались ревомъ верхняго ряда, перемѣшаннымъ съ шипѣньемъ сотни наемныхъ ртовъ. Оркестръ четыре раза начиналъ играть, чтобы чѣмъ-нибудь остановить расходившуюся и никѣмъ не останавливаемую сволочь—но ничто не помогало. Изобрѣтая новыя оскорбленія артисту, эта толпа уличнаго сброда продолжала неистово ревѣть, настаивая, чтобы выходили всѣ артисты, участвовавшіе въ предыдущей сценѣ, исключая только Тамберлика...

„Описывать далѣе все безобразіе этого вечера мы не считаемъ нужнымъ. Скажемъ только, что Тамберликъ пѣлъ всю свою партію подъ аккомпанементъ не оркестра, а громкаго шиканья райка и еще болѣе громкаго, ничѣмъ не сдерживаемаго, раздававшагося на весь театръ дружнаго гоготанья наемнаго сброда и непристойныхъ криковъ болѣе нахальныхъ его запѣвалъ...

„Обращаясь затѣмъ къ г. Тамберлику, мы съ увѣренностью позволимъ себѣ сказать, что онъ, безъ сомнѣнія,

[1]) „Русскія Вѣдомости". 1870 г. № 205 (25 сент.).

отнесется къ этому дѣланному и направленному противъ него скандалу съ тѣмъ презрѣніемъ, какого онъ заслуживаетъ. Г. Тамберликъ долженъ знать, что все, что было истинно порядочнаго въ этотъ вечеръ въ театрѣ, было до глубины души возмущено безпримѣрнымъ, невѣжественнымъ поведеніемъ подставной ватаги купленной сволочи. Та же сволочь, мы убѣждены, будетъ черезъ нѣсколько дней неистово аплодировать г. Станьо, неумѣющему разинуть рта безъ фальшивой ноты, и за него будетъ такъ же драть свое наемное горло, какъ теперь пускало его въ дѣло для нанесенія знаменитому артисту самаго тяжкаго изъ оскорбленій, какія только могутъ быть наносимы сценическимъ дѣятелямъ".

Вскорѣ имена устроителей скандала были выяснены [1]). Въ числѣ ихъ были два представителя иностранной купеческой колоніи въ Москвѣ и одинъ богатый юноша изъ коренной московской семьи. Эти лица скупали большую часть мѣстъ 5 го яруса и роздали ихъ подъ извѣстнымъ условіемъ разнымъ темнымъ личностямъ. Въ скандалѣ принимали участіе и кое-кто изъ студентовъ Московскаго университета. Повидимому, эти юнцы не вѣдали, что творили.

28 сентября Тамберликъ получилъ изъ Петербурга телеграмму отъ товарищей по Петербургскому Собранію Художниковъ слѣдующаго содержанія:—Глубоко возмущенные оскорбленіемъ Вашего таланта въ Московскомъ театрѣ, шлемъ Вамъ дружескій привѣтъ, какъ артисту, таланту котораго удивляются всѣ русскіе артисты и художники" [2]).

Тамберликъ отвѣтилъ на эту телеграмму [3]):—„Я до глубины души тронутъ Вашимъ добрымъ участіемъ. Я не могъ ожидать иного отъ собратій моихъ по искусству и людей сердца. Я очень счастливъ, имѣя возможность сказать, что и здѣсь, въ Москвѣ, встрѣтилъ я и въ публикѣ, и въ средѣ артистовъ русскихъ и итальянскихъ, и въ частныхъ кружкахъ полное сочувствіе и людей, давшихъ мнѣ, подобно Вамъ, живыя и драгоцѣнныя доказательства ихъ сердечной симпатіи и пособившихъ мнѣ въ первыя минуты перенести тяжелыя оскорбленія, а потомъ съ презрѣніемъ отнестись къ низкой интригѣ, ихъ породившей. Примите мою благодарность. Тамберликъ".

---

[1]) „Русскія Вѣдомости" 1870 г. № 206 (26 сент.).
[2]) „Московскія Вѣдомости" 1870 г. № 208 (29 сент.).
[3]) „Русскія Вѣдомости" 1870 г. № 207.

1-го октября депутація Русскаго Музыкальнаго Общества поднесла Тамберлику адресъ, составленный въ слѣдующихъ выраженіяхъ [1]: „Пѣвцу-Солисту Двора Его Императорскаго Величества г. Тамберлику.

— „Мы, нижеподписавшіеся, глубоко огорченные прискорбнымъ событіемъ 24 сентября, считаемъ долгомъ заявить Вамъ, Милостивый Государь, что профессора Московской Консерваторіи энергически протестуютъ противъ неприличнаго отношенія московской публики къ первому выходу на нашей оперной сценѣ одного изъ знаменитѣйшихъ и достойнѣйшихъ представителей европейскаго искусства.

„Примите, Милостивый Государь, отъ насъ увѣреніе, что мы всегда умѣли цѣнить Вашъ высокій талантъ и что мы глубоко огорчены тѣмъ, что, вынужденные, вслѣдствіе нанесеннаго Вамъ оскорбленія, покинуть нашъ городъ, Вы лишаете насъ возможности и впредь наслаждаться Вашимъ искусствомъ".

Этотъ адресъ подписали: Н. Рубинштейнъ, П. Чайковскій, Александръ Розмадзе, Ѳ. Л. Лангеръ, Николай Кашкинъ, Вильгельмъ Фитценхагенъ, Ferdinand Laub, Н. Губертъ, В. Кашперовъ, G. Galvani.

Въ тотъ же день Тамберликъ получилъ адресъ отъ Московскаго Артистическаго Кружка съ 73 подписями [2].

Несмотря на обращенныя къ нему настоятельныя приглашенія продолжать свое участіе въ московской оперной труппѣ, Тамберликъ рѣшительно отказался отъ дальнѣйшаго пребыванія въ Москвѣ и, какъ выразился, отъ чести служить искусству на такой сценѣ, гдѣ артистъ такъ легко можетъ сдѣлаться жертвою дешевой закулисной спекуляціи".

3-го октября Тамберликъ выѣхалъ въ Петербургъ.

Другъ и горячій поклонникъ Тамберлика М. С. Л—въ тогда же написалъ экспромптъ, посвященный „московскимъ меломанамъ":

„Крыловъ намъ предсказалъ о томъ скандалѣ дикомъ,
„Случившемся въ Москвѣ, въ началѣ октября, [3]
„Гдѣ роли старыя „Осла" и „Соловья"
„Такъ живо сыграны Москвой и Тамберликомъ.

---

[1]) „Русск. Вѣдом." 1870 г. № 210 и „Моск. Вѣдом." 1870 г. № 211.
[2]) „Русскія Вѣдомости" 1870 г. № 210.
[3]) По новому стилю.

А вотъ экспромптъ и другого поклонника Тамберлика М. А. Г—зова:

„Мы ждемъ сегодня Тамберлика—
„Пѣвца, какихъ ужъ больше нѣтъ,
„Что изъ Москвы поганцевъ клика
„Чуть не на тотъ послала свѣтъ!

* * *

„Москва, ошикавъ Тамберлика,
„Себя ошикала до дна,
„И показала, что ни лыка
„Не вяжетъ въ музыкѣ она,

* * *

„Что видѣть, слышать Тамберлика,
„Не по плечу, не къ рожѣ ей,
„Что прелесть Станьовскаго [1]) крика
„Одна во вкусѣ москвичей.

* * *

„Все это вздоръ для Тамберлика,
„Кабакъ московскій онъ забылъ;
„Пусть онъ Москвой былъ принятъ дико,
„Но намъ всегда онъ дорогъ былъ!

15 окт. 1870 г.

По пріѣздѣ Тамберлика въ Петербургъ, его поклонники занялись хлопотами объ устройствѣ въ Большомъ театрѣ спектакля съ его участіемъ. Рѣшено было дать того же „Трубадура“. Спектакль состоялся 17 октября.

Приведемъ выдержку изъ отчета объ этомъ спектаклѣ изъ газеты „Голосъ“ [2]):—„Сегодня, 17 октября, въ „Трубадурѣ“ дебютировалъ нашъ давнишній и любимый знакомый г. Тамберликъ, бросившій Москву, гдѣ такъ нелѣпо, такъ безтактно поступила съ нимъ публика при первомъ его появленіи на сцену. Не то было здѣсь. Такого восторженнаго пріема, какого мы нынче были свидѣтелями, давно не удостоивался ни одинъ артистъ на нашей сценѣ. Это былъ истинный furore. При первомъ появленіи Тамберлика раздался такой громъ рукоплесканій и криковъ браво, отъ котораго нѣсколько минутъ буквально дрожало зало театра. Восторженные вызовы и восклицанія продолжались до конца оперы; аплодировалъ весь театръ—отъ партера до райка: дамы, стоя въ ложахъ, махали платками; музыканты въ оркестрѣ оплодировали еще усерднѣе. Словомъ, торжество артиста было полнѣйшее и, прибавимъ, вполнѣ заслуженное“.

[1]) Станьо—итальянскій теноръ, любимецъ Москвы.
[2]) „Голосъ“ 1870 г. № 288.

„Journal de S-t Pétersbourg“ [1]) по поводу этого спектакля писалъ:—„Знаменитый артистъ отомщенъ, достойно отомщенъ за непонятное и гнусное коварство, которымъ онъ былъ оскорбленъ въ Москвѣ. Никогда, конечно, во всей его блестящей карьерѣ, онъ не имѣлъ успѣха, подобнаго тому, какой онъ имѣлъ въ этотъ вечеръ. Никогда онъ не заслуживалъ болѣе овацій, которыя ему доставлялъ его великолѣпный талантъ... Далекій отъ потери голоса, съ тѣхъ поръ какъ онъ насъ покинулъ, онъ пріобрѣлъ, сохраняя звучность голоса, нѣжность оттѣнковъ и искусство tendre mezza voce, которое мы въ немъ не знали... Тамберликъ уже не молодой артистъ, но въ то же время и не старый, и успѣхъ останется вѣрнымъ этому священному таланту, этому первоклассному артисту, этому великому—пѣвцу и въ то же время драматическому артисту и великому лирическому трагику“.

Появленіе Тамберлика въ 1870 году въ „Трубадурѣ“ было послѣднимъ выступленіемъ его на русской сценѣ [2]).

Прошло 14 лѣтъ, и Тамберликъ, на порогѣ 65-го года жизни [3]), вновь появился въ Петербургѣ, приглашенный сюда своими друзьями и почитателями, узнавшими о его тяжеломъ матеріальномъ положеніи.

23-го марта 1884 года, встрѣчая Тамберлика на Варшавскомъ вокзалѣ, М. С. Л—въ привѣтствовалъ его слѣдующими словами (на франц. языкѣ):—„Дорогой Тамберликъ! Мы, ваши старые петербургскіе друзья, благословляемъ Бога, давшаго намъ счастье снова видѣть Тамберлика бодрымъ и здоровымъ, какъ всегда, радость обнять этого дорогого всѣмъ намъ человѣка и „la dolce Speme“ слышать еще разъ перваго пѣвца въ мірѣ. Будьте увѣрены, дорогой другъ, что сегодня болѣе чѣмъ когда-либо Вы будете желаннымъ гостемъ въ Петербургѣ“.

---

[1]) 1870 г. № 230.

[2]) Съ тѣхъ поръ онъ пѣлъ лишь за границей. 1871-й годъ былъ особенно обиленъ его гастролями: съ 1 янв. по 15 апр.—въ Мадридѣ. Здѣсь, между прочимъ, онъ пѣлъ по-испански въ оперѣ испанскаго композитора Арріэта „Marina“; св 15 апр. по 15 мая—на Мартиникѣ, на о-вѣ Св. Ѳомы, въ Гаваннѣ и въ Вера-Круцѣ, съ 15 мая по 15 сент.—въ Мексикѣ.

[3]) В. Б. Бертенсонъ въ своихъ воспоминаніяхъ „За тридцать лѣтъ“ („Историч. Вѣстн.“ 1913 г. Окт. Стр. 109—111) ошибся, сказавъ что въ 1884 г. Тамберликъ пріѣхалъ „семидесятипятилѣтнимъ старикомъ“.

— „Онъ здѣсь! восклицалъ хроникеръ „Новаго Времени“ [1]), этотъ когда-то несравненный теноръ, чудесный актеръ, обладавшій огненною энергіею, заставлявшій трепетать сердца. Ни одинъ теноръ не пользовался такою любовью публики и, можетъ быть, именно потому, что ни одинъ не обладалъ такою энергіею, такою страстностью... Тенора обыкновенно любимцы дамъ. Тамберликъ былъ по преимуществу любимецъ мужчинъ, онъ дѣйствовалъ на толпу именно тою стороною могучаго своего таланта, которая находила откликъ въ мужской душѣ.

„Встрѣча его была самая задушевная, дружеская, трогательная. Нѣкоторые встрѣтили его въ Псковѣ, другіе въ Гатчинѣ. Объятія, поцѣлуи и слезы. Пѣвецъ былъ растроганъ, потомъ воодушевился; много говорили, вспоминали старину. Тамберликъ напѣвалъ русскіе романсы... Пріѣхали, сѣли въ карету и тронулись въ отель [2]), гдѣ все было приготовлено, даже бумага для писемъ съ его вензелемъ.

„Только-что лошади пробѣжали нѣсколько шаговъ, крики: „стой, стой!“ Что такое? „Стой, говорятъ тебѣ!“ Никольскій и Орловъ заградили дорогу. Никольскій, этотъ тоже удивительный русскій теноръ, бросился въ объятія Тамберлика, повторяя: „Тамберликъ, Тамберликъ, Тамберликъ!“ а слезы радостной встрѣчи такъ и текли по щекамъ этого россіянина, плохого актера, но лучшаго русскаго тенора, какой когда-либо существовалъ“.

Въ Петербургѣ Тамберликъ выступилъ въ четырехъ концертахъ въ залѣ Дворянскаго Собранія: 26 и 29 марта, 11 [3]) и 18 апрѣля.

В. Б. Бертенсонъ такъ вспоминаетъ о генеральной репетиціи этого концерта: [4]) „На генеральной репетиціи, куда были допущены только нѣсколько старинныхъ друзей Тамберлика и въ видѣ особаго исключенія, благодаря К. Ю. Давыдову, и я, взоры всѣхъ устремились на знаменитаго пѣвца. Аккомпанировалъ тогда талантливый Коръ-де-Ласъ.

[1]) „Нов. Время“. 1884 г. № 2901.

[2]) Въ Европейскую гостиницу. Здѣсь Тамберликъ занималъ № 17.

[3]) 11-го же апрѣля утромъ Тамберликъ въ Мальтійской Католической церкви, что при Пажескомъ Корпусѣ, за обѣдней исполнилъ „Sanctus“ Гуно съ замѣчательною выразительностью. Небольшая церковь не могла вмѣстить всѣхъ желающихъ его слышать, и на дворѣ корпуса образовалась огромная толпа народа. „Нов. Время“. 1884 г. 12 апр. № 2916.

[4]) В. В. Бертенсонъ „За тридцать лѣтъ“.

крупная, нѣсколько тучная фигура съ не особенно большою крашеною черною стриженою бородою, съ рѣдкою шевелюрою, черными глазами и большимъ, нѣсколько широкимъ носомъ, очень походила на всѣмъ извѣстныя маленькія фотографіи, сохранившіяся еще съ того времени, когда онъ въ послѣдній разъ пѣлъ въ Петербургѣ.

„Несмотря на то, что изъ семи [1]) присутствовавшихъ на генеральной репетиціи только, кажется, я одинъ не слыхалъ его раньше, меня, какъ и всѣхъ прочихъ, охватило замѣтное волненіе. Началась репетиція съ „Stabat Mater“ Россини.

„Въ первую минуту пѣнія Тамберлика я глубоко началъ сожалѣть стараго пѣвца. Отсутствіе низовъ и расшатанная середина голоса, съ какимъ-то особеннымъ звукомъ, заставили меня предвидѣть неудачу концерта, но, о чудо, чѣмъ дальше пѣлъ этотъ волшебникъ, тѣмъ больше крѣпнулъ его голосъ, пріобрѣтая непонятную силу и звучность; когда же Тамберликъ взялъ высокое „си“ [2]) въ знаменитомъ дуэтѣ „Crucifixus“ Фора, спѣтомъ имъ съ о Корсовымъ (какъ извѣстно, тоже очень хорошимъ пѣвцмъ), восторгу нашему не было конца“.

Въ первомъ концертѣ (26 марта)—съ участіемъ г-жи Тэрьянъ-Каргановой и г.г. Корсова и Ауэра, Тамберликъ исполнилъ: тріо изъ оп. „Вильгельмъ Телль“ Россини (съ Карсовымъ и Угэтти), „Ave Maria“ Гуно (съ Ауэромъ), „Crucifixus“ Фора (съ Корсовымъ) и романсъ „Скажите ей“ кн. Кочубей.

— „Тамберликъ юнъ и свѣжъ по-прежнему [3]): это ясно всѣмъ тѣмъ, кто никогда не слышалъ его въ блестящіе его дни. Только немногимъ избранникамъ, истиннымъ артистамъ, въ родѣ Маріо, Ноделъ, Петрова и др., дано чаровать слушателей на склонѣ дней, какъ и въ полномъ расцвѣтѣ силъ. Публика это сознавала, и даже тѣ, кто пріѣхали просто изъ любопытства послушать—какой голосъ еще остался у Тамберлика, были поражены. Но равнодушно-

---

[1]) В. Б. Бертенсонъ ошибается: на генеральной репетиціи присутствовало множество лицъ—едва-ли не половина залы Дворянскаго Собранія была ими заполнена.

[2]) Не только верхнее „си“, но и знаменитый ut diése Тамберликъ въ 1884 г. сохранилъ еще во всей неприкосновенности: сила, съ которой онъ во 2-мъ концертѣ исполнилъ весь дуэтъ „Si dopo lei“ превзошла всякія ожиданія. См. „Нов. Время“. 1884 г. № 2904 (29 марта).

[3]) „Новое Время“. 1884 г. № 2902 (27 марта).

любопытныхъ было немного. Въ Залѣ Дворянскаго Собранія было тѣсно отъ горячихъ почитателей артиста, знавшихъ его во всемъ блескѣ его рѣдкаго таланта и силы. Казалось, эти лица сами помолодѣли. Безъ сомнѣнія, всѣ сердца бились въ униссонъ, всѣ также были заинтересованы успѣхомъ пѣвца, какъ и онъ самъ, всѣ точно такъ же волновались, какъ и артистъ, который долженъ былъ появиться передъ старыми друзьями. А онъ сильно волновался. Передъ началомъ концерта, сидя въ артистической комнатѣ, онъ говорилъ одной дамѣ, что робѣетъ и боится такъ, какъ будто бы дѣло идетъ о первомъ дебютѣ. На дѣлѣ волноваться не приходилось. И артистъ, и слушатели разомъ возобновили прежнія сердечныя отношенія. Тамберлика, очень бодраго и свѣжаго по виду, встрѣтилъ громъ рукоплесканій; вся зала невольно поднялась на ноги... О голосѣ Тамберлика мы не будемъ говорить: дѣло не въ голосѣ, хотя высокія ноты его замѣчательно сохранились, но въ умѣньи владѣть имъ, въ безподобной фразировкѣ, въ огнѣ и мужественной силѣ, поражающей и подчиняющей слушателей и теперь, какъ прежде. Тамберликъ производилъ такое впечатлѣніе, точно мы встрѣтили стараго, дорогого намъ друга, который разбудилъ въ насъ милое намъ прошлое и заставилъ взглянуть иначе и на прошедшее и на настоящее“.

— „Случалось ли вамъ видѣть, писалъ А. С. Суворинъ[1]), прекрасныя античныя статуи, тронутыя временемъ, статуи, у которыхъ недостаетъ руки или ноги, но которыя, несмотря на это, производятъ такое полное впечатлѣніе своей изящной красотой, что вы невольно забываете недостающія части и вполнѣ воспроизводите въ воображеніи цѣлое, созданное художникомъ, и оно предстаетъ вамъ въ такой чудесной красотѣ и свѣжести, какъ будто вышло сейчасъ изъ-подъ его рѣзца, какъ будто сокрушающая рука времени не касалась ихъ? Вотъ точно такое же впечатлѣніе произвело на меня, да, вѣроятно, и на многихъ слушателей пѣніе Тамберлика въ залѣ Дворянскаго Собранія въ понедѣльникъ. Удивительное гармоническое сочетаніе таланта и артистичности, вдохновенія и технической выработки до такой степени дѣйствовало на слушателей, что, несмотря на нѣкоторые, весьма естественные въ преклонномъ возрастѣ артиста недочеты въ голосѣ, его пѣніе казалось

[1]) „Новое Время“. 1884 г. № 2903 (28 марта).

все такимъ же, какимъ оно было въ высшій періодъ процвѣтанія его артистической карьеры: взволнованное чувство и воображеніе невольно пополняло то, чего не достаетъ въ голосѣ пѣвца. Такъ волшебна, такъ обаятельна артистичность и задушевность Тамберлика, такъ горячо увлекаетъ пѣвецъ всю залу, такъ волнуетъ и электризуетъ его пѣніе.

„Необычайное и поучительное зрѣлище представляли въ понедѣльникъ и этотъ маститый пѣвецъ, и собравшаяся послушать его публика. Это зрѣлище было необычайно и поучительно потому, что въ наше время всевозможной напряженной гоньбы за выраженіемъ фальшивыхъ, тенденціозныхъ сочувствій, мы отвыкли отъ искренняго, сердечнаго энтузіазма, а здѣсь этотъ энтузіазмъ господствовалъ въ полной силѣ. Старый пѣвецъ, столько лѣтъ не появлявшійся передъ этою публикою, надъ которой когда-то онъ царилъ полновластно, выступилъ передъ ней съ видимою робостью молодого дебютанта: ноты дрожали въ его рукахъ отъ волненія. Но вотъ раздался его голосъ и, несмотря на вибраціи, на недостатокъ нѣкоторыхъ нотъ, въ немъ послышалась и былая мощь, и былая красота, и не охлажденная годами артистическая страстность... Слушатели замерли, художникъ-пѣвецъ захватилъ ихъ душу, и знакомое волненіе овладѣло всей залой. Тамберликъ, прежній Тамберликъ, стоялъ передъ ними и сколькимъ изъ нихъ онъ напоминалъ

О быломъ, о погибшемъ, о старомъ....

Подъ конецъ концерта, послѣ романса „Скажите ей“ многіе слушатели бросились къ эстрадѣ и протягивали руки артисту, и растроганный пѣвецъ, съ простодушной старческой улыбкой, со слезами на глазахъ, встрѣчалъ горячія пожатія этихъ рукъ. И онъ, и публика переживали, конечно, одну изъ лучшихъ исторій ихъ жизни“.

Вотъ любопытное стихотворное описаніе перваго концерта Тамберлика[1]).

На концертѣ Тамберлика.

(Набросокъ съ натуры).

Шумитъ роскошный залъ дворянскаго собранья,
Волнуется толпа при свѣтѣ яркихъ свѣчъ,
Съ невнятнымъ шепотомъ отрывистая рѣчь
Слышна и здѣсь, и тамъ, въ тревогѣ ожиданья.

---

1) „Петербургскій Листокъ“. 1884 г. № 86. Въ этомъ же нумерѣ пространный и восторженный отзывъ объ этомъ концертѣ.

Какой же силою, кто могъ сюда согнать
Всю эту пестроту, и чопорную знать,
Съ цвѣтущей младостью, вздыхающую дряхлость,
Избытокъ юныхъ силъ и старческую чахлость?
Кто этотъ чародѣй, плѣнительный кумиръ??
Губами шамкая, старушекъ цѣлый міръ,
Въ уродливыхъ чепцахъ, не дорожа боками,
Насильно лѣзъ впередъ и дѣйствовалъ руками.
Я видѣлъ дряхлаго сѣдого старика,
По лѣстницѣ его вели два гайдука,
А третій, взятый имъ, конечно, для подмоги,
Ему передвигалъ ослабнувшія ноги,
Но радостно сіялъ почтенный старца ликъ
И полнымъ счастіемъ дышала вся фигура...
Чу, загремѣлъ оркестръ... умолкла увертюра,
Съ взволнованной душой явился Тамберликъ.
И грянулъ дружный взрывъ такихъ рукоплесканій,
Что будто дрогнулъ залъ до самыхъ основаній;
Затѣмъ все замерло, и съ голосомъ пѣвца
Восторженно слились и мысли, и сердца...
. . . .
Съ надменностью смотря на молодое племя,
Твердила межъ собой сѣдая старина:
— „Такіе-то пѣвцы бывали въ наше время!
За то и слава имъ не даромъ отдана.
Съ прямою честностью, святую силу чувства
Не сгладитъ быстрый ходъ неумолимыхъ лѣтъ;
А нынче—кто живетъ святынею искусства?
Кто истинный пѣвецъ? кто истинный поэтъ?
И съ грустью посмотрѣвъ на нынѣшніе нравы,
Невольно молвилъ я: „старушки-то вѣдь правы"!

Классикъ.

За ужиномъ, устроеннымъ послѣ концерта въ общей залѣ „Европейской Гостиницы" въ честь Тамберлика кружкомъ его поклонниковъ, первымъ говорилъ почтенный генералъ М. С. Л—въ.

— „12 марта 1856 года, сказалъ онъ, въ той же самой залѣ (Дворянскаго Собранія) молодой поручикъ, слышавшій вдохновенное пѣніе Тамберлика, до такой степени пришелъ въ восторгъ, что бросился на эстраду и вырвалъ у артиста его носовой платокъ, который въ то же мгновеніе былъ разорванъ толпою поклонниковъ великаго артиста на тысячу кусковъ. Этотъ поручикъ—былъ я, а вотъ обрывокъ носового платка, который я сохранилъ въ память живого энтузіазма, который не остынетъ.

— „Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, много лѣтъ однообразной и прозаической жизни, которые заставили

меня думать, что нѣтъ уже силы на свѣтѣ, которая была бы способна вырвать мою душу изъ оцѣпенѣнія. „Nessun maggior dolore, che ricordarsi del tempo felice nella miseria!“ [1]).

Но... въ эти дни я могъ убѣдиться, что, слава Богу, такая сила существуетъ: восхищаясь и обнимая дорогого и добраго Тамберлика, слушая восхитительное пѣніе этого знаменитаго артиста, я почувствовалъ, что мое сердце оживаетъ, благодаря священному огню генія, и въ мои старые годы я плакалъ, да, господа, я плакалъ „Comme on pleure à vingt ans!“ [2]) (Какъ плачутъ въ 20 лѣтъ!) Мнѣ пришли на память слова нашего великаго поэта:

„И сердце бьется въ упоеньи,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Кто изъ насъ не проливалъ этихъ слезъ, слушая Тамберлика, кто не подпишется съ восхищеніемъ: Questo e il vero canto?

Вотъ почему мы должны вновь благодарить Небо, сохранившее намъ во всей своей чистотѣ этотъ неизсякаемый источникъ глубокой радости! Поднимемъ же наши бокалы за драгоцѣнное здоровье нашего дорогого гостя, за столь симпатичный талантъ, за этого несравненнаго артиста, воспоминаніе о которомъ никогда не изгладится изъ нашихъ признательныхъ сердецъ. Evviva, Тамберликъ, evviva!!!“ [3]).

Четвертый концертъ Тамберлика (18 апрѣля) былъ наиболѣе блестящимъ. Тріумфъ его раздѣляли съ нимъ А. В. Панаева, г.г. Тартаковъ и Давыдовъ (віолончель). Программа этого концерта заключала, между прочимъ, новость въ репертуарѣ Тамберлика—первыя строфы изъ „Нерона“

Послѣ этой пьесы Тамберлику были поднесены серебрянный жбанъ и двѣ великолѣпныя серебряныя вазы—результатъ устроенной В. А. Рубинштейнъ [4]) подписки, давшей около 2.000 рублей.

---

[1]) „Нѣтъ большей скорби, какъ вспоминать о счастливомъ времени—въ несчастіи“. (Эти слова пѣсни гондольера въ оперѣ Россини „Отелло“ заимствованы у Данте изъ „Божественной Комедіи“).

[2]) „Comme on pleure à vingt ans!“—выраженіе, взятое изъ популярнаго въ то время романса.

[3]) Эта рѣчь была произнесена по-французски.

[4]) Супруга знаменитаго А. Г. Рубинштейна.

Матеріальный результатъ этихъ четырехъ концертовъ Тамберлика былъ исключительно блестящъ: валовой сборъ выразился суммою въ 32.500 руб., чистый сборъ—25.000 руб. Изъ этихъ денегъ, какъ мы говорили раньше, великодушный Тамберликъ удѣлилъ нуждающейся молодежи около 6.000 руб. (сборъ съ 3-го концерта [1]).

За ужиномъ, устроеннымъ послѣ четвертаго концерта въ „Европейской Гостиницѣ“, генералъ Л—въ отъ имени поклонниковъ Тамберлика поднесъ ему золотой жетонъ съ изображеніемъ самого Энрико [2]).

Много горячихъ, задушевныхъ рѣчей было сказано за ужиномъ [3]). Не лишено оригинальности прочитанное тогда же письмо (на франц. языкѣ) отсутствовавшаго поклонника Тамберлика г-на Рем—скаго, вспоминавшаго, какъ въ 1854 году, въ послѣдній день масляницы, онъ, будучи морскимъ кадетомъ, пришелъ отъ Тамберлика (шла опера „Zora“ или „Моисей“) въ такой бѣшеный восторгъ, что произвелъ въ Большомъ театрѣ буйство, за которое поплатился тремя сутками ареста. Вспоминая этотъ эпизодъ, какъ одно изъ самыхъ свѣтлыхъ впечатлѣній юности, г. Р. высказалъ, что онъ радъ-радехонекъ и теперь, какъ 30 лѣтъ назадъ, попасть даже на „съѣзжую“, чтобы только побывать „au siège des heureux de cette terre“, слушающихъ Тамберлика.

Лучше всѣхъ говорилъ, однако, самъ Тамберликъ, оказавшійся превосходнымъ ораторомъ. Старый Энрико съ большимъ воодушевленіемъ сказалъ, между прочимъ:— „Горячія изъявленія симпатіи, которыя я встрѣтилъ среди васъ, подняли мои силы. Такъ же плодотворныя, какъ живая вода, ваши горячія оваціи позволили мнѣ повѣрить въ возвращеніе молодости. Иллюзія была почти полная, но... дѣйствительность скоро придетъ заявить свои права.

---

[1]) Подробные отчеты о 2-мъ концертѣ—въ „Нов. Вр.“ 1884 г. № 2906 (31 марта), о 3-мъ концертѣ—въ „Нов. Вр.“ 1884 г. № 2916 (12 апр.), о 4-мъ концертѣ—въ „Journal de St. Pétersbourg“. 1884 г. № 104 (20 апр.).

[2]) Тамберлику было поднесено еще 9 такихъ жетоновъ для: его сына, дочери, старшаго внука, 2-хъ племянниковъ (г.г. Новинскаго и Горскаго), пѣвца и композитора Фора—друга Тамберлика, В. А. Рубинштейнъ, А. В. Панаевой и И. О. Карганова.

[3]) Говорили рѣчи (на франц. языкѣ): М. С. Лалаевъ, г.г. Сабуровъ, Пинто, Панаевъ и Михайловъ.

„Приближается моментъ, когда я долженъ съ вами разстаться, и мои юныя иллюзіи исчезнуть, какъ только я васъ покину. Но вотъ что никогда не исчезнетъ отъ меня— это воспоминаніе о вашей дружбѣ, это чувство признательности къ вамъ...

„Милостивые государи! Бываютъ минуты, когда самый скептическій человѣкъ, поверхъ матеріальнаго существованія, провидитъ нѣчто такое, что возноситъ его въ высшія сферы невѣдомаго и что привлекаетъ его къ мыслямъ наиболѣе возвышеннаго порядка.

„Это неуловимое дуновеніе, этотъ родникъ, эта искра, отдѣляющаяся отъ земли, чтобы летѣть къ небу, суть частицы таинственной души вселенной. Непостижимый Двигатель вселенной позволитъ же въ одинъ прекрасный день этимъ частицамъ, любившимъ другъ друга въ тлѣнной жизни, встрѣтиться и узнать другъ друга въ Вѣчности.

„Вотъ надежда, друзья мои, которую я уношу, покидая асъ, а потому, поднимая бокалъ въ честь нашей вѣчной дружбы, я не говорю Вамъ „прощайте",—я говорю Вамъ „до свиданья!" [1]).

1-го мая Тамберликъ въ сопровожденіи И. О. Карганова отправился концертировать по югу Россіи. Это путешествіе сопровождалось бурными оваціями и крупнымъ матеріальнымъ успѣхомъ [2]). Тамберликъ далъ концерты: въ Кіевѣ—4-го и 6-го мая, въ Курскѣ—9-го мая, въ Полтавѣ— 10-го мая, въ Харьковѣ—11-го мая и въ Одессѣ—16-го мая.

Восторженный „импрессаріо"—Каргановъ сообщалъ съ пути въ Петербургъ М. С. Лалаеву:—„Вы не можете себѣ представить, какъ онъ чудно пѣлъ во 2-мъ концертѣ въ Кіевѣ! Просто съ ума всѣхъ свелъ. Ut diese взялъ два раза такъ, какъ будто изъ пушки выпалилъ... Вчера въ концертѣ въ Полтавѣ меня удивило, что масса кадетъ входитъ въ залу, имѣя во главѣ своихъ наставниковъ... Меня очень заинтересовалъ вопросъ, какое произведетъ на нихъ впечатлѣніе Тамберликъ. Я помѣстился между ними. Послѣ 1-го № („La mia letizia") осатанѣли! Но что меня болѣе всего удивило—это восторгъ, въ который они пришли отъ

---

[1]) Эти грустныя ноты въ словахъ стараго пѣвца гармонировали со взглядомъ его странныхъ, пронзительно смотрящихъ и печальныхъ глазъ.

[2]) Въ Кіевѣ 2 концерта дали чистаго сбора 2.200 рублей.

„Stabat Mater“, а чтобы оцѣнить тонкое исполненіе Энрико въ этой молитвѣ, нужно дѣйствительно тонкое и чуткое ухо. Тамъ же одинъ отставной генералъ (ну, конечно, артиллеристъ), 70 лѣтъ, вышелъ изъ зала до окончанія концерта, утирая публично платкомъ слезы. Я спросилъ его, что съ нимъ, и онъ мнѣ сказалъ слѣдующее: „33 года тому назадъ я былъ на дебютѣ Тамберлика въ Петербургѣ. Онъ пѣлъ „Ломбарди“, съ тѣхъ поръ я его не слыхалъ и вдругъ теперь, точно съ того свѣта, я слышу тѣ же звуки, которые такъ меня потрясли, что я не въ силахъ оставаться въ залѣ—душа вырывается изъ груди“.

Послѣдніе годы жизни Тамберликъ прожилъ въ Мадридѣ, гдѣ пѣлъ въ театрѣ и давалъ уроки пѣнія.

Тамберликъ былъ женатъ, имѣлъ сына[1]) и дочь. Онъ не на много пережилъ жену (умерла въ 1885 г.) и скончался отъ воспаленія легкихъ 13-го марта (нов. стиля) 1889 г.[2]), 69 лѣтъ отъ роду, въ бѣдности, въ Парижѣ, въ квартирѣ дочери (Boulevard Hausmann, 103), бывшей замужемъ за докторомъ-окулистомъ Галезовскимъ (Galezowski). Погребенъ на кладбищѣ Père Lachaise[3]).

БИБЛІОГРАФІЯ о ТАМБЕРЛИКѢ.

1. „Отечественныя Записки“. 1861 г. № 11. Стр. 19.

2. „Современникъ“. Тт. LXXXV, LXXXXI и XCIV отд. II и т. XLII отд. VI. Статьи М. Л-л-ва „Итальянская опера въ Петербургѣ“.

3. „Современное Слово“. 1862 г. №№ 95, 130 и 146.

4. Ф. Толль. Настольн. Словарь для справокъ СПБ., 1864 г., т. III. Стр. 603—604.

5. „Русскія Вѣдомости“. 1870 г. №№ 205, 206, 207—210.

6. „Московскія Вѣдомости“. 1870 г. №№ 208 и 211.

7. „Голосъ“. 1870 г. № 288.

8. „Journal de St Pétérsbourg“ 1870 г. № 230 и 1884 г. № 104.

9. „Republique Française“. 1874 г. 1 окт.

10. М. К. Исторія оперы въ лучшихъ ея представителяхъ. Композиторы, пѣвцы и пѣвицы. Москва. 1874 г. Стр. 152—153.

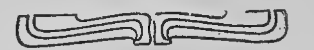
[1]) Сынъ знаменитаго тенора не пѣлъ; у него былъ басъ.

[2]) Пользуемся случаемъ исправить ошибки, допущенныя въ „Русскомъ Біогр. Словарѣ“ и въ Энцикл. Словарѣ Брок. и Ефрона: въ первомъ сказано, что Тамберликъ умеръ въ 1882 году, а во второмъ—въ 1888 году.

[3]) Некрологъ его въ „Нов. Вр.“ 1889 г. № 4674 (4 марта).

11. „Le Figaro“. 1877 г. 24 mai и 1883 г. 24 nov.
12. „Новое Время“. 1884 г. №№ 2901—2906 и 2916; 1889 г. № 4674.
13. „Петербургскій Листокъ“. 1884 г. № 86.
14. В. Михневичъ. Наши знакомые. Спб. 1884.
15. И. Д. Перепелицынъ. Исторія музыки въ Россіи съ древн. врем. и до нашихъ дней. Спб. 1888 г. Стр. 150 и 192.
16. Русскій Біографическій Словарь.
17. Энциклопед. Словарь Брокгауза и Ефрона.
18. К. Скальковскій. Въ театр. мірѣ. Спб. 1899. Стр. IX—X.
19. В. Б. Вертенсонъ. За тридцать лѣтъ. „Историч. Вѣстникъ“ 1913 г. Октябрь. Стр. 109—111.

В. А. Бернацкій.

Памяти нашего Консула въ Албаніи Григорія Степановича Щербины [1])

Однажды въ 1903 году въ концѣ марта я въ Почтамтской улицѣ въ Петербургѣ, сидѣлъ въ своей квартирѣ, углубившись въ дѣло составленія всеподданнѣйшаго отчета о состояніи Черниговской губерніи, при чемъ торопился окончаніемъ этого дѣла, порученнаго мнѣ тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ статсъ-секретаремъ Плеве къ спѣху, несмотря на то, что мѣсяца за полтора передъ тѣмъ я, послѣ девяти лѣтъ управленія тою губерніею, сдалъ его, при чемъ полагалъ болѣе правильнымъ отнести составленіе отчета къ числу обязанностей моего замѣстителя—вновь назначеннаго губернатора.

Спокойно сидѣлъ я за писаніемъ отчета; еще большее спокойствіе мною овладѣло, когда я прочелъ принесенное мнѣ почтальономъ письмо съ турецкими марками, заклейменными штемпелемъ г. Митровицы. Авторомъ письма, какъ я сразу догадался былъ Г. С. Щербина, о которомъ мнѣ за послѣднее время имѣть извѣстій не приходилось и отъ котораго писаніе не могло доставить мнѣ ничего кромѣ спокойнаго удовольствія.

Г. С., видимо, радовался тому, что приближалось время полученія имъ отпуска для поѣздки въ родной Черниговъ.

— „Надо силъ набрать и нервы успокоить, писалъ онъ; силы слабѣютъ, а нервы порядочно разстроились, только тамъ у васъ, при совершенно спокойномъ ходѣ дѣлъ управленія, можно надѣяться возстановить то и другое. Дѣла,

---

1) См. „Русскую Старину" ноябрь 1916 г.

о которыхъ я вамъ такъ откровенно и съ такой массой грусти разсказывалъ, больше и больше портятся, готовые разстроиться въ конецъ; по временамъ становится совершенно жутко и тяжко знать и видѣть все совершающееся. О принятіи свыше какихъ-либо мѣръ нѣтъ помину, а обиднѣе всего то, что видишь полное содѣйствіе, оказываемое дѣлу распущенности со стороны не только коллегъ моихъ, но и сослуживцевъ: не одни иностранные консулы играютъ прямо въ руку врагамъ нашимъ, а и наши должностныя лица, русскія, слѣдуя примѣру, показываемому свыше, потакаютъ разнузданности своимъ полнымъ бездѣйствіемъ и равнодушіемъ ко всему намъ дорогому. Не дай Богъ скоро, а все же придется дожить до того, что мы убѣдимся, насколько все, еще такъ недавно казавшееся намъ дружескимъ, теперь уже полностью обратилось во вражеское; я съ твердымъ убѣжденіемъ вамъ высказываю и повторяю, что не турки или албанцы, или боснійцы погубятъ здѣсь и насъ и наше дѣло; надъ всѣмъ сидятъ и крѣпко караулятъ, — какъ бы лучше и вѣрнѣе нанести намъ ударъ, и дунайскіе швабы, и тевтоны съ береговъ Шпрее; перечисленные народцы сотворятъ лишь то, чему будутъ научены и на что науськаются зловредными нашими врагами, затаившими свои ужасные планы и держащими за пазухой острый ножъ наготовѣ противъ насъ“.

„Горячо извиняюсь передъ Вами въ томъ, что своими сѣтованіями нагоняю на Васъ мрачное расположеніе духа, тяжелыя мысли и не менѣе тяжелыя чувства; одно лишь обѣщаю, что это въ послѣдній разъ, — скоро я выѣду въ Черниговъ, а пріѣхавши туда, буду представать предъ ваши очи только въ веселомъ, беззаботномъ видѣ,—не потому что хочу вооружиться тѣмъ малодушіемъ, которое можетъ подсказать легкомысленно забыть дѣло, оставленное вдали и отнестись къ нему, хотя бы на минуту, несерьезно; нѣтъ, много и серьезно размышляя объ этомъ тяжкомъ дѣлѣ, которое готово свалиться на насъ, если не теперь, то въ недалекомъ будущемъ большой бѣдой, я иногда,—въ минуту наитія на меня хорошаго расположенія духа,—позволяю себѣ думать такъ: авось получающее мои донесенія начальство еще успѣетъ во-время спохватиться, можетъ быть, оно одумается и направитъ все къ оказанію самыхъ серьезныхъ препятствій дѣяніямъ столь нагло расходившихся враговъ нашихъ; съ другой стороны, думается мнѣ, быть можетъ, отчасти дѣло обстоитъ и не такъ, т.-е.

не такъ страшно, какъ я его малюю, главное же, я, ни минуты не останавливаясь на томъ, чтобы врагъ могъ бы удариться въ добросовѣстность и измѣнить свой образъ дѣйствій, наполнился полными надеждами на то, что Господь Богъ все, по отношенію къ нашему великому отечеству, тяжкое въ создавшемся здѣсь положеніи, можетъ направить совершенно иными путями, придерживаясь тѣхъ безконечныхъ,—великихъ и богатыхъ милостей, коими Онъ всегда щедро одѣляетъ святую Русь, вѣчно вѣрующую въ Его десницу"...

„Въ минуты такого размышленія я ободряюсь и окрыляюсь, уже мысленно, съ большой радостью перелетая во ввѣренные Вамъ родные края мои"...

Вотъ содержаніе письма, подъ впечатлѣніемъ котораго я радъ былъ тогда остаться на часъ — другой съ самимъ собой.

Затѣмъ немного задумался я надъ припиской, поставленной въ P. S.: „представьте себѣ, говоритъ въ ней Г. С. мое удивленіе: пришлось мнѣ увидѣть такъ скоро, насколько Вы были правы въ высказанныхъ Вами заключеніяхъ Вашихъ объ Конст. Петр. Побѣдоносцевѣ; полная неожиданность для меня"!

Задумался я надъ этимъ потому, что никакъ не могъ припомнить, какія были тѣ мои заключенія? До сихъ поръ я не могу себѣ отдать въ этомъ точнаго отчета и получить отвѣтъ на этотъ вопросъ,—о какомъ моемъ заключеніи идетъ рѣчь? Такъ это и останется неразрѣшеннымъ.

Но нѣчто ужасное произошло вслѣдъ затѣмъ, часа черезъ два: принесенныя мнѣ почтальономъ вмѣстѣ съ письмами газеты были мною отложены въ сторону; я рѣшилъ позаняться еще немного писаніемъ отчета, дабы наскоро закончить хоть одинъ изъ составлявшихъ его отдѣловъ и уже тогда взяться за чтеніе газетъ.

Домашніе мои всѣ очень рано разъѣхались больше по учебнымъ заведеніямъ, и семья-то вся наша тогда состояла изъ лицъ школьнаго возраста и кромѣ нихъ изъ сильно болѣвшихъ, требовавшихъ больше всего сношеній съ докторами-спеціалистами, которыхъ и приходилось съ утра ожидать. Такимъ образомъ газетные листки остались лежать на моемъ письменномъ столѣ.

Можно себѣ представить, какимъ ужасомъ я былъ охваченъ, когда первая страница раскрытаго мною въ свое время номера „Новаго Времени" натолкнула меня на такую вѣсть:

Митровица 19-го марта.

„Вчера, во время происходившихъ здѣсь безпорядковъ, солдатъ албанецъ, мусульманинъ, занимавшій постъ часового, предательски выстрѣлилъ въ проходившаго мимо него нашего консула Григорія Степановича Щербину, при чемъ нанесъ ему тяжелую рану въ лѣвый бокъ на вылетъ. Фанатикъ схваченъ и арестованъ, жизнь консула находится въ большой опасности“.

Очевидно, письмо было написано и отправлено мнѣ въ Черниговъ за нѣсколько дней до катастрофы; лишь послѣ я доглядѣлъ на конвертѣ ясные слѣды пересылки письма изъ Чернигова по моему Петроградскому адресу,—по новой создавшейся тогда должности моей—нач. главн. управленія почтъ и телегр. Не зналъ еще Г. С. о моемъ перемѣщеніи, хотя по времени, прошедшему со дня послѣдовавшей въ моей службѣ перемѣны,—съ середины января,—до него могло уже дойти извѣстіе о ней, но, какъ выяснилось потомъ, видимо среди сумбура, происходившаго въ ту пору въ Митровицкомъ раіонѣ, ставшемъ вдругъ крайне мятежнымъ,—далеко не до того ему было, чтобы разбираться въ этомъ.

По сообщеніямъ, п явившимся тогда на столбцахъ мѣстныхъ,—турецкихъ, албанскихъ и сербскихъ,—газетъ, а впослѣдствіи перепечатанныхъ и нѣкоторыми нашими органами печати, на пять таборовъ озвѣрѣвшихъ мусульманъ—албанцевъ, кои кинулись грабить беззащитный городъ Вучитинъ и осадили Митровицу, бросился, во главѣ православныхъ сербовъ, консулъ Щербина, явившись защитникомъ ихъ и своихъ единовѣрцевъ—сербовъ же, которыхъ разбунтовавшіеся сыны Магомета собрались поголовно перерѣзать. Онъ принялъ самое близкое и живое участіе въ оборонѣ Митровицы, при чемъ, не взирая на раздававшіяся со всѣхъ сторонъ предостереженія относительно хорошо извѣстнаго и ему самому крайняго фанатизма албанцевъ и яро проявлявшейся ими мстительности,—на глазахъ у всѣхъ, явился и тотчасъ же далъ пребывавшимъ въ безумной ярости албанцамъ жестокій отпоръ, а тѣмъ самымъ показалъ стремленіе стойко заступиться за притѣсненныхъ совершенно невинно страдавшихъ христіанъ. Энергіей и

мужествомъ этого, въ свою очередь ставшаго звѣремъ, нисколько не жалѣвшаго себя, молодого человѣка, вооружившагося больше всего беззавѣтно храбрымъ желаніемъ съ честью и доблестью исполнить свой долгъ,—албанцы, почувствовавъ себя порабощенными, потѣснились къ отступленію; они начали было бросать оружіе, а сами стали обращаться въ утекавшую разбродную орду; на другой же день, приведенные своими военачальниками къ нѣкоторому подобію порядка начали какъ будто со смиреніемъ встрѣчать прижавшихъ и большими массами истребившихъ ихъ православныхъ сербовъ, стремившихся группироваться къ защитѣ своего консула, который успѣлъ для нихъ стать доблестнымъ вождемъ,—какъ вдругъ, видя этого консула мужественно обходившимъ ряды своихъ и чужихъ, одинъ изъ часовыхъ, дѣлая видъ, что отдаетъ ему воинскія почести проводилъ его, а затѣмъ тутъ же предательски подстрѣлилъ.

Найдется ли теперь кто-либо, кто скажетъ, что этого достойнѣйшаго слугу Царскаго убили не швабы и тевтоны? тогда, по новизнѣ всего этого, открывавшагося съ такой ясностью самимъ дорогимъ Григоріемъ Степановичемъ нельзя было и подумать объ этомъ, а какимъ яснымъ представляется теперь это совершенно увѣренное предположеніе: албанецъ, часовой, мусульманинъ несомнѣнно явился орудіемъ нашихъ друзей, науськавшихъ и подговорившихъ его при посредствѣ какого либо такого же мерзавца, какой выведенъ въ разсказѣ А. М. Колюбакина и названнаго имъ шпіономъ въ его статьѣ,—„Нѣмецъ шпіонъ въ азіатской Турціи“.

Слишкомъ не скрываясь, на виду у всѣхъ, выступалъ и дѣйствовалъ Г. С., подъ часъ обнаруживая своему начальству все то, что ему доводилось замѣчать и указывать въ дѣятельности швабовъ и тевтоновъ; такой пройдоха, какимъ являлся прожжонный, каторжный Францъ Трауфе,—имъ же имя легіонъ,—не могъ не замѣтить энергичную наблюдательность нашего молодого консула, не могъ онъ отказаться отъ того, чтобы досаждать Берлину своими доносами.

Съ тѣхъ поръ, какъ этотъ Трауфе прошелъ черезъ Малую Азію и былъ случайно отмѣченъ А. М. Колюбакинымъ, какъ типъ шпіона изъ-подъ берлинской „Unter den Linden“, т.-е. съ 1886 года до дня совершеннаго албанцемъ часовымъ преступленія 1903 г., прошло семнадцать лѣтъ и

какихъ семнадцать лѣтъ! за эти годы, дѣдъ Вильгельма II-Каина, какъ и отецъ его Вильгельмъ I и Фридрихъ III, успѣли умереть, а онъ самъ Каинъ уже успѣлъ сдѣлать преступное покушеніе на то, чтобы устранить вступленіе отца его въ царствованіе; онъ также успѣлъ основательно искуситься на всевозможныхъ путяхъ преступнаго шествія своего къ созданію вражескаго намъ положенія среди преданныхъ намъ балканскихъ народцевъ, а также вполнѣ установилъ тайкомъ измѣнническій и по отношенію къ намъ вѣроломный образъ дѣйствій своихъ агентовъ, начиная съ принца Рейсса и кончая какимъ-нибудь мерзавцемъ Трауфе.

Мы же, если что-нибудь нашимъ глазамъ и открывали такіе энергичные недремавшіе молодые люди, какимъ являлся Григорій Степановичъ Щербина—консулъ,—мы все это съ полною ясностью для швабовъ и тевтоновъ и совершенно открыто передъ ними, отгоняли отъ себя все раскрывавшееся и указывавшееся намъ нашими добросовѣстными неутомимыми Царскими слугами.

Для мерзавцевъ, посылавшихся недалеко отъ нихъ ушедшими Францемъ Іосифомъ и Вильгельмомъ, явилось цѣлью и задачею спѣшное устраненіе съ пути такихъ слугъ; это устраненіе или явное стремленіе къ нему установилось, какъ послѣдствіе такихъ разглагольствованій, какія отмѣчены А. М. Колюбакинымъ на послѣдней страницѣ его сообщенія; въ этомъ сообщеніи какъ бы цитируются проповѣдныя рѣчи Франца Трауфе, распространявшагося въ пьяноразмякшемъ состояніи передъ пріютившимъ его для ночлега мѣстнымъ армянскимъ священникомъ, проявлявшимъ доброжелательство по отношенію къ европейцамъ:

„Нашъ императоръ очень любитъ армянъ, говорилъ этотъ негодяй, жалѣетъ ихъ и хочетъ освободить отъ турецкаго владычества, но для этого надо прежде всего прогнать русскихъ съ Кавказа, построить много дорогъ, устроить нѣмецкія фабрики, завести хорошее хозяйство, создать нѣмецкія колоніи. Русскіе ничему васъ не научатъ, они сами ничего не знаютъ, а казаки ихъ хуже, чѣмъ турецкіе башибузуки. Русскихъ сюда пускать не надо, вы имъ не вѣрьте“.

Такъ втихомолку, тайкомъ въ 1886 году поучалъ здѣшнее населеніе одиночный ходокъ,—посланецъ Берлина, и недаромъ его поученія были отмѣчены, повидимому, не зѣвавшимъ консуломъ нашимъ; но иначе стали поучать это населеніе тѣ же берлинскіе ходоки въ тысяча девятисотыхъ

годахъ; тогда они уже начали бродить толпами и съ большою наглостью взялись сѣять передъ тамошними инородцами то же самое. Не даромъ и теперь консулъ нашъ все отмѣтилъ; жаль, очень жаль, что отмѣченное имъ прошло для существа дѣла безъ результатовъ, а для него оказалось рѣшительно гибельнымъ, благодаря особому упорству подлежащихъ властей, которыя съ неподдающимся уясненію злостнымъ предумышленіемъ, задали себѣ легкомысленную задачу *„не зрѣть“*.

Конечно, консулъ 1886 года, замѣтившій быть можетъ всего одинъ разъ то, что ему довелось записать себѣ на память, иного рѣшительно ничего не могъ сдѣлать, какъ вставить въ свою запись примѣчаніе о томъ, что назвавшійся Францемъ Трауфе, выдававшій себя за мекленбургскаго уроженца, спеціалиста по бухгалтеріи, прослужившаго якобы нѣкоторое время въ Самсунскомъ (на южномъ берегу Чернаго моря) табачномъ бюро, былъ вѣроятно, говоритъ А. М. Колюбакинъ, *первымъ* германскимъ агентомъ, забравшимся сюда, но конечно не послѣднимъ. Мы же вмѣстѣ съ покойнымъ Г. С. Щербиной могли бы смѣло заключить, что этотъ Трауфе былъ безъ сомнѣнія *не первымъ* германскимъ агентомъ; ничто не мѣшало ему оказаться и не послѣднимъ. Смѣло присоединяясь къ замѣчанію, сдѣланному А. М. Колюбакинымъ дальше, мы могли бы еще сказать: надо думать, что въ германскомъ генеральномъ штабѣ имѣется обстоятельное и крайне мѣтко составленное военно-статистическое описаніе прилегающихъ къ нашему Закавказью турецкихъ, обслѣдованныхъ всесторонне вдоль и поперекъ, разныхъ областей; не безъ справедливости вставляетъ онъ къ этому свое замѣчаніе о томъ, что это описаніе такихъ господъ Трауфе явится болѣе подробнымъ и болѣе современнымъ, чѣмъ тѣ матеріалы, которыми располагаетъ великобританское правительство, гордящееся научными трудами своихъ знаменитыхъ географовъ и изслѣдователей—Раулинсона, Лейярда и другихъ.

Не мало истомились мы въ теченіе нѣсколькихъ дней ожиданія извѣстій объ исходѣ раненія, нанесеннаго фанатикомъ Григорію Степановичу; телеграммы, посылавшіяся мною въ Митровицу, не приносили ничего кромѣ краткихъ печальныхъ вѣстей о томъ, что раненый въ большихъ мученіяхъ и въ безнадежномъ состояніи переживаетъ свое тяжкое болѣзненное положеніе, и лишь 29 марта было по-

лучено оффиціальное сообщеніе о томъ, что онъ, не получивъ облегченія, продолжая до конца пребывать въ тѣхъ же мученіяхъ, скончался...

Теперь, надо полагать, для читателя сдѣлалось вполнѣ яснымъ,—въ чемъ именно ярко проглянула причина того, что, при чтеніи статьи А. М. Колюбакина, предо мной сталъ и неотступно стоялъ образъ достойнѣйшаго Григорія Степановича, столь тяжко поплатившагося за предвидѣніе и за стремленіе къ обнаруженію грязныхъ дѣяній, надъ которыми дѣятельно работали подлые представители „центральныхъ державъ“, принимавшихся нами за друзей.— Вполнѣ правъ былъ А. М. Колюбакинъ, закончивъ свою статью словами:

Характерно, что работа германскаго правительства въ этомъ направленіи началась въ то время, когда на германскомъ престолѣ былъ старый Вильгельмъ, близкій родственникъ (родной дядя) и другъ Императора Александра II.

Тѣло мученика-консула было перевезено въ родной ему Черниговъ и, переданное тамъ безконечно любившимъ и цѣнившимъ его роднымъ, было, при тяжелопережитыхъ искренно оплакивавшимъ тяжкую утрату населеніемъ печальныхъ торжествахъ, предано тамъ родной ему землѣ... Миръ и вѣчный покой тебѣ, незабвенный, достойный слуга дорогого твоему сердцу святого отечества нашего!

Евг. Конст. Андреевскій.

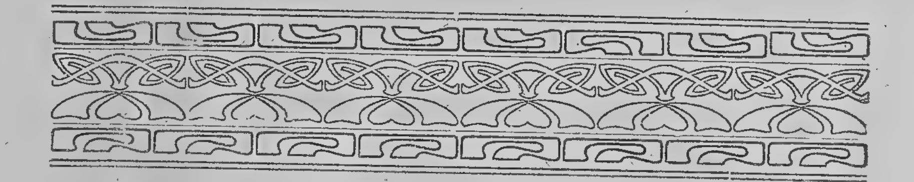
P. S. Согласно извѣстіямъ, пришедшимъ на дняхъ изъ Чернигова, между друзьями, вспоминающими гибель, постигшую покойнаго на служебномъ посту при *славномъ боевомъ* исполненіи имъ долга, сложилось намѣреніе почтить его доблестныя дѣянія постановкою ему памятника возлѣ зданія воспитавшей его мужской гимназіи черниговской.

Это очень похоже на любвеобильный Черниговъ.

Но приведеніе въ исполненіе этого въ высокой степени симпатичнаго и похвальнаго порыва должно быть по неволѣ отложено до окончанія тяжестей, наложенныхъ на теперешнее время виною того же сумасброднаго негодяя, который въ свое время очевидно явился главнымъ виновникомъ гибели достойнѣйшаго доблестнаго слуги Царскаго.

Е. Андреевскій.

Къ вопросу о бракѣ Дантеса со свояченицей А. С. Пушкина.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ могъ бы считаться безразличнымъ, если бы женитьба Дантеса на Екат. Ник. Гончаровой не обсуждалась обыкновенно въ связи съ фатальной для поэта дуэлью съ его шуриномъ. Въ книжкѣ Льва Павлищева, родного племянника Пушкина, „Кончина А. С. Пушкина. СПБ. 1899", приводятся два объясненія того, какимъ образомъ состоялась упомянутая свадьба: одно приписано извѣстному пріятелю поэта, А. Н. Вульфу, другое матери автора названной брошюры, сестрѣ Александра Сергѣевича, Ольгѣ Сергѣевнѣ. По мнѣнію перваго (стр. 68—70), Дантесъ, получивъ вызовъ, напросто струсилъ и предпочелъ „заслониться отъ дуэли добрѣйшею Е. Н. Гончаровой, поставилъ ея счастье на карту". Напротивъ, какъ полагала сестра Пушкина (стр. 33 и 70), Дантесъ, поступавшій „во всемъ очертя голову", „затѣялъ женитьбу съ бухты-барахты, увѣривъ самъ себя, что сватается по непобѣдимому чувству, о которомъ этотъ 23-лѣтній вѣтрогонъ и понятія не имѣлъ", а „намѣренія разбить семейный очагъ Александра Сергѣевича онъ не имѣлъ".

Отъ покойнаго В. А. Бильбасова я слышалъ переданный ему старухой графиней Толстой, проживавшей въ Одессѣ, разсказъ такого рода: Пушкинъ, однажды вернувшись откуда-то домой, прошелъ прямо въ находившійся при домѣ садъ [1]), гдѣ и натолкнулся на слѣдующую сцену: передъ сидѣвшей на садовой екамейкѣ женой поэта стоялъ на колѣняхъ Дантесъ, съ увлеченіемъ цѣлуя ея руки; замѣтя, какъ это поразило ея мужа, Наталья Нико-

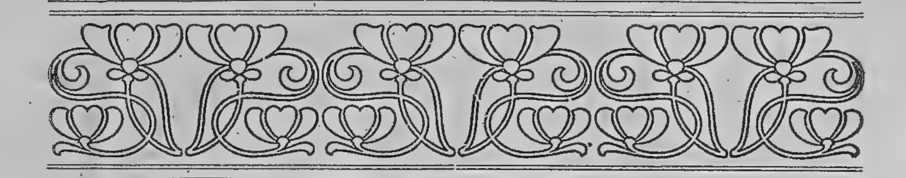
[1]) Не было ли это еще на Каменностровской дачѣ, гдѣ лѣтомъ 1836 г. сестра Пушкина встрѣтила однажды Дантеса? (Павлищевъ, l. c., стр. 65).

лаевна заявила ему, что это Дантесъ умоляетъ ее склонить ея сестру Екатерину, въ которую онъ безумно влюбленъ, на бракъ съ нимъ. Дантесъ же, захваченный врасплохъ и понимая, что жена поэта прибѣгла къ такому экспромпту, чтобы отнюдь не остаться скомпрометтированной въ глазахъ мужа, счелъ долгомъ подтвердить ея слова и въ свою очередь сталъ упрашивать и самого Пушкина содѣйствовать полученію согласія его свояченицы выйти за Дантеса замужъ. Дальнѣйшій ходъ обстоятельствъ, разрѣшившійся такъ печально для великаго писателя и вмѣстѣ для всей Россіи, извѣстенъ.

Прибавлю, что Бильбасовъ въ заключеніе своего разсказа выразилъ сожалѣніе, что не успѣлъ осуществить свое намѣреніе еще разъ повидаться съ графиней, чтобы просить ее повторить раньше разсказанное ею возможно подробнѣе, и прямо записать съ ея словъ; а когда Василій Алексѣевичъ передавалъ мнѣ слышанное имъ отъ старушки, ея уже не было въ живыхъ.

Eremita.

По поводу записокъ Н. А. фонъ-Розенбаха.

По поводу напечатанныхъ въ мартовской книгѣ журнала ст. „Записки Н. А. фонъ-Розенбаха“ редакція получила отъ У. А. Тевяшевой слѣдующее письмо.

Ред.

„Такъ какъ мнѣ неизвѣстно, кто издаетъ записки Генер. Адъют. Розенбаха, сынъ или дочь его, то обращаюсь въ Редакцію журнала „Русская Старина“ по поводу статьи, вышедшей въ мартѣ 1916 г. касательно инцидента Гн.-Ад. Скобелева и касающейся моего покойнаго мужа Генерала Тевяшева и затрагивающей нѣкоторымъ образомъ и меня.

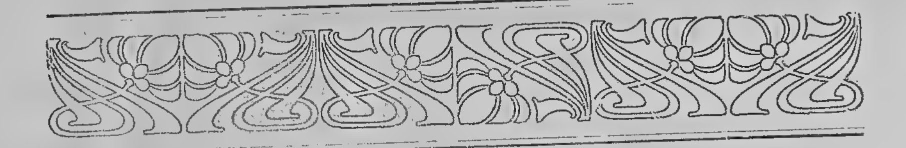
„Въ статьѣ говорится, что я отказалась принять Ген. Ад. Скобелева подъ предлогомъ, что не могу въ отсутствіи мужа принимать неизвѣстныхъ мнѣ людей. Это не отвѣчаетъ дѣйствительности. Было бы смѣшно, въ мои лѣта (мнѣ было уже 35—36 лѣтъ) выставлять такой предлогъ, тѣмъ болѣе, что я знала Скобелева. Я познакомилась съ нимъ, при началѣ Турецкой кампаніи, которую дѣлала съ мужемъ, командиромъ Ахтырскаго Гусарскаго полка—на ст. Журжево. Когда первый снарядъ изъ Рущука, попавъ въ станцію, разрушилъ одну изъ стѣнъ, въ публикѣ, ожидавшей поѣзда изъ Букареста, произошла паника. Скобелевъ, находившійся здѣсь же, старался успокоить метавшуюся толпу—приглашая всѣхъ подойти къ нему, такъ какъ онъ якобы застрахованъ отъ пуль и снарядовъ. Всѣ бросились къ нему—я осталась одна на своемъ мѣстѣ, чѣмъ обратила на себя его вниманіе. Узнавъ отъ сопровождающаго меня денщика мою фамилію, онъ представился мнѣ и

спросилъ, не боюсь ли я, на что я отвѣтила, что еслибъ боялась, то не шла бы на войну.

Значитъ, незнакомствомъ съ нимъ я не могла отговариваться отъ пріема Скобелева—я просто не *хотѣла* его принять, предчувствуя, что вся эта исторія причинитъ большія непріятности мужу. А разсержена я тѣмъ, что полковой адъютантъ, обязанность котораго ограждать, а не подводить Полкового Командира, въ сообществѣ двухъ старшихъ офицеровъ нѣсколько разъ забѣгали ко мнѣ съ просьбой принять Скобелева, разсчитывая вѣроятно на его обаяніе. Я отвѣтила, что у входныхъ дверей есть звонокъ, что Ген.-Ад. Скобелевъ можетъ безъ всякаго посредничества позвонить, и если я буду дома, я его пріиму. Но такъ какъ изъ словъ осаждающихъ меня г. офицеровъ прекрасно понимала, зачѣмъ Ген.-Ад. Скобелевъ желалъ меня видѣть, меня конечно не было дома—когда онъ позвонилъ".

У. Тевяшева

Дневникъ Патрика Гордона [1]).

22 числа выступили изъ Кіева два стрѣлецкихъ полка, изъ которыхъ въ одномъ было 515, а въ другомъ 380 человѣкъ, такъ что теперь гарнизонъ Кіевскій состоялъ только изъ 2.241 человѣка пѣхоты, 125 ч. кавалеріи и 35 констаблеровъ.

24 числа я получилъ съ Иваномъ Поздѣевымъ письма изъ Сѣвска, въ которыхъ сообщалось, что окольничій Леонтій Романовичъ Неплюевъ, по приказанію Ихъ Величествъ, отправился въ Батуринъ, чтобы переговорить съ гетманомъ о положеніи дѣлъ. Подробности этого не были извѣстны; узнали только, что Неплюевъ съ мнѣніями гетмана долженъ былъ немедленно поѣхать въ Москву. Такъ какъ мы уклонились послать въ Крымъ ежегодныя деньги татарамъ, то ханъ отправилъ посла къ польскому королю. Узнали также краткій отвѣтъ короля писцу, посланному царемъ, по совѣту гетмана. Деньги, доставленныя къ мѣсту размѣна плѣнныхъ, надлежало теперь переслать въ Москву и онѣ были снова привезены изъ Бѣлева въ Сѣвскъ.

Я отвѣчалъ въ этотъ день на полученныя письма въ Москву съ полковымъ писцомъ полка Боркова и писалъ въ Москву голландскому резиденту, полковнику Менгдену, г. Виніусу и г. Гуаскони, сообщая имъ частью новости, частью различныя повседневныя дѣла.

25 числа было получено извѣстіе, что супруга гетмана, съ сыновьями и многими другими лицами, находятся на пути въ Кіевъ, чтобы присутствовать при погребеніи тѣла супруги боярина.

---

1) См. „Русск. Старину“ май 1916 г.

26 числа пришло приказаніе выдать Кіевскому гарнизону четвертую часть полученнаго имъ жалованья.

27 числа прибыли изъ Москвы четыре царскія письма, чрезъ Переяславль въ Кіевъ. Въ одномъ изъ нихъ сообщалось, что присланныя изъ Кіева донесенія переданы по принадлежности. Оно содержало въ себѣ также поощреніе продолжать служить по-прежнему и содержать вѣрную, добрую стражу. Второе письмо касалось сдѣланнаго представленія о постройкѣ хлѣбныхъ амбаровъ для гарнизона, изъ котораго было усмотрѣно, что имѣется на лицо 46.000 шефелей ржи и 25.000 рублей деньгами, именно серебромъ—12.000 р., остальные же — мѣдною монетою. Остальныя два письма касались маловажныхъ предметовъ. Супруга гетмана, съ сыновьями и сопровождавшими ее лицами, переѣхала по льду Днѣпръ и остановилась ночевать въ городѣ въ Печерскомъ монастырѣ.

28 числа супруга гетмана съ дѣтьми и прочими лицами направилась въ Св. Михайловскій монастырь и при сильномъ плачѣ присутствовала при богослуженіи. Потомъ она посѣтила боярина, который, будучи еще боленъ, лежалъ въ кровати; затѣмъ она посѣтила ребенка и тотчасъ же разстались опять, не сказавъ слова другъ другу.

29 числа все духовенство изъ сосѣднихъ мѣстъ собралось въ Св. Михайловскомъ монастырѣ. Бояринъ былъ доставленъ на санкахъ, внесенъ на коврахъ въ церковь и нѣсколькими людьми поднятъ, чтобы проститься съ тѣломъ покойной супруги его; онъ много пролилъ слезъ при этомъ. Послѣ этого носилки, на которыхъ былъ принесенъ гробъ, были вынесены слугами умершей изъ церкви и монастыря. Бояринъ, по своей слабости, отправился къ себѣ домой; всѣ же прочіе пошли пѣшкомъ изъ города. Архимандритъ и настоятели сѣли въ кареты и поѣхали впередъ. Тѣло покойной три раза дорогой ставили на землю и пѣли молитвы (служили литіи). Гробъ былъ обитъ желтымъ муаромъ, по обѣимъ сторонамъ его, а также по концамъ висѣли гербы боярыни съ изображеніемъ двухъ львовъ, держащихъ корону, надъ которою вмѣсто шлема находились три креста; все это было на зеленомъ полѣ. Начальныя буквы именъ боярыни были изображены такъ $\frac{\text{П.}}{\text{И. Г.}}$ и $\frac{\text{Ш. Б.}}{\text{В. К.}}$ что означало Пелагея Ивановна, гетмана дочь Шереметева, боярина воеводина Кіевская. Четверо украшенныхъ носилокъ несли впереди, затѣмъ слѣдовали парадныя траурныя

сани, на которыхъ должно было везти тѣло боярыни, потомъ сочли за лучшее тѣло нести на рукахъ и при томъ въ слѣдующемъ порядкѣ. При входѣ въ монастырь стояли настоятель и священники въ ихъ церковныхъ облаченіяхъ; они встрѣтили тѣло и провожали до половины церкви. Все духовенство шло впереди; плакальщицы и всѣ прочіе слѣдовали за тѣломъ. Въ церкви былъ устроенъ великолѣпный траурный помостъ, на который и былъ поставленъ гробъ, среди четырехъ столбовъ, обтянутыхъ матеріею и украшенныхъ лампами и пирамидами свѣчей. Вездѣ висѣли изображенія смерти, а также таковыя лежали по тремъ сторонамъ помоста. Послѣ продолжительнаго пѣнія священныхъ молитвъ и окончанія погребальной церемоніи, настоятель Св. Кирилловскаго монастыря, по имени Монастырскій, крещеный еврей, произнесъ свѣтскую рѣчь. По окончаніи отпѣванія, тѣло покойной, въ сопровожденіи множества свѣчей, было вынесено изъ церкви и отнесено на то мѣсто, гдѣ было предано землѣ,—въ небольшой, вновь сооруженный склепъ,—который долженъ былъ быть такъ задѣланъ сверху, что получалъ видъ подпоры церковной стѣны. Провожавшіе тѣло возвратились опять въ церковь и слушали надгробныя слова, произнесенныя студентами и учеными. Послѣ этого, сопровождавшіе тѣло, были приглашены въ домъ Максима и угощены поминальнымъ обѣдомъ.

30 числа прибылъ въ Кіевъ Мазепа съ братомъ жены гетмана. Они имѣли порученіе отъ гетмана къ боярину, чтобы онъ прислалъ въ Батуринъ ребенка (внука гетмана) для его тамъ воспитанія. Равнымъ образомъ бояринъ долженъ былъ возвратить все, что гетманъ далъ своей дочери при замужествѣ ея, при чемъ гетманъ обѣщалъ, что это имущество не только не уменьшится, но умножится и даже удвоится. Послѣ нѣкотораго объясненія бояринъ объявилъ, что не можетъ отпустить своего сына въ Батуринъ, не испросивъ на это предварительно приказанія Ихъ Величествъ и разрѣшеніе своего отца. Что же касается имущества умершей, то онъ очень доволенъ, что оному сдѣлана опись, для большей вѣрности подписанная, съ которой обѣимъ сторонамъ даны списки, но самое имущество останется у него въ рукахъ. Оба уполномоченные гетмана, отлично видя, что они ничего не добьются и ничего не получатъ, ушли, повидимому, довольные и этимъ.

На другой день 31 числа Мазепа съ бунчужнымъ и еще съ Кіевскимъ полковникомъ, арендаторомъ Максимомъ,

городскимъ судьею (фохтомъ) и бургомистромъ пришли снова. Все имущество покойной было переписано, при чемъ оказалось до 2 пудовъ и 9 фунтовъ серебряной посуды, большею частью вызолоченной, много дорогихъ платьевъ, по оцѣнкѣ на 1.600 рублей, много жемчуга, колецъ, драгоцѣнныхъ камней на 1.000 рублей. Все это хотѣли опечатать, но бояринъ не допустилъ этого, а приказалъ поставить все на прежнее мѣсто. Пришедшіе остались этимъ недовольны и ушли, сказавъ, что когда инвентарь будетъ подписанъ сторонами, то каждая должна получить по экземпляру. Сыновья гетмана, повидимому, этимъ остались недовольны; никто не подписалъ инвентаря и всѣ въ тотъ же вечеръ ушли.

Замѣчательно, что супруга боярина, недѣль за семь до своей кончины, проснулась однажды ночью и видѣла, будто отвратительная женщина въ бѣлой одеждѣ подошла къ ея кровати. Она очень испугалась и громко закричала. Сбѣжались всѣ ея служанки, и она приказала имъ осмотрѣть позади печки, откуда, по ея словамъ, появилась эта фигура. Послѣ этого она стала до того боязлива, что не хотѣла болѣе лежать на этой сторонѣ постели и малѣйшій шорохъ пугалъ ее до чрезвычайности.

Равнымъ образомъ, очень благочестивый молодой человѣкъ, жившій въ ея домѣ, разсказывалъ, черезъ день послѣ кончины боярыни, что за четыре дня до этого, ночью, выйдя изъ нижней комнаты, онъ увидѣлъ множество дѣвушекъ, одѣтыхъ всѣ въ бѣлое и шедшихъ съ лѣстницы внизъ, однѣ направо, а другія налѣво, которыя трубили. Онъ чрезвычайно напугался этимъ и побѣжалъ назадъ въ нижнія комнаты и оттуда видѣлъ, какъ эти дѣвушки вышли изъ комнатъ, по двору и въ садъ и тамъ скрылись. Все это онъ тотъ же часъ, а за затѣмъ и на слѣдующій день разсказывалъ своимъ сотоварищамъ.

1-го апрѣля я писалъ полковнику фонъ-Менгдену и г. Гуаскони, которому поручилъ получить, за счетъ моего свояка, 60 рублей, такъ какъ мнѣ, Гордону, приходится уплатить эту сумму въ Кіевѣ. Я писалъ также полковнику Гамильтону и Ронаеру и въ пакетѣ перваго вложилъ письмо къ лорду Грехаму, которому письмо надлежало отправить черезъ Курскъ или съ другимъ какимъ-либо вѣрнымъ случаемъ. Первое письмо я отдалъ капитану, прибывшему изъ Москвы, а всѣ остальныя рейтарамъ, сопровождавшимъ стрѣльцовъ въ Сѣвскъ.

2 числа бояринъ прислалъ къ гетману слугу, съ письмомъ, въ которомъ извинялся во всемъ происшедшемъ и приводилъ вмѣстѣ съ тѣмъ основанія, по которымъ онъ не могъ отпустить своего сына и возвратить оставшееся послѣ умершей супруги имущество.

Рѣка начала мѣстами расходиться.

3 числа по почтѣ получены были два царскихъ письма. Въ одномъ изъ нихъ повелѣвалось заготовить изъ пеньки, которая имѣется въ Кіевѣ, корабельные канаты; другимъ же приказывалось выслать въ Козельскъ одного стрѣльца полка Ивана Озерова, чтобы сдать его присланному отъ гетмана для его пріема.

5 числа, по желанію Архимандрита, я ѣздилъ въ Печерскій монастырь, чтобы дать совѣтъ, какъ предотвратить обвалъ холма, на которомъ стоитъ церковь, ведущая къ подземнымъ пещерамъ, въ которыхъ погребены мощи святыхъ угодниковъ. Я совѣтовалъ отвести воду, которая подъ холмомъ протекаетъ и уноситъ съ собою много земли, и затѣмъ заполнить пустоты и промоины, сдѣланныя уже водой. Это сочли вполнѣ разумнымъ средствомъ и меня, послѣ хорошаго угощенія и большихъ благодарностей, отпустили.

7 числа рѣка очистилась отъ льда.

8 числа я отправилъ свою плохую лошадь на траву.

9 числа были готовы всѣ суда для моста.

10 числа были приведены плоты.

11 числа всѣ плоты и суда поставлены и покрыты помостомъ и мостъ черезъ Черторой наведенъ.

13 числа мостъ былъ готовъ вполнѣ и по немъ могли проѣзжать возы.

14 числа я отправился на островъ „Каролину" на охоту, которая была очень удачна.

Надлежало отправить въ Москву офицера съ извѣщеніемъ, что мостъ готовъ, и я писалъ 15 числа кн. В. В. Голицыну, Петру Васильевичу, кн. Борису Васильевичу, кн. Ивану Степановичу, Леонтію Романовичу Неплюеву, Венедикту Андреевичу Змѣеву, Емельяну Игнатьевичу Украинцеву, Өедору Андреевичу и полковнику Тимофею Киск....., Василію Боркову, Ивану Якимову, а также голландскому резиденту, полковнику фонъ-Менгдену, г. Виніусу, патеру Шмидту и полковникамъ Гамильтону и Ронаеру. Всѣ эти письма я отдалъ фендриху Маесу, который и былъ отправленъ съ извѣстіемъ объ изготовленіи моста.

16 числа явился священникъ по имени Евстафій изъ Винницы и сообщилъ, что, когда онъ былъ въ Полонномъ 8 числа, туда прибылъ козацкій полковникъ, по имени Палѣй, съ 3 повозками, каждая въ шесть лошадей и нагруженная деньгами. Эти деньги посылалъ король польскій запорожскимъ и донскимъ казакамъ, чтобы побудить ихъ явиться къ нему это лѣто на помощь. Полковникъ имѣлъ при себѣ для сопровожденія только четырехъ казаковъ и на другой же день отправился далѣе. Эти свѣдѣнія были также сообщены въ Москву съ упомянутымъ выше фендрихомъ, который и поѣхалъ туда въ среду.

Счетъ полковника Ронаера:

за 2½ локтей краснаго сукна (cloth) по 1 руб. 3 алт. 2 деньги	2 руб.	15 алт.	5 ден.
„ плату мастеру за работу	4 „	— „	— „
„ кожу, чемоданъ, подпругу для лошади и стремена	1 „	— „	— „
„ муаръ, набивку и обкладку . . .	1 „	3 „	2 „
„ шитье недоуздка	4 „	— „	— „
„ самый недоуздокъ	— „	13 „	2 „
Всего	9 руб.	3 алт.	1 деньга

17 числа въ Пятницу Страстную я отправился съ многими другими лицами въ Братскій монастырь, чтобы присутствовать на актѣ въ школѣ.

18 числа на открытомъ мѣстѣ, передъ церковью Св. Софіи, были выставлены 12 орудій, изъ которыхъ должно было стрѣлять въ ночь при возглашеніи Воскресенія Спасителя изъ гроба.

19 числа незадолго до полуночи, былъ поданъ условный знакъ, по которому послѣдовали три пушечныхъ выстрѣла изъ каждаго орудія. Я былъ у боярина съ обычнымъ поздравленіемъ; послѣ обѣда онъ прибылъ ко мнѣ, а вечеромъ я былъ у окольничаго и ужиналъ у боярина.

20 числа послѣ обѣда меня посѣтилъ окольничій.

21 числа я обѣдалъ у боярина, посѣтилъ окольничаго, а затѣмъ все общество пошло за Днѣпръ.

23 числа всѣ мы обѣдали у окольничаго и пили усердно за здоровье наше. Прибыло Царское повелѣніе отпустить одного изъ дьяковъ въ Москву. Изъ газетъ и писемъ изъ Москвы я узналъ, что король англійскій Карлъ II скон-

чался, а герцогъ Іоркъ наслѣдовалъ ему во всѣхъ владѣніяхъ королевства.

26 числа я писалъ въ Москву Леонтію Романовичу Неплюеву и просилъ его снова, чтобы меня отпустили изъ страны, приводя основанія, по которымъ я это прошу. Объ этомъ же самомъ я писалъ также Емельяну Игнатьевичу Украинцеву. Кромѣ того, я писалъ: Ѳедору Андреевичу—одни комплименты, Ивану Бирину—о соли для гарнизона; Василію Тимофеевичу Пошвинкову—о Вилліамѣ Гордонѣ; голландскому резиденту — съ препровожденіемъ книги „Описаніе рѣки Дуная и другихъ вещей"; полковнику фонъ-Менгдену—съ просьбою освѣдомиться—какія приказанія, вѣроятно, послѣдуютъ обо мнѣ самомъ; г. Гуаскони—объ отпускѣ моему слугѣ ящика съ платьями, большого футляра для бутылокъ, ящика съ оружіемъ, также лошадиной упряжи съ приборомъ бѣлаго желѣза для кареты. Вмѣстѣ съ тѣмъ я просилъ его переслать въ Кіевъ мою карету, а также сафиръ цѣною въ 10 р., вправивъ его въ кольцо, на что я посылаю ему червонецъ. Я также писалъ слѣдующимъ лицамъ: 1) католическому патеру, чтобы онъ пріѣхалъ въ Кіевъ, о чемъ я уже ранѣе просилъ его въ письмѣ, посланномъ съ фендрикомъ Маесомъ; 2) князю Василію Васильевичу Голицыну—съ просьбою разрѣшить священнику пріѣхать въ Кіевъ; 3) г. Шлатеру—о присылкѣ воды противъ эпилептическихъ припадковъ; 4) г. Коку—препровождая 40 фунтовъ икры, уложенной въ три посылки, одна въ 20 фунтовъ, а остальныя двѣ—по 10 фунтовъ, для доставленія Мевերелю; необходимыя къ этому препроводительныя письма будутъ присланы вслѣдъ за этимъ; 5) Боетенату — съ просьбою передать г. Гуаскони мою серебряную верховую одежду; 6) г. Гартману—съ просьбою сообщить о моихъ денежныхъ пересылкахъ въ Англію, по возможности, точно; 7) полковнику Девицу—частью комплименты, частью сообщая ему о положеніи его дѣлъ съ полковникомъ Иваницкимъ; 8) полковнику Ронаеру—возвращая ему взятые у него сѣдло и чепракъ; 9) полковнику Гамильтону—весьма откровенно; 10) г. Виніусу—объ обыкновенныхъ вещахъ. Всѣ эти письма отправилъ частью съ маіоромъ Иваницкимъ, частью съ моимъ слугою.

27 числа пришло извѣстіе, что польскій сеймъ законченъ и на немъ рѣшено продолжать войну съ турками и всячески стараться о пріобрѣтеніи содѣйствія русскихъ царей.

28 числа уѣхалъ изъ Кіева дьякъ Осипъ Зиновьевичъ Таториновъ и я писалъ съ нимъ бояриму Ивану Михайловичу, Алексѣю Петровичу и Ѳеодору Андреевичу. Я отправился съ бояриномъ и окольничимъ на островъ, гдѣ паслись мои лошади на лугу и мнѣ удалось застрѣлить зайца.

29 числа я подалъ записку объ исправленіи Ивановскаго бастіона.

1 мая прибылъ крестьянинъ изъ *Уфдимира* съ извѣстіемъ, что во время его пребыванія тамъ были получены письма изъ Немирова, сообщавшія, что татары произвели набѣгъ и захватили много плѣнныхъ; что поляки однако, узнавъ объ этомъ, немедленно стянули свои войска, настигли татаръ, отбивъ у нихъ всѣхъ плѣнныхъ и обратили ихъ въ бѣгство; что при этомъ значительное количество татаръ и въ томъ числѣ нѣсколько мурзъ были убиты; и что, наконецъ, взятые въ плѣнъ татары увѣряли, что къ Троицѣ прибудетъ къ польской границѣ самъ ханъ со всѣми силами.

2 числа съ означенными извѣстіями былъ отправленъ въ Москву гонецъ.

3 числа я передалъ списокъ бревенъ, балокъ и другихъ предметовъ, потребныхъ эту весну, а именно:

1.500 балокъ длиною двѣ сажени и толщиною въ верхнемъ концѣ 5—6 вершковъ,

100 половицъ, длиною 3 сажени, шириною 9 вершковъ,

500 дубовыхъ кольевъ для палисада, въ одну сажень длины и толщиною въ верхнемъ концѣ три вершка,

10,000 штукъ гонта, длиною $1\frac{1}{2}$ сажени и шириною 6 вершковъ,

4 лафета для тяжелыхъ орудій,

10 лафетовъ для орудій средняго калибра и короткихъ пушекъ,

10 лафетовъ къ короткимъ пушкамъ, привезенныхъ изъ Москвы въ 1682 году,

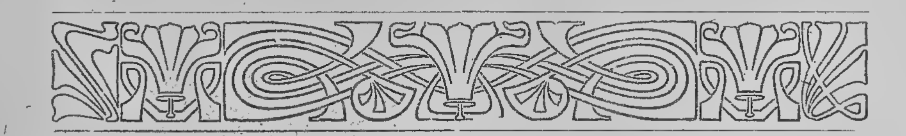
20 осей для короткихъ орудій,

40 осей къ короткимъ пушкамъ и пушкамъ средняго калибра,

60 осей для орудій малаго калибра.

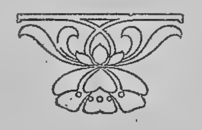
Въ этотъ день праздновалась память св. Ѳеодосія Печерскаго въ Печерскомъ монастырѣ и бояринъ со всѣми офицерами былъ приглашенъ на это празднество. Но по болѣзни боярина и худому настроенію духа окольничаго никто не пошелъ на это торжество. Сообщ. **П. М. Майковъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ портрету графа Илларіона Ивановича Воронцова-Дашкова.

Помѣщаемъ портретъ графа Илларіона Ивановича Воронцова-Дашкова, скончавшагося 15 января сего года, въ Алупкѣ. Предполагаемъ составить біографическій очеркъ этого замѣчательнаго государственнаго дѣятеля и рыцаря безъ страха и упрека. Ред.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1916 года

ТОМЪ СТО ШЕСТЬДЕСЯТЪ ВОСЬМОЙ

ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и воспоминанія.

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка. — Разсказы. — Матеріалы и замѣтки.

Приложенія:

Библіографическій листокъ.

1. Л. М. Василевскій. По слѣдамъ войны. Впечатлѣнія военнаго врача. Пгр. 1916 г. (на обложкѣ октябрьской книги).

2. Одиннадцать интермедій XVIII вѣка. Изданіе Императорскаго Общества любителей древней письменности. Памятники древней письменности и искусства. CLXXXVII. Пгр. 1915 г. (тамъ же).

3. Императорское Русское Историческое Общество. 1866—1916 г. Пгр. 1916 г. (на обложкѣ ноябрьской книги).

4. В. А. Ашикъ. Памятники и медали въ память боевыхъ подвиговъ русской арміи въ войнахъ 1812, 1813 и 1814 гг. и въ память Императора Александра I. Пгр. 1913 г. (тамъ же).

5. Библіографическій Сборникъ. Т. II, вып. I. Матеріалы по исторіи библіотековѣдѣнія въ Россіи. Пгр. 1916 г. (тамъ же).

6. Село Троицко—Кайнарджи и Сельцо Зенино, Карнѣевъ-тожъ. Историческій очеркъ. Ц. 1 р. (на обложкѣ декабрьской книги).

7. Памяти Измаила Ивановича Срезневскаго. Книга I. Изд. Императорской Академіи Наукъ. Пгр. 1916 г. Ц. 2 р. (тамъ же).

8. С. С. Троицкій. Костромской Край. Историческій сборникъ 1613—1913 гг. Кострома 1913 г. Ц. 75 к. (тамъ же).

9. С. Ф. Либровичъ. На книжномъ посту. Воспоминанія, записки, документы. Пгр. 1916 г. Ц. 2 р. 75 к. (тамъ же).

10. Профессоръ Н. Н. Фирсовъ. Условія, при которыхъ началась Семилѣтняя война. М. 1916 г. Ц. 60 к. (тамъ же).

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

ВЪ 165—168 ТОМАХЪ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ"

изд. 1916 года.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

I.

К.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

Ш.

Щ.

Э.

Ю.

Я.

Ѳ.

Указатель составила **В. В. Тимощукъ**.

3—

С. С. Троицкій. Костромской Край. Историческій сборникъ 1613—1913 г.г. Иллюстрированное изданіе. Кострома 1913 г. Ц. 75 к.

Какъ видно изъ заглавія сборника г. Троицкаго, книжка составлена по поводу 300-лѣтія дома Романовыхъ и является, такимъ образомъ, мѣстнымъ откликомъ на празднованіе событія, зародившагося въ Костромскомъ краѣ. Въ сборникѣ включены отчасти компелятивные—по трудамъ извѣстныхъ ученыхъ—отчасти спеціально составленные очерки о Михаилѣ Ѳеодоровичѣ Романовѣ, объ его отношеніи къ родному краю, о событіяхъ сопровождавшихъ его избраніе на Царство, о культурныхъ и бытовыхъ особенностяхъ края, обзоры историческихъ событій, связанныхъ съ дальнѣйшей жизнью Костромской губ. (О Комиссаровѣ и др.) и т. д. Любопытенъ краткій историко-археологическій поуѣздный обзоръ мѣстностей и городовъ Костромского края. Здѣсь много новыхъ интересныхъ сообщеній. Къ сборнику приложены хорошо выполненныя фотографіи видовъ и памятниковъ края.

С. Я.

С. Ф. Либровичъ. На книжномъ посту. Воспоминанія, записки, документы. Петрг. 1916 г. Ц. 2 р. 75 к.

Авторъ собралъ въ этой книгѣ свои многочисленные очерки и воспоминанія о наиболѣе выдающихся писателяхъ, государственныхъ и общественныхъ дѣятеляхъ, съ которыми ему приходилось встрѣчаться на своемъ жизненномъ пути вообще и въ качествѣ завѣдующаго книгоиздательствомъ М. О. Вольфа въ частности. Въ книгѣ С. Ф. Либровича, въ мѣткихъ и живыхъ характеристикахъ, проходятъ передъ читателемъ такія историческія лица, какъ И. А. Гончаровъ, А. Ѳ. Писемскій, А. Н. Островскій, И. С. Тургеневъ, С. С. Атава, М. Е. Салтыковъ-Щедринъ, графъ Д. А. Милютинъ, великій князь Константинъ Николаевичъ, В. Д. Спасовичъ и др. О каждомъ изъ нихъ сообщается какой-либо новый фактъ, хотя и незначительный съ исторической точки зрѣнія, но весьма характерный для біографіи того, къ кому относится занимательный разсказъ г. Либровича. Въ общемъ получился интересный сборникъ новыхъ матеріаловъ, мимо которыхъ не можетъ пройти историкъ русской литературы и общественности, и въ то же время чрезвычайно любопытныхъ для рядового читателя. Приводимыя же въ разныхъ мѣстахъ книги новыя письма знаменитыхъ дѣятелей отечественной литературы дѣлаютъ ее очень цѣннымъ вкладомъ въ мемуарную литературу. Издана книга С. Ф. Либровича чрезвычайно изящно съ технической стороны и поразительно дешево не только для нынѣшняго времени, но и для временъ довоенныхъ. **С. Ш.**

Профессоръ Н. Н. Фирсовъ, Условія, при которыхъ началась Семилѣтняя война. М. 1916 г. Ц. 60 к.

Очеркъ этотъ, изданный московскимъ обществомъ по изслѣдованію памятниковъ древностей, представляетъ собою рѣчь извѣстнаго казанскаго профессора по каѳедрѣ русской исторіи, Н. Н. Фирсова, который выпустилъ уже цѣлый рядъ очень цѣнныхъ изслѣдованій по исторіи XVIII—XIX вѣковъ. Рѣчь произнесена проф. Фирсовымъ въ торжественномъ засѣданіи названнаго общества по случаю открытія его дѣйствій при московскомъ археологическомъ институтѣ, и разсматриваетъ поставленную въ заголовкѣ тему съ точки зрѣнія условій и обстоятельствъ, которыя втянули Россію въ Семилѣтнюю войну. При этомъ авторъ выясняетъ также участіе Россіи въ этой войнѣ съ точки зрѣнія русскихъ государственныхъ и народныхъ интересовъ.

Н. Д.

Редакторъ-издатель **П. Н. Вороновъ**. Тип. Императ. уч. глухонѣмыхъ.

РУССКАЯ СТАРИНА 1916 г., т. 168-й, кн. XII.